

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт алтаистики им. С.С. Суразакова

А.С. Суразаков

А.А. Тишкин

Е.В. Шелепова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КОТЫР-ТАС НА АЛТАЕ

Монография

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2008

ББК 63.48 (2Рос–4Алт–6Г)

С 90

Ответственный редактор:

доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**

Рецензенты:

доктор исторических наук **В.В. Горбунов;**

кандидат исторических наук **В.И. Соёнов**

С 90 Суразаков, А.С.

Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае : монография /
А.С. Суразаков, А.А. Тишкин, Е.В. Шелепова. – Барнаул :
Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 112 с.: ил. + вкл.

ISBN 978-5-7904-0865-6

В монографии представлены результаты археологического изучения на Алтае памятника Котыр-Тас-I. Даны подробные описания и иллюстрации раскопанных раннесредневековых оградок и обнаруженных находок. Издание содержит краткую историю изучения тюркских ритуальных комплексов на Алтае и сопредельных территориях. Обозначены проблемы, возникающие при интерпретации зафиксированных погребально-поминальных объектов.

Книга рассчитана на археологов, музеологов, этнографов, культурологов и других исследователей, интересующихся средневековой историей Алтая.

ББК 63.48 (2Рос–4Алт–6Г)

*Монография подготовлена при поддержке гранта Президента России
НШ-5400.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия
на Алтае в древности и средневековье», а также в рамках реализации
научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии
и музеологии АлтГУ по теме «Комплексное изучение материальной
и духовной культуры древних и традиционных обществ Сибири»*

ISBN 978-5-7904-0865-6

© Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2008

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время существует несколько точек зрения на процессы формирования тюркской культуры, тюркского этноса и тюркской системы государственности (Тишкин А.А., 2007а). В значительной мере они базируются на письменных источниках. Изучение археологических памятников значительным образом расширяет возможности объективного отражения раннесредневековой истории Алтая (Тишкин А.А., 2007б). Среди них особое место занимают такие массовые объекты, как оградки, изваяния и балбалы. К сожалению, долгое время они исследовались попутно. Лишь некоторые археологи осуществляли целенаправленные раскопки тюркских погребально-поминальных памятников. Несмотря на это, существует значительное число проблем, связанных с назначением оградок и интерпретацией всего комплекса. Их решению уже посвящено множество публикаций. Обзор обширной научной литературы был представлен в специальной статье В.Д. Кубарева (2001), где также рассматривались хронологические и семантические аспекты зафиксированных структурных элементов поминальных сооружений и дан обстоятельный анализ существующего положения в области изучения интересующих нас памятников тюркской культуры.

Объем добываемых исследователями материалов по тюркскому времени медленно, но постепенно из года в год возрастает, внося специфику в обозначение новых и решение самых разнообразных вопросов. Важные данные в этом плане содержит памятник Котыр-Тас-I, раскопанный в 1992 г. экспедицией Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ)* под руководством А.С. Суразакова. Представляемый в монографии археологический комплекс располагается в Кош-Агачском районе Республики Алтай (рис. 1). Он состоял более чем из двух десятков тюркских подквадратных оградок, разбросанных поодиночке или же сгруппированных по два-три объекта в небольшие цепочки, вытянутые, в свою очередь, по линии Ю–С. За исключением отдельных отличительных черт, конструкция их в основном идентична. В достаточно плотном для тех

* Ныне – Институт алтаистики им. С.С. Суразакова.

мест грунте выкапывался в виде четырехугольника узкий неглубокий желоб, в который затем вставлялись разные по величине тонкие сланцевые плиты. На отдельных участках их заменяли мелкие камни, а в одном случае положили бревно. К основным оградкам в разных местах иногда делались небольшие подчетыреугольные по форме пристройки. В центре рассматриваемых сооружений вкапывались вертикально установленные деревянные столбы с обугленной нижней частью. Рядом с ними сооружались неглубокие ямки «тайнички», перекрытые сверху горизонтально положенной плиткой. Там найдены угольки, кости животных, золотые пластинки, остатки ткани. Внутри оград на уровне древнего горизонта зафиксированы следы кострищ, фрагменты костей животных, отдельные металлические предметы. После совершения комплекса ритуальных действий сооружения закладывались камнями в два-три слоя. Поверх этих насыпей встречены редкие кости животных.

В ходе изучения объектов Котыр-Таса-I удалось выявить в них множество мелких деталей. При последующих исследованиях они помогут сделать объективные заключения о тех или иных сторонах погребально-поминального обряда средневековых тюрок. В данной монографии мы остановимся на отдельных моментах, связанных с изучением рассматриваемой категории памятников.

В пределах комплекса Котыр-Тас-I, кроме оградок, нет больше никаких синхронных объектов погребального назначения. Данная ситуация и целый ряд других невольно ставят вопрос: «Если эти оградки считать поминальниками, то кого в них реально поминали, ведь погребений умерших тюрок рядом нет?» То же самое можно сказать и о многих подобных скоплениях оградок, периодически встречающихся вдоль берега протекающей рядом одной из протоков Чуи. Они расположены на некотором расстоянии друг от друга, зачастую рядом с современными зимними скотоводческими стоянками. Такие показатели больше соответствуют размещению небольших кладбищ. В свое время одним из авторов монографии было предложено рассматривать тюркские оградки в качестве памятников погребально-поминального назначения. При этом была предложена возможная система реализации обрядов (Суразаков А.С., 1988). Основанное на определенном толковании сведений китайских летописей мнение о поминальном характере сооружений в честь тюркских каганов является, по всей видимости, односторонним. Ведь сколько известно в более позднее время погребально-поминальных храмов, допустим в Средней Азии, куда переселились тюркоязычные

племена. В них не только погребали, но и поминали именитых предводителей. Вероятно, ранние истоки этой традиции как раз и уходят в тюркский период с ее погребально-поминальными храмами в честь каганов и копирующими их в упрощенной форме сооружениями для рядовых кочевников (Суразаков А.С., 1993).

Рис. 1. Место расположения памятника Котыр-Тас-I на орографической схеме Алтая

на 2 км. В юго-восточной части зоны работ было обнаружено большое скопление памятников, разбросанных небольшими группами и поодиночке. Это в основном были тюркские оградки и округлые в плане полусферические каменные курганы нередко с кольцом в основании. Рассматриваемая местность называется Котыр-Тас, что дало обозначение зафиксированных комплексов. В целом все объекты делятся на две большие группы. Первая из них расположена на распаханном поле, где и осуществлялись мелиоративные работы. Этот участок был огорожен изгородью. Памятник представляют только тюркские оградки. Все они объединены под общим названием Котыр-Тас-I (рис. 2 на стр. 36). В нескольких десятках метров к востоку от раннесредневекового комплекса начинаются курганы скифо-сакского времени и, возможно, афанасьевской культуры, которые тянутся далее к востоку небольшими скоплениями. Все они объединены в рамках археологического комплекса Котыр-Тас-II.

Раскопки экспедиции ГАНИИИЯЛ осуществлялись только в пределах памятника Котыр-Тас-I. Предварительные сведения о проведенных работах были кратко опубликованы (Суразаков А.С., 1993). Определения обнаруженных костей животных в свое время сделаны научным сотрудником Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая Алтайского госуниверситета А.В. Гальченко. Они представлены при описании результатов раскопок (глава II).

Основная задача монографии заключается в публикации результатов раскопок тюркских оградок на памятнике Котыр-Тас-I и расширенном рассмотрении полученных археологических данных. Кроме этого, кратко представлена история изучения, а также освещены основные проблемы интерпретации тюркских памятников Алтая и сопредельных территорий.

ГЛАВА I

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НА АЛТАЕ ТЮРКСКИХ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Очень краткие сведения о тюркских ритуальных комплексах (оградках, изваяниях и балбалах) известны из сообщений русских землепроходцев с XVII в. С этого времени начинается период накопления информации об археологических памятниках Алтая, длившийся до конца XIX – начала XX вв. Определенный вклад в этот процесс внесли путешественники, краеведы и ученые. В 1826 г. профессор Дерптского университета К.Ф. Ледебур произвел археологические раскопки в долине Чарыша, где он вскрыл средневековую «могилу с оградкой» (Уманский А.П., 1964). Описание ряда изваяний содержится в заметках П.С. Палласа (Кубарев В.Д., 1984, с. 4; Демин М.А., 1989, с. 26). В начале XIX в. некоторые оградки на Алтае были осмотрены и зафиксированы Г.И. Спасским (Демин М.А., 1989, с. 42). Позднее рисунок и описание изваяния, обнаруженного исследователем, Н.М. Ядринцев (1883, табл. V.-6) включил в свою статью. Г.И. Спасский видел в изваяниях изображения шаманов (Демин М.А., 1989, с. 48).

Первые попытки обоснования роли, назначения и культурной принадлежности комплексов, состоящих из оградок, изваяний и балбалов, относятся ко 2-й половине XIX в., когда было предпринято масштабное изучение древних и средневековых памятников Северной и Центральной Азии. Особая роль в этом процессе принадлежит хорошо известному ученому В.В. Радлову (1892), который исследовал погребально-поминальные объекты тюркской культуры на территории Алтая и Монголии. В результате были выявлены как «рядовые» памятники, так и «поминальные» комплексы тюркской знати (Мурзаев Э.М., 1948, с. 58; Волков В.В., 1981, с. 9; Новгородова Э.А., 1989, с. 11; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 12). В.В. Радловым изучались сооружения, возведенные в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (Евтюхова Л.А., 1952, с. 115; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978, с. 43; Майдар Д., 1981, с. 57; Войтов В.Е., 1985, с. 120–122). В северной части Монголии исследователь раскопал несколько «рядовых» оградок (Радлов В.В., 1892, табл. II.-6,

7, 9; табл. V). В процессе осмотра памятников им производилась фиксация выявленных структурных элементов. После проведенных раскопок известный тюрколог пришел к заключению, что объекты, подобные орхонским, являются не надгробными, а поминальными (Войтов В.Е., 1985, с. 121; 1996, с. 15).

На территории Алтая обширные изыскания В.В. Радлов провел в 1865 г. Материалы этих работ в 1920-е гг. были частично обработаны и опубликованы А.А. Захаровым (1926). В ходе экспедиции В.В. Радловым раскопаны три сооружения из комплекса четырех рядом стоящих оградок «...недалеко от Ангодайской миссии» (Захаров А.А., 1926, с. 73) (ныне Онгудайский район Республики Алтай). С восточной стороны каждого объекта зафиксированы «маленькие столбики» высотой 0,35 м. В центральной части одной из оградок под плитами найден железный нож. На памятнике Катанда-I (ныне Усть-Коксинский район Республики Алтай) были вскрыты четыре оградки, с восточной стороны в одной из них находился вертикально установленный «каменный столб» (Радлов В.В., 1896, с. 35–36; Захаров А.А., 1926, с. 76). При раскопках объектов найдены железные удила и нож*.

Еще четыре оградки исследованы В.В. Радловым в Чуйской степи на р. Табажек (ныне Кош-Агачский район Республики Алтай). В единственном сооружении на глубине 0,18 м был обнаружен ящик размерами 0,35х0,18 м, сложенный из каменных плит. Там находилось деревянное блюдо (на четырех ножках) с костями животного. В других оградках зафиксированы обломки железных изделий (Захаров А.А., 1926, с. 74, табл. I.-1, 3).

Все археологические памятники В.В. Радлов (1896, с. 3) подразделял на более ранние («доисторические») и более поздние («памятники династии Тукюэ»). Однако критерии для такого разграничения он не указал. По В.В. Радлову, к памятникам тюркского времени относятся комплексы, посвященные Бильге-кагану и Кюль-тегину, а также «четырёхугольники, образованные плитами, поставленными на ребра». До начала раскопок исследователь видел в оградках погребальные сооружения («четырёхугольные курганы»), которые с восточной стороны сопровождались каменными столбиками. Однако наличие материка под каменными конструкциями, отсутствие могильной ямы и каких-либо признаков погребения позволили ученому заключить, что оградки – не погребальные сооружения, а являются «местом какого-то религиозного обряда», своеобразными жертвенниками (Радлов В.В., 1896, с. 5).

* А.А. Захаров (1926, с. 76, табл. II.-14–15) приводит сведения из рапорта В.В. Радлова о раскопках на памятнике Катанда-I, где сказано, что удила и нож найдены возле балбалов.

При критическом разборе сведений письменных источников, повествующих о тюркском погребально-поминальном обряде, В.В. Радлов (1896, с. 50–51) обратил внимание на следующие моменты. Обряд трупосожжения, зафиксированный в китайских хрониках и приписываемый тюркам, не находит археологических подтверждений, а пассаж, касающийся «изображений» умершего и описания сражений, в которых он принял участие при жизни, был расценен исследователем как ошибка.

Активная роль в изучении памятников Алтая и сопредельных территорий принадлежала Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО). В составе экспедиций, организованных на его средства, работали Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др. (Шелепова Е.В., 2003в, с. 85–87). В результате был открыт и изучен целый ряд тюркских ритуальных сооружений на территории Центральной Азии (Шелепова Е.В., 2003а–б).

В 1878–1880 гг. Западно-Сибирским отделением ИРГО организованы экспедиции Н.М. Ядринцева. В запланированную территорию обследований входили долины Катунь, Коксу, Берели, Чулышмана, Улагана, Башкауса, Аргута, а также район Телецкого озера (Кубарев В.Д., 1984, с. 6; Тихонов С.С., 1990, с. 68; Марсадолов Л.С., 1996, с. 15). На Алтае исследователем зафиксировано свыше десяти тюркских изваяний («кожи-таш») (Ядринцев Н.М., 1883, с. 193–195, 197, 200; 1882, с. 32; Кубарев В.Д., 1984, с. 6). Н.М. Ядринцев очертил ареал распространения таких памятников: Алтай, Монголия, Минусинская котловина, Казахстан, Семиречье, европейская территория России. В ходе работ он обратил внимание на сходство стиля и иконографии изваяний с территории Южной Сибири и Центральной Азии (Ядринцев Н.М., 1885, с. 19–20).

Тюркские изваяния и балбалы обследованы Н.М. Ядринцевым (1883, с. 193–194) в долинах Улагана и Башкауса. Обнаруженные скульптуры подразделены им по внешним признакам на два типа: грубой отделки и с изваяниями (Ядринцев Н.М., 1883, с. 195). Наиболее часто встречавшимися оказались памятники второго типа. Определены характерные особенности их расположения, техники и стиля исполнения, а также границы территориального распространения (Ядринцев Н.М., 1882, с. 32; 1883, с. 200–201). Было отмечено, что «каменные бабы» находились вблизи курганов. Н.М. Ядринцев (1883, с. 195, 197, 199) осуществил сопоставление и сравнение предметов, изображенных на тюркских скульптурах (сосуд, оружие), и находок из погребений. Так, сосуду, изображенному на одном из изваяний, обнаружена

прямая аналогия при раскопках кургана в системе рек Аргут–Коксу–Тышту (Ядринцев Н.М., 1883, с. 197–199; Марсадилов Л.С., 1996, с. 15).

Помимо снятия размеров с «каменных баб» и их зарисовки, исследователем выявлен характерный для алтайских изваяний стиль: изображение всегда мужчины с усами, с остrokонечным головным убором, с сосудом или кувшином в правой руке, с кинжалом либо мечом в левой (Ядринцев Н.М., 1883, с. 200). Рисунки некоторых изваяний, сделанные Н.М. Ядринцевым, впоследствии были включены В.Д. Кубаревым (1984, табл. XV.-94; табл. XVII.-106; табл. XXI.-130–132; табл. XXVIII.-173) в свою монографию «Древнетюркские изваяния Алтая».

В долине Орхона (Монголия) Н.М. Ядринцев (1890, с. 257) изучал «элитные» поминальные комплексы (Котвич Вл., 1914, с. 4; Малов С.Е., 1951, с. 11; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978, с. 41; Войтов В.Е., 1985, с. 116–119; Кляшторный С.Г., 2006, с. 39–41; и др.). Были открыты сложный археологический комплекс времени II Тюркского каганата Хушо-Цайдам, городище Хар-Балгасун, развалины ламаистского монастыря Эрдэни-Дзу, столица монгольских ханов г. Каракорум, серия рунических надписей (Ядринцев Н.М., 1890, с. 41; Сэр-Оджав Н., 1971; Майдар Д., 1981, с. 61; Войтов В.Е., 1985, с. 116; 1986, с. 124). Ученым затронута проблема происхождения каменных изваяний из Хушо-Цайдама и культурной принадлежности открытых памятников. Во время экспедиции 1891 г. был произведен осмотр среднего течения р. Толы, в результате чего обнаружена серия археологических памятников. Позднее изваяния с комплекса Унгету своим своеобразием не раз привлекали внимание исследователей (Войтов В.Е., Волков В.В., Корневский С.Н., Новгородова Э.А., 1977, с. 587; Войтов В.Е., 1986, с. 122). Уже в XX в. работы на отмеченных и других ритуальных комплексах на территории Северной Монголии были продолжены (Владимирцов Б.Я., 1927; Боровка Г.И., 1927; Войтов В.Е., 1977, 1985, 1986; Волков В.В., Новгородова Э.А., Войтов В.Е., 1979; Кляшторный С.Г., 1983).

Встречаемые по пути следования экспедиции Н.М. Ядринцева древние и средневековые памятники фиксировались и наносились на карту, делались эстампажи изваяний и «балбалов», осуществлялись описания некоторых могильников. Археологические данные сопоставлялись с соответствующими сведениями средневековых письменных источников: с данными о путешествиях в Монголию Плано Карпини, Г. Рубрука и др., с китайскими хрониками.

В вопросе интерпретации оградок Н.М. Ядринцев (1882, с. 32; 1883, с. 194, 196–197, 199) придерживался позиции отнесения их к погребальным памятникам. Исследователем были определены конструктивные элементы изученных комплексов:

- а) состоят из каменных плит;
- б) сопровождаются рядами вертикально установленных камней;
- в) окружены валом или рвом;
- г) «украшены» «каменными бабами».

Опираясь на устные предания, китайские династийные хроники и собственные наблюдения, Н.М. Ядринцев (1883, с. 200, 203) решал проблемы этнокультурного характера. Истоки культуры племен, населявших территорию Южной Сибири в древности, по его мнению, следует искать в Монголии. Это предположение стало возможным в результате определения территориального распространения определенных типов погребальных и поминальных сооружений в Северной и Центральной Азии.

В 1879–1881 гг. на Алтае и в Монголии работал Г.Н. Потанин. В общей сложности им зафиксировано порядка 30 изваяний разных периодов в 11 пунктах (Потанин Г.Н., 1881, с. 66–73). Рисунок одной из тюркских скульптур, обнаруженных Г.Н. Потаниным (1885, с. 53, табл. II.-16) на территории нынешнего Онгудайского района Республики Алтай (долина Урсула), отражен в монографии В.Д. Кубарева (1984, с. 114, 118, табл. IX.-58).

Г.Н. Потаниным также был очерчен ареал распространения изваяний (в основном к северу от Гоби). Среди них выделены «отесанные» и «неотесанные», обозначены особенности нахождения (Потанин Г.Н., 1881, с. 64; Майдар Д., 1981, с. 39; Новгородова Э.А., 1989, с. 11; Савинов Д.Г., 1994, с. 8). В ходе работ осмотрено множество оградок подчетыреугольной формы, составленных из каменных плит, с изваяниями, помещенными с восточной стороны (Потанин Г.Н., 1881, с. 65). Изобразительные приемы созданных средневековых скульптур были проанализированы (Потанин Г.Н., 1881, с. 66). По некоторым деталям, например по отделке костюма, изваяния тюркского времени исследователь относил к разным культурам (Потанин Г.Н., 1885, с. 56; Новгородова Э.А., 1989, с. 11; Савинов Д.Г., 1990, с. 107).

В течение нескольких лет изучением археологических памятников Сибири и Монголии занимался финский ученый И.-Р. Аспелин (Тишкин А.А., 2000, 2002). Во время своей второй экспедиции в 1888 г. он посетил Алтай, чтобы прежде всего найти руническую надпись, сведения о которой в на-

чале XIX в. опубликовал Г.И. Спасский. О результатах пребывания финской экспедиции на Алтае можно судить по письмам и иллюстративным материалам, которые опубликованы в подготовленной Х. Аппельгрена-Кивало книге «Древнеалтайские памятники искусства...», изданной на немецком языке (Alt-Altäische Kunstdenkmäler..., 1931). Находясь в Онгудае, И.-Р. Аспелину удалось получить от местного священника сведения о древностях Алтайских гор (Тишкин А.А., 2002). В частности, о том, что большинство захоронений – это каменные курганы, от которых часто отходит один или два ряда низких каменных столбиков по направлению к восходу солнца («этот путь проделывала душа к свету»). Часто около кургана «...находится высокая каменная плита, необработанный столб либо скульптура мужчины или женщины». Таких объектов, по мнению священника, на Алтае было очень много.

Действительно, при дальнейшем путешествии в юго-восточном направлении финские участники экспедиции встречали различные каменные сооружения в достаточно большом количестве. И.-Р. Аспелин кратко описывает их в своих письмах. Художник Вуори зарисовал несколько тюркских изваяний (Alt-Altäische Kunstdenkmäler..., 1931).

Летом 1897 г. Главное управление Алтайского округа поручило С.П. Швецову произвести статистико-экономическое исследование так называемых калмыцких стойбищ. Вместе с ним поехала и его жена Мария Васильевна, результаты работы которой и собранные материалы сначала были представлены в виде доклада (Колесников А.А., 2000, с. 258), а затем опубликованы в специальной статье (Швецова М.В., 1898). Кроме различной информации (легенды, сведения об укреплениях, указания на оросительные каналы и т.д.), имеются краткие упоминания о тюркских каменных изваяниях и других памятниках старины в Чуйской и Урскульской долинах (Швецова М.В., 1898, с. 4–6). В статье М.В. Швецовой приведены рисунки, которые предоставили ей участники статистической экспедиции П.М. Юхнев и Н.Я. Никифоров.

Следует отметить проведенные изыскания таким исследователем, как И.Г. Гранэ (1910, р. 10–16), который отметил плотную насыщенность археологическими объектами плато Укок, а также пограничной с Алтаем территории Северо-Западной Монголии. На плато Укок И.Г. Гранэ (1910, taf. VI.-4–5; taf. X.-4b; taf. 5, XI.-1b) зафиксировал несколько тюркских оградов (Шелепова Е.В., Мунхбаяр Ч., 2007).

В начале XX в. ряд тюркских ритуальных комплексов на территории Западного Алтая были открыты и исследованы А.В. Адриановым (1916) в ходе изучения разновременных объектов (от раннескифского времени до периода раннего средневековья). Им раскопаны две тюркские оградки (у исследователя это курганы №1 и 2) на р. Кара-Коба (Адрианов А.В., 1916, с. 46–49, рис. 22–23). Первая оградка раскапывалась внутри и снаружи. Внутри вскрыта только центральная часть, где обнаружена яма с остатками деревянного столба. Снаружи траншеей исследована восточная сторона сооружения. Там к северо-восточному и юго-восточному углам примыкали подквадратные конструкции, сделанные из поставленных на ребро плиток, которые, как следует из описания, можно рассматривать в качестве ящичков. Под плитой ящичка, пристроенного с северо-восточной стороны, найдены угольки (Адрианов А.В., 1916, с. 47–48). С восточной стороны оградки находилось изваяние. Второе сооружение имело округлую форму. С восточной стороны находились стела и ряд из 21 балбала на расстоянии 177 м. Раскопки объекта производились только в центральной части, где обнаружена ямка, обложенная плитками, внутри которой собраны только угли (Адрианов А.В., 1916, с. 48–49). Исследователь склонялся к рассмотрению оградок как погребальных памятников, хотя и затруднялся дать им однозначное определение в связи с отсутствием собственно погребения человека (Адрианов А.В., 1916, с. 49, 80, 87).

Во время своих экспедиций известный барнаульский ботаник В.И. Верещагин неоднократно фиксировал археологические объекты и давал их краткое описание. Основное внимание уделялось курганам и каменным изваяниям. Эти сведения он включал в публикации. Например, в путевых заметках «От Барнаула до Монголии» В.И. Верещагин (1908) привел легенды и отметил наличие в долине Чуи множества памятников: могилы, «каменные бабы», писаницы на камнях и пр.

Изучение погребально-поминальных комплексов тюркской культуры, начатое до революции 1917 г., было продолжено в 20–30-е гг. XX в. На Алтае в то время работали различные экспедиции, осуществлявшие комплексные исследования археологических памятников Сибири. Летом 1924 г. по поручению Русского музея в Восточном Алтае проводила изыскания Алтайская экспедиция под руководством С.И. Руденко. Изучались разновременные памятники. Объекты эпохи средневековья открыты в основном на территории современного Улаганского района Республики Алтай по долинам рек

Бугузун, Чулышман, Улаган и Балыктыюль, а также в урочище Кудыргэ (Руденко С.И., 1953, с. 25; Гаврилова А.А., 1965, с. 12–13; Кубарев В.Д., 1984, с. 8). В 1924 г. С.И. Руденко раскопал две оградки на левом берегу Большого Улагана, в 2,5 км ниже впадения в него р. Балыктыюль. В одной из них, внутри ямки на глубине 0,4 м, были обнаружены кости человека и овцы, железные удила, наконечники стрел и пряжки (Руденко С.И., 1953, с. 25). Раскопки второго объекта находок не дали. В урочище Межелик (Арагол) на р. Улаган были вскрыты две тюркские оградки с рядами балбалов, отходившими на восток (12 от одного и 28 от другого объекта). В одной из них найдены кости таза и задних ног овцы, железные удила, пряжки и наконечники стрел (Жизненный путь..., 2004, с. 116; Савинов Д.Г., 2005, с. 133–134, рис. 2). В Сайлюгемской степи (Кош-Агачский район Республики Алтай) раскопана еще одна оградка тюркского времени с изваянием и рядом балбалов. На объекте зафиксированы следы прежних раскопок. Произведена «...выемка земли на глубину двух метров. Никаких предметов не найдено» (Жизненный путь..., 2004, с. 116). В том же 1924 г. участниками экспедиции исследованы две оградки в урочище Пазырык, одно аналогичное сооружение с изваянием и балбалами на р. Кокоря (Гаврилова А.А., 1965, с. 6, 101), а также один объект в урочище Балык. Ни в одной из них находок не обнаружено (Жизненный путь..., 2004, с. 115).

В урочище Башадар С.И. Руденко обследовал тюркское изваяние, рисунок и описание которого использовались позднее в работах Л.А. Евтюховой (1952, с. 72, рис. 2, 3) и В.Д. Кубарева (1984, с. 113, 187, табл. VIII.-52).

Две оградки на р. Бугузун (с рядами балбалов) и по одной в урочище Узундаш и на р. Чибит (Чибиль) (с изваянием; при раскопках найдены обугленные кости, угли) вскрыл в 1924 г. А.Н. Глухов (Гаврилова А.А., 1965, с. 6; Кубарев В.Д., 1984, с. 8, 128, 162–163, табл. XVII.-104; табл. XXXVI.-215).

С.И. Руденко и А.Н. Глуховым открыты и изучались памятники в урочище Кудыргэ (правый берег р. Чулышман). Могильник был зафиксирован А.Н. Глуховым в 1924 г. В том же году в ходе исследования одного из курганов был найден каменный валун, на котором выгравирована сцена коленопреклонения (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 37, 51–52, рис. 2, 18). В последующее время данный сюжет получил неоднозначные толкования в научных публикациях (Киселев С.В., 1951, с. 499; Гаврилова А.А., 1965, с. 18–21; Длужневская Г.В., 1978, с. 231–237; Кубарев В.Д., 1984, с. 193,

табл. XIV; Могильников В.А., 1992, с. 39; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 68–69; и др.). В 1925 г., наряду с исследованием на могильнике погребальных объектов, А.Н. Глуховым раскопаны и оградки (всего шесть объектов). Еще девять оградок вскрыто А.А. Гавриловой (1965, с. 6) в 1948 г. Одновременно исследовательница осмотрела другие памятники в долине Чулышмана (Кок-Паш, Коо-I–II). Раскопочные работы на этих крупных археологических комплексах позднее (в 1980-е гг.) производились экспедициями Кемеровского университета. На памятнике Кок-Паш А.А. Гаврилова (1965, с. 11) насчитала 40 оградок, из которых 10 были с балбалами.

Материалы раскопок разновременных объектов на комплексе Кудыргэ вошли в монографию «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен», подготовленную А.А. Гавриловой и изданную в 1965 г. Там опубликована сводка по тюркским оградкам, которые были раскопаны к тому времени на Алтае. В общей сложности на некрополе вскрыто 26 могил и шесть выкладок из 40, а также 15 оградок из 60 таких объектов (Гаврилова А.А., 1965, с. 5–6, 13).

Особенности Кудыргинского комплекса стали объектом активной дискуссии. Обсуждались вопросы зарождения и развития традиции возведения «поминальных» оградок, характера сооружений (погребальные или поминальные памятники), семантики, этнической принадлежности и др. (Амброз А.К., 1971, с. 121; Васютин А.С., 1985, с. 73–78; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 99). Материалы памятника стали основой для создания периодизационных схем развития тюркской культуры (Тишкин А.А., 2007б).

В 1930-е гг. на Алтае начала свою работу Саяно-Алтайская экспедиция под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой (1934, 1935, 1937 гг.). Применение методики сплошного вскрытия позволило зафиксировать многие конструктивные элементы исследуемых сооружений. Измерялось расстояние между балбалами, прокопы делались вокруг изваяний/стел и балбалов, а также под некоторыми камнями (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 82, 114–117). В 1934 г. были исследованы три оградки возле урочища Кулада (долина Каракола) (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 114; Евтюхова Л.А., 1941, с. 130–132; Киселев С.В., 1951, с. 545). В центре обеих конструкций обнаружены углубления (ямки), заполненные золой, углями, иногда с остатками деревянных столбов.

В 1935 г. экспедицией осуществлялись раскопки погребальных и ритуальных комплексов тюркской культуры на территории современного

Кош-Агачского района Республики Алтай, в долине р. Курай: Курай-I (пять оградок), Курай-II (одна овальная оградка), Курай-IV (Тадила) (одна оградка). Сооружения отличались отсутствием изваяний и наличием балбалов; при раскопках обнаружены ямки с золой и углями (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 115–116; Киселев С.В., 1951, с. 545). Кроме того, с восточной стороны курганов и оградок на памятниках Курай-II и IV зафиксированы кольцевидные сооружения («кольца»), составленные из 5–7 камней, уложенных по периметру окружности (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93, 114–116, рис. 36). Замечено, что такие объекты возле оградок идентичны выкладкам, находившимся рядом с погребениями (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 116). В 1935 г. раскопана оградка, с восточной стороны которой, лицом на восток, было установлено изваяние, известное под названием «Кезер» – один из классических образцов тюркской скульптуры (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 79, 114; Евтюхова Л.А., 1952, с. 74–75, рис. 3.-2). Выполнено оно в виде круглой скульптуры и изображает мужчину с длинными усами, слегка загнутыми кверху, с остроконечной бородой. Показаны также глаза, брови и рот. На голове скульптуры видна конусообразная шапочка, в ушах – кольчатые серьги. В правой руке изображенного человека находился сосуд шаровидной формы, левая рука располагалась на поясе, который набран фестончатыми бляхами с узкими прорезями. К поясу, слева, подвешен меч с прямоугольным перекрестием, а справа – округлая сумочка.

Еще одна оградка раскопана участниками Саяно-Алтайской экспедиции на памятнике Курота-II. Три аналогичных сооружения исследованы у Туэжты (Киселев С.В., 1951, с. 545).

Материалы изучения изваяний были обобщены Л.А. Евтюховой (1941, 1952) и изложены в ряде публикаций. В работе «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии» проанализировано порядка 30 объектов (Евтюхова Л.А., 1952, с. 73–77). Использованы фотографии трех скульптур, сделанные в свое время С.И. Руденко, десять опубликованы по рисункам М.П. Грязнова, а еще ряд изваяний из Монголии – по рисункам П.К. Козлова и К.В. Вяткиной (Евтюхова Л.А., 1952, с. 97, 100–102, 119). Л.А. Евтюхова (1952, с. 115) считала, что оградки – это места поминальных жертв, своеобразные алтари, возведенные «в память погребенных в соседних курганах».

В 1939 г. раскопки на Алтае у поселка Яконур (ныне Усть-Канский район Республики Алтай) производились Алтайской экспедицией Эрмита-

жа под руководством М.П. Грязнова. Кроме исследованных курганов, были вскрыты две оградки тюркской культуры. Судя по рисунку, это примыкающие друг к другу сооружения. «У северо-восточной стороны малой оградки стоял каменный столб, а у большой с той же стороны длинный ряд из 18 таких столбов» (Грязнов М.П., 1940, с. 20, рис. 4). Полученные материалы позволили М.П. Грязнову говорить о схожем обряде устройства «могильных памятников» на Алтае и в Монголии (Хушо-Цайдам). Несмотря на отсутствие захоронений, исследователь рассматривал оградки как памятники погребальные. Следует отметить, что при исследованиях Яконурского комплекса была обнаружена раннетюркская впускная могила (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б).

Планомерное исследование тюркских погребально-поминальных памятников продолжилось в послевоенный период. С 1960-х гг. масштабные археологические работы развернулись на территории Южной Сибири, Монголии, Восточного Туркестана, Синьцзяна, Восточного и Центрального Казахстана (Грач А.Д., 1961; Кубарев В.Д., 1977, 1979а–в, 1980а–б, 1981, 1983, 1984, 1986, 2001; Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М., 1979; Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1979; Савинов Д.Г., 1972, 1981, 1987а–б, 1994, 1997; Васютин А.С., 1980, 1981, 1983а; Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д., 1980; Суразаков А.С., 1981, 1984; Сорокин С.С., 1981; Мамадаков М.Т., 1984; Волков В.В., 1980; Худяков Ю.С., 1985, 1998; Плотников Ю.А., Худяков Ю.С., 1987а–б; и др.).

В рассматриваемый период была организована Советско-монгольская историко-культурная экспедиция (СМИКЭ), производившая работы в Монголии. На Алтае в это же время предпринимается систематическое исследование тюркских «поминальных» комплексов участниками следующих экспедиций и разведочных отрядов: Алтайский отряд Южно-Сибирской экспедиции Кемеровского университета, Горно-Алтайская экспедиция Алтайского университета, экспедиция Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Саяно-Алтайский палеоэтнографический отряд Ленинградского госуниверситета и др. Территориальные границы поиска и исследования памятников не претерпели существенных изменений и концентрировались в районах наибольшего скопления древних и средневековых погребально-поминальных комплексов: Центральный, Восточный и Юго-Восточный Алтай (по рекам Бугузун, Чулышман, Коксу, Аргут, Чуя; в урочищах Пазырык, Башадар и др.).

В археологии стал более активно использоваться междисциплинарный подход. Внедрение новых методов позволило надеяться на более точное установление хронологии и культурной принадлежности памятников.

Тюркские изваяния и оградки зафиксированы и исследованы в 1960-е гг. Южно-Алтайской археологической экспедицией под руководством С.С. Сорокина (1968, с. 260–261, рис. 1, 2) в долине р. Джазатер (правый приток Аргута) и в устье р. Джумалы. Одно из обнаруженных изваяний представляет собой выразительный образец тюркской скульптуры. На плато, отделяющем р. Джазатер от поймы р. Джумалы, С.С. Сорокин (1968, с. 261–262) исследовал комплекс из двух оградок с изваяниями, окруженных общим валом и рвом. На восток от них протянулся ряд балбалов.

В 1968 г. начал работу Восточно-Алтайский отряд Северо-Азиатской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР (Кубарев В.Д., 1980а, с. 71). За период с 1968 по 1984 г. В.Д. Кубаревым зафиксировано больше половины ныне известных изваяний Алтая, раскопана целая серия тюркских оградок. Работы были сосредоточены в основном на территории Юго-Восточного и Восточного Алтая: в Кош-Агачском и Улаганском районах.

В 1975 г. в урочище Уландрык исследована небольшая тюркская оградка, вплотную к которой с востока была пристроена еще одна подквадратная конструкция. В центре обоих объектов обнаружены вертикально вкопанные стелы, находок не выявлено (Кубарев В.Д., 1979б, с. 143–144, рис. 12). Еще одна оградка с каменной стелой в центре исследована в том же году на левом берегу р. Бар-Бургазы (Кубарев В.Д., 1979б, с. 144–145, рис. 13).

Одиночная оградка, с восточной стороны которой зафиксировано кольцо из четырех валунов, изучена на левом берегу р. Елангаш. Ни в оградке, ни внутри кольца находок не выявлено (Кубарев В.Д., 1979б, с. 145, рис. 14).

В небольшой долине Боротал на правом берегу Чуи рядом с тюркскими кенотафами исследованы три оградки. Оградка №26 представляла собой насыпь из камней, которая по краям была оконтурена массивными, поставленными на ребро плитами и окружена кольцом из небольших камней, уложенных на древнюю поверхность. Только в насыпи, в ее северо-западной части, рядом с центром найдены кости животных и мелкие древесные угли. Других находок не зафиксировано. Под насыпью другого сооружения (№83) находился нетронутый материковый грунт. Оградка №86 имела подквад-

ратную в плане форму. Кости животных, фрагменты керамики и древесные угли фиксировались только в центре при разборе насыпи сооружения (Кубарев В.Д., 1979б, с. 145–147, рис. 15, 21, 22).

С 1976 г. широкомасштабные исследования развернулись в долине р. Юстыд (Кош-Агачский район Республики Алтай). Тогда В.Д. Кубаревым было раскопано пять оградок. Снаружи объекта №1, у основания переиспользованного «оленного» камня, замещавшего изваяние, был обнаружен серебряный сосуд (Кубарев В.Д., 1977, с. 211). Между оградкой и изваянием зачищен каменный ящик из плит, в котором находились древесные угли и фрагменты керамики. Подобные ящики обнаружены и в других частях раскопа. По периметру оградки зафиксированы ямы с остатками лиственничных столбов, скопление углей (Кубарев В.Д., 1979б, с. 137–140, рис. 3–4, 7–8). У оградки №2 рядом со стелой обнаружен керамический сосуд (Кубарев В.Д., 1977, с. 211; 1979б, с. 137–140, рис. 10–11). Конструкция этой оградки в целом напоминает устройство предыдущего сооружения. В центре и снаружи зачищены ямы с остатками лиственничных столбов, углями и золой (Кубарев В.Д., 1979б, с. 140–142). Ствол лиственницы обнаружен и в центре третьей оградки на Юстыде. Под каменной заброской оградок №4 и 5 найдены только кости лошади. С восточной стороны этих тюркских объектов находились «оленные» камни, использованные в качестве изваяний (Кубарев В.Д., 1979б, с. 143).

В 1978 г. на Юстыде В.Д. Кубаревым была раскопана еще одна оградка, внутри которой найдены предметы конского снаряжения, а снаружи, в ящичке, – верхняя половина серебряного сосуда (Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М., 1979, с. 238; Кубарев В.Д., 1984, с. 176, табл. XLVIII). В 1980 г. на Юстыде исследовано три оградки. Изваяния с них были вывезены (Кубарев В.Д., 1981, с. 188).

Еще один комплекс из четырех рядом стоящих оградок раскопан В.Д. Кубаревым (1978) на территории Кош-Агачского района на холме Дьер-Тебе. На восток от первых трех оградок зафиксированы ряды вертикально вкопанных камней-балбалов. В центре раскопанных объектов зачищены остатки лиственничных стволов, а снаружи отмечены пятна от сгнивших жердей, кострища (Кубарев В.Д., 1978, рис. 3–4, 6, 8). К восточной стенке оградки III примыкал ящик, составленный из трех досочек, в котором находилась кость от черепа лошади. С восточной стороны оградки II зафиксировано изваяние, открытое С.И. Руденко в 1924 г. (Кубарев В.Д.,

1978, рис. 1–2; Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXVIII.-222). Железный нож обнаружен в центре этого объекта. При исследовании оградки IV В.Д. Кубаревым впервые для такого рода памятников взяты проба угля и образец древесины для радиоуглеродного анализа. Полученные датировки (Кубарев В.Д., 1978, с. 93–94; Орлова Л.А., 1995; Тишкин А.А., 2007б, с. 277–278) стали опорными при изучении памятников тюркской культуры.

В 1976 г. в междуречье Барбургазы и Юстыда, в логу Чадыр, В.Д. Кубаревым исследована одна из трех оградок, которая дала интересные результаты. Данная оградка являлась самой большой в комплексе. Внутри сооружения в зольном пятне кострища, смещенном от центра к западу, найдены отдельные древесные угольки, обгорелые сучки, кости животных, а также «...три золотые бляшки полушаровидной формы с отверстиями для пришивания, два мелких фрагмента золотых листков, также с отверстиями по краю, одна достаточно крупная бляшка круглой формы с четырьмя симметричными отверстиями по краю, выполненная из толстого золотого листа» (Кубарев В.Д., 1979б, с. 137, рис. 1). Кроме того, по краю кострища обнаружена миниатюрная золотая пряжка с серебряным язычком.

В 1983 г. по р. Юстыд исследовано несколько своеобразных ритуальных сооружений – это оградки со стелами в центре и дополнительные конструкции в виде колец с восточной стороны (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 193–194). В объекте №1, представляющем собой прямоугольную оградку, в центре зафиксированы пять стел, четыре из которых оказались установлены в меридиональном направлении. Верхние части всех обелисков были оббиты. С востока к ограде примыкало три «кольца». При раскопках в них обнаружены угли и мелкие фрагменты керамики, немного кальцинированных косточек (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 193, рис. 53). Объект №2 представлял собой оградку со стелой в центре, с восточной стороны которой находился меридиональный ряд из семи колец. В последних при раскопках обнаружены угольки и немного кальцинированных косточек, преимущественно мелкого рогатого скота. В оградке находок не зафиксировано (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 194, рис. 54.-1). Объект №3 – оградка с двумя стелами, установленными внутри (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 194, рис. 55.-1). В оградке №4 стела находилась не только в центре, но и с восточной стороны, снаружи. Внутри оградки и за ее пределами, рядом со стелами, выявлено значительное скопление угольков, кости мелкого рогатого скота (Кубарев В.Д.,

Шульга П.И., 2007, с. 194, рис. 55.-2). Представленные сооружения и другие подобные «культовые комплексы» В.Д. Кубарев и П.И. Шульга (2007, с. 53–56) предположительно отнесли к памятникам скифского времени, указывая, что А.Д. Грач (1968) аналогичные объекты считал тюркскими.

Еще на одном памятнике – Согонулу – «кольца» также обнаружены с восточной стороны оградки, в конце ряда балбалов. Кроме того, справа от первых балбалов была устроена малая оградка, при раскопках которой найдены кости животных и угли. С востока «основного» сооружения находилось достаточно реалистичное изваяние с отбитой головой (Кубарев В.Д., 1984, табл. XL).

В 1978 г. Восточно-Алтайским отрядом САКЭ обследовался комплекс тюркской знати в степи Макажан. Оградка была окружена валом и рвом; перед изваянием у этого сооружения собраны фрагменты керамического сосуда (Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М., 1979, с. 238; Кубарев В.Д., 1980б, с. 212; 1984, табл. XXX). В 1980 г. В.Д. Кубаревым (1981, с. 188) в Макажане раскопано еще три оградки, в которых зафиксированы остатки деревянных столбов.

В 1981 г. обследовалось «поминальное» сооружение знати на левом берегу р. Актру (приток Чуи), представлявшее собой две оградки с изваяниями, окруженные валом и рвом. В процессе раскопок по периметру четырехугольной конструкции зафиксированы столбовые ямы «... двух храмовых построек каркасного типа...» (Кубарев В.Д., 1983, с. 210). Схожий комплекс найден В.Д. Кубаревым (1984, с. 167–168, табл. XLI.-1) в урочище Малталу (правый берег р. Бугузун). Он состоял из оградки и пристроенного к ней «дополнительного» сооружения, которые были окружены общим валом и рвом. В центре и по периметру «основной» конструкции зафиксированы ямы со следами сгоревших столбов. В комплекс входило изваяние, выполненное в достаточно реалистичной манере. В названном урочище В.Д. Кубаревым (1984, с. 168–169, табл. XLI.-2) раскопана еще одна оградка с хорошо сохранившимся изваянием. Особенностью памятника является «дополнительная» оградка, устроенная справа от первых балбалов.

В урочище Тадила, где археологические исследования велись Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым в 1930-е гг., В.Д. Кубаревым (1984, с. 129–130) была раскопана оградка с изваянием. На памятнике Мухор-Тархата им исследован еще один аналогичный объект с изваянием и рядом балбалов. В

центре и по углам сооружения зафиксированы ямки с обломками дерева (Кубарев В.Д., 1984, с. 159, табл. XXXV.-205). На левом берегу р. Барбургазы раскопана одна оградка с изваянием (Кубарев В.Д., 1984, с. 170–171, табл. XLII.-234). На правом берегу той же речки, в урочище Туру-Алты, найден тюркский ритуальный комплекс из трех рядом стоящих оградок, из которых раскопана одна. Внутри сооружения выявлено две ямки, одна из которых содержала фрагменты древесины. С восточной стороны объекта находилось реалистичное тюркское изваяние (Кубарев В.Д., 1984, с. 170, табл. XLII.-233).

Комплекс из оградки, изваяния и ряда балбалов изучен В.Д. Кубаревым (1984, с. 161, табл. XXXV.-211) в урочище Терс-Акан, но результаты раскопок в указанной монографии не представлены.

Ряд оградок с изваяниями и балбалами исследован В.Д. Кубаревым (1984, с. 126–127, табл. XVI) в урочище Узун-Язы (Улаганский район Республики Алтай). Внутри одной из оградок в центре и по углам зачищены столбовые ямки с остатками деревянных кольев.

Сооружение, значительное по размерам и со своеобразной конструкцией, исследовано В.Д. Кубаревым в местности Ян-Гобо, в 10 км от с. Кокоря. Оно представляло собой оградку размерами 13,5х13,5 м, составленную из 47 плит, с изваянием и рядом балбалов, в конце которых находилась кольцевидная каменная выкладка. При выборке заполнения оградки в северо-западном углу зафиксированы миниатюрные железные удила. В центре оградки, в яме, обнаружено деревянное гробовище (размерами 170х63х70 см), пустое внутри. С восточной стороны объекта зачищены столбовые ямы с остатками лиственничных столбов (Кубарев В.Д., 1984, с. 53–54, табл. XXXIX).

Результаты исследований конца 1960-х – начала 1980-х гг. были обобщены В.Д. Кубаревым (1984) в монографии, посвященной тюркским изваяниям. В работе проанализировано порядка 250 скульптур с территории Алтая, дано их описание, опубликованы материалы раскопок. В статье 2002 г., написанной совместно с Д. Цэвээндоржем, В.Д. Кубарев указывает 286 изваяний, известных на территории Российского Алтая (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2002, с. 88).

Кроме В.Д. Кубарева, изучением тюркских оградок занимались другие археологи, однако их деятельность не всегда носила целенаправленный характер. Одна тюркская оградка (№27) была исследована А.С. Суразаковым

(1982, с. 129–131, рис. 4.-1) на памятнике Сары-Кобы. При раскопках сооружения культурных остатков не обнаружено. С 1980 г. в Онгудайском районе открыт и стал исследоваться разновременный комплекс Белый Бом-II. В пределах памятника, кроме курганов булан-кобинской культуры, раскапывались тюркские оградки (Глоба Г.Д., 1983). В сооружении №11 зафиксированы остатки древесины в центре. В другом объекте (№15) найдены угли. Еще две оградки (№16 и 46) раскопаны Ю.Т. Мамадаковым (1981, с. 4). У западной стенки оградки №46 обнаружен вертикально установленный камень-стела общей длиной 0,64 м (Мамадаков Ю.Т., 1981, с. 6–7, рис. 9). Оградка №16 вплотную примыкала к упомянутому выше объекту №15 (Мамадаков Ю.Т., 1981, с. 4, рис. 5). В результате раскопок указанных сооружений находок не выявлено. Оградки на археологическом комплексе Белый Бом-II также исследовались В.Н. Владимировым (1980). Им раскопано три объекта (№57–59), составлявшие комплекс рядом стоящих оградок (по линии З–В). В центре всех сооружений найдены остатки древесины, вокруг которых выявлены угли и зольные пятна (Владимиров В.Н., 1980, с. 9–10, рис. 36–37, 40).

Параллельно с названными исследователями на Алтае в составе Алтайского отряда Южно-Сибирской экспедиции Кемеровского университета работал А.С. Васютин (1980, 1981, 1983а–б, 1984, 1985 и др.; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983; Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., 1986; Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987). Работы осуществлялись в основном в Центральном и Восточном Алтае. Железные наконечники стрел, костяные накладки на лук и др., полученные из раскопанных оградок, дополнили представления ученых о тюркском предметном комплексе. Кроме этого, изучались конструкции ритуальных сооружений. На Алтае в 1980-е гг. А.С. Васютиным были исследованы тюркские оградки на памятниках Нижняя Соору, Большой Курманак-I, Кер-Кечу, Кок-Паш, Кудыргэ, Коо I–IV, Усть-Карасу-I, Кызыл-Чын-III.

Исследование археологического комплекса Кудыргэ было продолжено в 1980-е гг. А.С. Васютиным, А.М. Илюшиным и А.П. Бандурой, а также С.П. Нестеровым, Ю.Б. Плотниковым и др. В 1982 г. А.С. Васютин и А.М. Илюшин вскрыли ряд тюркских оградок (Васютин А.С., 1985; Илюшин А.М., 2000, с. 157–158). Материалы раскопок введены в научный оборот фрагментарно. В одной из публикаций буквально сказано следующее: «Новые материалы из раскопок кудыргинских оградок представлены

однокольчатыми удилами с железными и костяными двудырчатыми пса-лиями и без них, железными однолезвийными ножами с прямой и сер-повидной спинками, подпружными овально- и трапецевиднорамчаты-ми бесщитковыми пряжками и сбруйными кольцами...» (Васютин А.С., 1985, с. 75). Имеется сообщение о раскопках А.С. Васютиным в 1982 г. 12 тюркских оградок на данном комплексе (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 11–12). Указано, что вещевой набор в одной из ис-следованных в 1982 г. смежных оградок находился в каменном ящичке и представлен железными однокольчатыми удилами, пластинчатым стремене-м без шейки и со спрямленной Т-образной подножкой. В другой оград-ке найдено стремя с трапецевидным ушком на длинной шейке и прямой узкой подножкой, трехлопастные железные с костяными свистунками и трехгранные костяные наконечники стрел (Васютин А.С., 1984, с. 193). Тогда же в других смежных оградках комплекса были обнаружены другие датирующие находки.

В 1983 г. А.М. Илюшиным и А.П. Бандурой были исследованы три оградки (под №102–104) на памятнике Кудыргэ. Материалы раскопок сна-чала предварительного характера (Илюшин А.М., 1985; Илюшин А.М., Бандура А.П., 1987), а потом в виде полного сообщения (Илюшин А.М., 2000) опубликованы.

В 1985 г. обследования на Кудыргэ осуществлены С.П. Нестеровым и Ю.Б. Плотниковым. Для раскопок были выбраны две тюркские оградки (№13 и 64), находившиеся в аварийном состоянии и расположенные побли-зости (в 50 м) от объектов III и IV, исследованных в 1925 г. С.И. Руденко и А.Н. Глуховым (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 161–173, рис. 5, 7).

Раскопки оградок на памятнике Кудыргэ в 1980-е гг. показали, что конструкция сооружений, вещевой набор по большинству параметров иден-тичны материалам, полученным в ходе раскопок 1920-х и 1940-х гг.

Археологический комплекс Кок-Паш начал исследоваться А.С. Васю-тиным в 1982 г. Памятник располагается на мысу у слияния рек Башкаус и Чулышман, в трех километрах к югу от Кудыргэ. Помимо погребаль-ных сооружений, на Кок-Паше раскопано 17 оградок (Бобров В.В., Васю-тин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 11). В научный оборот введены материа-лы исследований только нескольких объектов. В одной из публикаций вся информация об оградках сведена только к перечислению следующих обна-руженных предметов: «...железные однокольчатые удила и пластинчатое

стремя с полуовальным ушком без шейки со спрямленной Т-образной подножкой, бесщитковые пряжки, однолезвийный черешковый нож, рельефная пластинчатая сбруйная накладка, стремя с пластинчатым ушком на длинной шейке, округлой в сечении боковиной и прямой узкой подножкой, трехлопастные наконечники стрел, трехгранный и ромбический в сечении наконечник из кости и костяные накладки на лук – одна широкая концевая с чуть намеченным вырезом для тетивы, несколько широких срединных боковых и одна узкая срединная фронтальная накладки» (Васютин А.С., 1985, с. 75). В другом сообщении речь идет об одной из кок-пашских оградок, в которой в ящичке обнаружены железные однокольчатые удила, пластинчатое стремя без шейки и с Т-образной спрямленной подножкой. Еще в одной публикации содержится также краткое упоминание о находке пластинчатых стремян со спрямленной Т-образной узкой подножкой и высоким пластинчатым ушком (Васютин А.С., 1994, с. 55–56, рис. 1.-8). Там же говорится о находке пластинчатых стремян из оградок Кок-Паша и Усть-Карасу-I (Васютин А.С., 1994, с. 56, рис. 1.-6, 12).

На памятнике Кок-Паш были произведены некоторые планиграфические наблюдения. Тюркские оградки «не только окружают предкудыргинские могилы, но и заполняют свободное пространство между ними, т.е. располагаются чересполосно...» (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 34). Установлено сходство кудыргинских и кок-пашских оградок по таким показателям, как установка балбалов у оградок (Кок-Паш, Кудыргэ, Балыктыюль) и у погребальных сооружений (Кок-Паш), устройство каменных ящичков с вещами в оградках и на уступах могильных ям (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 32).

На памятниках Коо-I–IV всего исследовано 33 оградки (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 11). Четыре из них раскопаны А.С. Васютиным на комплексе Коо-I (Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., 1986, с. 170). В одном из объектов в яме (в центре) обнаружены остатки деревянного блюда и железный черешковый нож, а в других – только кости животных.

Из оградок памятника Усть-Карасу-I опубликованы только единичные находки – стремена (Васютин А.С., 1994, с. 55–56, рис. 1.-6).

На археологическом комплексе Кызыл-Чын-III (Кош-Агачский район Республики Алтай) А.С. Васютиным (1980, с. 195) исследованы 17 одиночных и три «коллективных» оградки. Эти объекты различались разнообраз-

ной конструкцией (ящички, пристроенные с внешней стороны сооружений, одиночные или парные стелы внутри, в одном случае – обломок деревянной жерди). Более подробные сведения пока не опубликованы.

На памятнике в урочище Нижняя Соору (Онгудайский район Республики Алтай) исследования осуществлялись А.С. Васютиным (1981, с. 171) в 1980–1981 гг. Там был найден комплекс из пяти рядом стоящих оградок со стелами в центре. Внутри оградки В-3 стояла стела, на которой выгравировано изображение пешего лучника (Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987, с. 108, рис. 1).

В урочище Кур-Кечу, близ устья р. Большой Ильгумень (Онгудайский район Республики Алтай), А.С. Васютиным (1982, с. 192; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983, с. 118) раскопаны две небольшие по размерам рядом стоящие оградки (А и Б), одна со стелой в центре. В них обнаружен комплекс предметов вооружения, детали поясной гарнитуры, снаряжение верхового коня. В оградке Б (со стелой) в ямке, выявленной в восточной части сооружения, найдены два стремени, железные трехлопастные и четырехгранные наконечники стрел, удила, поясные бляхи-накладки и пряжка, черешковый нож и кресало (Васютин А.С., Елин В.Н., 1983, рис. 2, 3.-1–21).

К сожалению, результаты раскопок указанных комплексов опубликованы лишь частично, а методика самих раскопок (исследование только внутренней площади) не позволяет получить целостное представление о памятниках.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. на территории Алтая разведочные работы и раскопки производились экспедициями Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Одним из районов исследований был правый берег Катунь около с. Куяс. Там находятся два крупных археологических комплекса – Айрыдаш-I и II. С 1980 г. на памятнике Айрыдаш-I в течение ряда лет велись планомерные исследования. Там раскопано более 10 тюркских оградок (Суразаков А.С., 1981, с. 214; 1984, с. 232–233; 1990а, с. 198–199). В центре сооружений зафиксированы остатки вертикально установленных деревянных или каменных (один случай) столбов, выявлены фрагменты керамики, а за юго-восточными стенками – стелы или изваяния. У одной из столбовых ямок найдены кальцинированные кости и бронзовый наконечник ремня (Суразаков А.С., 1988, с. 569; 1990а, с. 199). На памятнике Айрыдаш-II в 1988 г. исследовано три тюркских оградки с остатками установленных в центре деревянных

столбов. С внешней стороны ограды выявлены пристройки, найдены развалы сосудов, кости животных (Ларин О.В., 1990, с. 192–196, рис. 1–3).

Одна тюркская оградка была исследована А.С. Суразаковым в урочище Кызык-Телань. Сооружение из плит, углами ориентированное по сторонам света, со стелой в центре было забутовано камнями в 2–3 слоя (Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 104–105, рис. 100). С внешней стороны юго-восточной стенки среди развала камней зафиксированы установленные на ребро две плиты. Находок не было. Кроме этого объекта, на памятнике Кызык-Телань-I имеется несколько не раскопанных тюркских оградок разной планировки (Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 4, 11–12, 104, рис. 2).

В 1980-е гг. несколько тюркских оградок раскопано археологической экспедицией ГАНИИИЯЛА на памятнике Курата-II (Суразаков А.С., 1990б). Инвентаря в них не обнаружено. Однако выявлена редкая для Алтая установка стелы с западной стороны одного из сооружений (Суразаков А.С., 1990б, с. 70).

Своеобразные материалы получены в ходе исследования ритуальных округлых и подквадратных оградок на комплексе Кара-Коба-I (Онгудайский район Республики Алтай, левый берег Урсула). Памятник исследовался в течение 1980–1981 гг. В.А. Могильниковым (1992, 1994). Изучены округлые (№76, 81-II, 74Б-I, 84-III, 86-I-IV, 88-2-4) и подквадратные (№39, 40, 45-A, 45-B, 45-B, 45-Г, 45-Д, 58, 68, 69, 83, 109, 122) конструкции. Планиграфически – это одиночные, смежные и рядом стоящие объекты. Подквадратные оградки составляли небольшие группы из рядом стоящих сооружений или располагались одиночно. Отмечена такая интересная особенность, как «пристройка» подквадратных оградок к основному комплексу округлых сооружений. Для них характерны ямки внутри сооружений с остатками деревянных столбов или каменными стелами, с ящичками, нахождение стел и балбалов за восточной стенкой, пристройки с восточной стороны (Могильников В.А., 1992, с. 187). Своеобразием отличалась подквадратная оградка №109 со стелой в центре. При ее раскопках в могильной яме (размерами 2x1,2 м) обнаружен костяк лошади, лежавшей на животе с подогнутыми ногами, головой на запад-северо-запад. С северной стороны скелета животного зафиксирована перегородка из вертикально поставленной плиты. За нею находилась колода (размерами 0,7x0,24 м), в средней части которой лежала бронзовая В-образная литая пряжка с остатками ремня (Могильников В.А., 1992, с. 184–186, рис. 13–14).

Округлые оградки примыкали друг к другу (рядом стоящие объекты) и группировались в комплексы, образующие дугу или ряд (Могильников В.А., 1994, рис. 8, 11, 16). С западной стороны некоторых оградок помещались стелы и небольшие каменные столбики-балбалы, составлявшие иногда ряды. В ряде таких оградок (№76, 81-II, 74Б-1, 84-III, 86-I-IV, 88-2-4) исследованы захоронения лошадей в ямах, в большинстве случаев с предметами снаряжения (Могильников В.А., 1994, с. 95–104, рис. 5–7, 9, 12; рис. 19–21).

В 1980 г. Ю.Т. Мамадаковым был открыт археологический комплекс Булан-Кобы-IV (Онгудайский район Республики Алтай), по которому впоследствии названа археологическая культура, датируемая сейчас II в. до н.э. – 1-й половиной V в. н.э. (Тишкин А.А., 2007б). В 1987 г. на памятнике исследованы ритуальные сооружения тюркской культуры (Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 58–63, рис. 1, 2) – семь подквадратных оградок, шесть из которых ориентированы углами по сторонам света, седьмая – стенками. Ряд оградок комплекса выделяется нахождением вертикально установленных камней с юго-западной стороны. Возле оградки №5 одновременно установлены две стелы с северо-восточной стороны. Внутри ряда конструкций (оградки №6–8) в ямах зафиксированы ящички. В ящичке из оградки №6 найдены железная пряжка, три железных и один костяной наконечники стрел. В оградке №44 в яме обнаружен расчлененный конский костяк. Находки внутри и за пределами оградки отсутствовали.

В начале 1980-х гг. исследования разновременных памятников производились на правом берегу р. Талдура (Кош-Агачский район Республики Алтай) (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983). Между цепочками курганов Талдура-I и II располагались отдельно стоявшие оградки. Исследовано три объекта. Два сооружения сопровождалось каменными изваяниями, а третье в середине имело стелу (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 130). При раскопках оград с изваяниями в центре выявлены ямки с углями и костями животных (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 130–132, рис. 9–10, 14). В оградке со стелой под южной плитой обнаружено скопление вещей: предметы вооружения (наконечники стрел), детали поясного набора (бляхи, пряжки) и серьга (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, рис. 12–13).

В 1980-е гг. алтайской группой Южно-Сибирской археологической экспедиции Кемеровского университета производились работы в Улаганском районе на памятниках Пазырык, Сары-Коба-I–III (Илюшин А.М.,

Сулейменов М.Г., 1997). В 1985 г. в урочище Пазырык исследовались разновременные объекты, среди которых раскопана одна тюркская оградка. В каменном ящике средневекового объекта лежал большой железный нож* (Илюшин А.М., 1987, с. 241–242). В 1987–1988 гг. исследования на памятнике Пазырык были продолжены. Изучена еще одна оградка тюркской культуры (объект №38), которая отличалась нахождением ящичков с внешней стороны ограждения (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 93–94, рис. 1).

На комплексе Сары-Коба-I исследовано две оградки со стелами в центре (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 95, рис. 3–4). На другом памятнике, Сары-Коба-II, также раскопано несколько подобных конструкций. В одном из объектов (оградка Г) обнаружен вещевой набор: предметы вооружения, бляхи (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, с. 96, рис. 6). На памятнике Сары-Коба-III исследована оградка без внутренних и внешних конструкций (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997, рис. 5).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС на разных памятниках вскрыта серия тюркских оградок. В 1988 г. изучался разновременный погребально-поминальный комплекс Бике-I, расположенный на правом берегу Катуни, между ее притоками Бийке и Чобураком. Наряду с раскопками курганов исследована одна подквадратная оградка со стелой в центре. Под камнями заполнения выявлен ненарушенный материковый грунт (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 83, рис. 48). В 1989 и 1991 гг. отрядами археологической экспедиции Алтайского госуниверситета (под руководством Ю.Ф. Кирюшина и М.Т. Абдулганеева) осуществлялись исследования на памятниках Тогусхан-IV, Бойтыгем-II и IV, где раскопаны подквадратные тюркские оградки (Абдулганеев М.Т., 1990, 1992; Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995). У юго-восточной стенки оградки №18 комплекса Бойтыгем-II находилось основание стелы. Находок, кроме отдельных углей и керамики, в оградке не обнаружено (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995, с. 176–168, рис. 1.-1). В одной из оградок Бойтыгема-IV (всего исследованы два рядом стоящих объекта) найдена костяная накладка лука, а в другой – железное шило (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995, рис. 1.-4–5). На памятнике Тогусхан-IV вскрыта одна оградка.

* К сожалению, более подробных сведений о раскопках данного сооружения в материалах публикации нет.

В 1992 г. на территории Чемальского района исследовался погребально-поминальный комплекс Чобурак-I (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993). Тогда были раскопаны четыре оградки. В углу одной из них с западной стороны найдено изваяние, сделанное на массивной, хорошо окатанной подпрямоугольной гальке. Оно выполнено в выразительной манере, хотя обозначены только лицо и серьга (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 17, рис. 2). Все исследованные оградки были ориентированы углами по сторонам света. С востока у нескольких объектов зафиксированы пристройки подпрямоугольной или аморфной формы (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 20). В публикации результатов исследования комплекса имеется указание, что таким оградкам с вымостками «...сопутствовали углубления с углистым заполнением и скопления костного материала с фрагментарным обожжением. Чаще всего среди этих находок встречались конские зубы...» (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 20).

В Чемальском районе раскопана еще одна оградка на памятнике Карасуг. Рядом с ней обнаружен крупный валун-изваяние с изображением человеческого лица (Худяков Ю.С., Бородовский А.П., 1993, с. 17–18, рис. 1).

Два сооружения изучены на памятнике Чобурак-I А.П. Бородовским в 1993 г. В центре одной из оградок находилась стела. Датированных находок не обнаружено (Бородовский А.П., 1994, с. 76, рис. 6).

В 1991 г. ряд интересных ритуальных объектов тюркской культуры изучен на комплексе Мендур-Соккон-I (Усть-Канский район, левый берег Чарыша), который был открыт археологическим отрядом научно-исследовательского сектора Горно-Алтайского государственного педагогического института (Соенов В.И., Эбель А.В., Глебов А.М., Пивоварова Н.Н., 1992; Соенов В.И., Эбель А.В., 1997). На памятнике вскрыто семь объектов (четыре подквадратных и три округлых оградки). Из двух смежных подквадратных сооружений в одной (№2) найдено захоронение лошади, уложенной на спину и помещенной в яму внутри оградки (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, с. 104, рис. 2, 4). В другой смежной оградке зафиксирован ящичек с вещами. В остальных подквадратных объектах найдены только угли, остатки дерева и зольные пятна (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997, рис. 5–6).

Более 20 тюркских оградок в 1992 г. открыто и исследовано на памятнике Котыр-Тас-I (Кош-Агачский район Республики Алтай) экспедицией ГАНИИИЯЛ. Особенностью оградок являются небольшие ямки с угольками, костями животных, золотые пластинки, остатки ткани, которые

обнаружены рядом с вертикально установленными деревянными столбами; возле некоторых объектов с наружной стороны сделаны пристройки (Суразаков А.С., 1993, с. 50–51). В ограде №7 было обнаружено бронзовое фигурное стремя с изображениями двух «драконов». Более подробно результаты исследований памятника Котыр-Тас-I изложены во второй главе данной монографии.

В 1994 г. Алтайско-Монгольской экспедицией производились раскопки оградок около с. Курай на комплексе Кызыл-Таш (Кош-Агачский район Республики Алтай) (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996). Из двух рядом стоящих оградок получен весьма показательный материал. В первом объекте были зафиксированы предметы конского снаряжения натурального размера (стремя восьмеркообразной формы, удила с петельчатыми окончаниями), вооружения (накладки лука: две срединных боковых и одна срединная фронтальная), железная круглая пряжка (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, с. 117, рис. 1–3). Во вторую оградку были помещены миниатюрные копии следующих изделий: железного палаша, наконечника копья с остатками древка, железного ножа, железных пластин и железной обоймы неизвестного назначения (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3).

Новые материалы по устройству тюркских оградок были получены в ходе исследований Южно-Сибирского отряда САКЭ Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Ю.С. Худякова на памятниках Биченег и Кишнег-Артудар (Чемальский район, долина р. Эдиган). В ходе полевых сезонов 2000–2002 гг. на комплексе Биченег было исследовано 11 оградок тюркской культуры (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., 2000; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, 2002, 2003). В пределах памятника Кишнег-Артудар выявлено шесть объектов (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 476–469, рис. 1–2). На названных объектах выявлены некоторые особенности. Так, характерной чертой биченегских оградок является использование в ритуале целых керамических сосудов, развалы которых найдены внутри и за пределами ограждавших конструкций.

В 2002 г. Чуйский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции (САКЭ) Института археологии и этнографии СО РАН в рамках международного проекта проводил разведочные работы на Алтае. В результате была обнаружена серия ранее неизвестных тюркских изваяний. Часть из них зафиксирована у оградок в урочище Кыйу, в 6 км от с. Инегень в Онгудайском

районе Республики Алтай (Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т. и др., 2002). В следующем полевом сезоне Восточно-Алтайский отряд САКЭ продолжил изыскания на погребально-поминальном комплексе Кыйу, где насчитывалось около 10 оградок. В результате были обнаружены еще две скульптуры тюркского времени. Кроме этого, обследовалась долина р. Айлагуш, где найдено тщательно и мастерски выполненное объемное изваяние, датированное VII–IX вв. (Кубарев Г.В., Развадовски А., Кубарев В.Д., 2003).

В 2003 г. Дендрохронологическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН осуществлялись исследования в долине р. Актру. В ходе получения инженерно-топографического плана памятника Коол-2 зафиксированы тюркские оградки с рядами балбалов к востоку от некоторых из них (Ануфриев Д.Е., Кравченко Е.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., 2003, с. 177).

Экспедицией Алтайского государственного университета в 2003 г. проводились исследования на памятниках Яломан-II и VII (Онгудайский район Республики Алтай) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а; Тишкин А.А., 2005; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007). На комплексе Яломан-II вскрыты две смежные (№1 и 2) и одна одиночная (№3) тюркские оградки. Возле сооружений зафиксированы изваяния и балбалы, установленные с северной стороны, некоторым из них была придана Г-образная форма (Тишкин А.А., 2005, с. 24–26, рис. 24, 25–26, 31–32; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007, с. 119–120). На памятнике Яломан-VII раскопано четыре рядом стоящих оградки (№4–7), у трех из которых находились изваяния (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007, с. 121, рис. 1–4). На двух из них сохранились изображения человеческого лица. Только в одной из оградок (№7) обнаружена датирующая находка – железные удила. В 2008 г. под руководством В.В. Горбунова произведены раскопки комплекса тюркских оградок на памятниках Яломан-IV и V, расположенных в долине р. Большой Яломан (левый приток Катунь).

В 2005 г. Чуйский отряд САКЭ Института археологии и этнографии СО РАН проводил работы в Онгудайском и Кош-Агачском районах Республики Алтай. Объектами исследования стали две тюркские оградки, одна из которых располагалась близ слияния Чуи и Катунь в урочище Кыйу, а другая находилась в местности Кызыл-Шин, в 2,5 км вверх по течению р. Чаганузун от одноименного села (Кубарев Г.В., 2005). Рядом с первым объектом стояло тюркское изваяние с отбитой головой. В центре второго

находилась хорошо сохранившаяся часть лиственничного ствола, а рядом зафиксирована ямка, в которой обнаружен ажурный наконечник ремня из бронзы, железная панцирная пластина и позвонок овцы (Кубарев Г.В., 2005, с. 370–371).

В 2006 г. Чуйским и Дендрохронологическим отрядами САКЭ Института археологии и этнографии СО РАН на территории Кош-Агачского района Республики Алтай, в местности Кызыл-Шин, были продолжены исследования ранее выявленного тюркского ритуального комплекса. В результате раскопок получены важные материалы (Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2006; Кубарев Г.В., 2007). В оградке №1 памятника Кызыл-Шин в деревянном ящичке найдены деревянный вотивный сосудик, бронзовый наконечник ремня и панцирная пластина (Кубарев Г.В., 2007, с. 50–51, рис. 1–2). В другой оградке (№5), лучше других сохранившейся в пределах комплекса, в деревянном ящичке были помещены деревянный вотивный сосудик, а также деревянное блюдо-лоток на ножках, панцирные пластины, железный нож и обломок железного насада стрелы (Кубарев Г.В., 2007, с. 51, рис. 3–5). В третьей оградке (№6) обнаружен каменный ящичек, но без находок. Во всех трех объектах зафиксированы ямки с довольно хорошо сохранившимися деревянными столбами. Такой же столб найден в оградке №18 (Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д., 2006, с. 392). С восточной стороны двух оград сохранились камни-балбалы. Оградки №9 и 12 из Кызыл-ШИна входили в комплекс из четырех рядом стоящих объектов. Внутри находились лиственничные столбы. Кроме того, в центре оградки №9 обнаружен ящик из каменных плит, внутри которого зафиксировано деревянное блюдо. В ямке рядом с ящичком лежала панцирная пластина (Кубарев Г.В., 2007, с. 52–53).

В 2006 г. в Краснощековском районе Алтайского края в пределах Чинетинского археологического микрорайона впервые исследована тюркская оградка. Объект №15 памятника Чинета-II представлял собой подквадратное сооружение, которое внутри было заложено камнями. Кроме зубов лошади, никаких находок не обнаружено (Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2006).

Летом 2006 г. на территории туркомплеса «Бирюзовая Катунь» (Алтайский район Алтайского края) исследованы тюркские оградки. Рядом с одной из них найдено изваяние (Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., 2007).

В 2007 и 2008 гг. работы по изучению тюркских погребально-поминальных комплексов были продолжены. Особенностью этих лет является перемещение целенаправленных исследований оградок и изваяний в Западную и Северо-Западную Монголию (см., например: Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007). Кроме этого, в 2007 г. исследования были продолжены в связи с предполагающимся строительством Алтайской ГЭС (Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., 2007, с. 274). На комплексе Чобурак-I раскопано шесть подквадратных и шесть округлых оградок. У трех из них с восточной стороны находились поваленные стелы, в одном случае зафиксирован балбал. Возле одной из кольцевых оградок стела была установлена с северо-западной стороны.

Изложенный обзор по истории исследования на Алтае тюркских оградок и других составляющих комплекса дает возможность представить основные этапы формирования сведений о массовых археологических объектах периода раннего средневековья, а также позволяет уяснить объем имеющихся материалов. Стоит указать, что авторы не ставили задачу дать исчерпывающие данные о процессе изучения тюркских памятников. Эту работу еще предстоит сделать. Тем не менее совершенно ясно, что настала пора обобщения всех накопленных материалов об оградках, изваяниях и балбалах на современном исследовательском уровне. Главной проблемой проведения этой научно-исследовательской деятельности является то, что не все результаты раскопок опубликованы. Ликвидировать один из таких пробелов призвана данная книга.

ГЛАВА II

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЮРКСКИХ ОГРАДОК НА ПАМЯТНИКЕ КОТЫР-ТАС-I

Памятник Котыр-Тас-I состоял из 24 хорошо фиксируемых тюркских оградок (рис. 2), которые располагались поодиночке или были скомпонованы в небольшие цепочки, вытянутые длинной осью с юга на север, по 2–3 пристроенных друг к другу объекта.

На ранее распаханном поле в некоторых местах были видны беспорядочные скопления различных камней. По всей видимости, несколько оградок уничтожено в процессе сельскохозяйственных работ. Такая же картина наблюдалась в северо-западной части поля, простирающегося в сторону с. Теленгит-Сортогой. Там находились разбросанные камни от разрушенных археологических объектов. Исходя из этих наблюдений, можно заключить, что на самом деле количество тюркских оградок было больше, и они составляли отдельный монокультурный комплекс. В 1992 г. раскопано 22 объекта и получена следующая информация.

Оградка №1 (рис. 3 и 4; фото 1 на вклейке), одиночная, находилась в западной части памятника (рис. 2). До раскопок на поверхности выступали верхние окончания камней, по которым угадывалась выкладка подчетырехугольных очертаний.

Для исследования был заложен раскоп размерами 7х6 м. После зачистки выявлена закладка оградки из рваных скальных камней, по краям которой выступали тонкие плиты ограждения (рис. 3.-1). Сооружение имело подтрапециевидную форму и оказалось вытянуто с запада на восток. Общие средние его размеры 4,4х4,2 м, высота каменной закладки 0,2–0,22 м.

У середины восточного края лежала каменная плита длиной 0,84 м и шириной 0,26 м (рис. 3.-1), возможно, представлявшая ранее вертикально стоявшую стелу («изваяние» ?).

После выборки камней закладки была зачищена ограда, сооруженная из тонких плит, находившихся на ребре (рис. 3.-3). Для их установки в материковом суглинке по форме ограды выкапывался узкий желобок. В него вставлялись плиты, нижние грани которых присыпались вынутым ранее

грунтом. Земля утрамбовывалась, за счет чего плиты и удерживались в вертикальном положении.

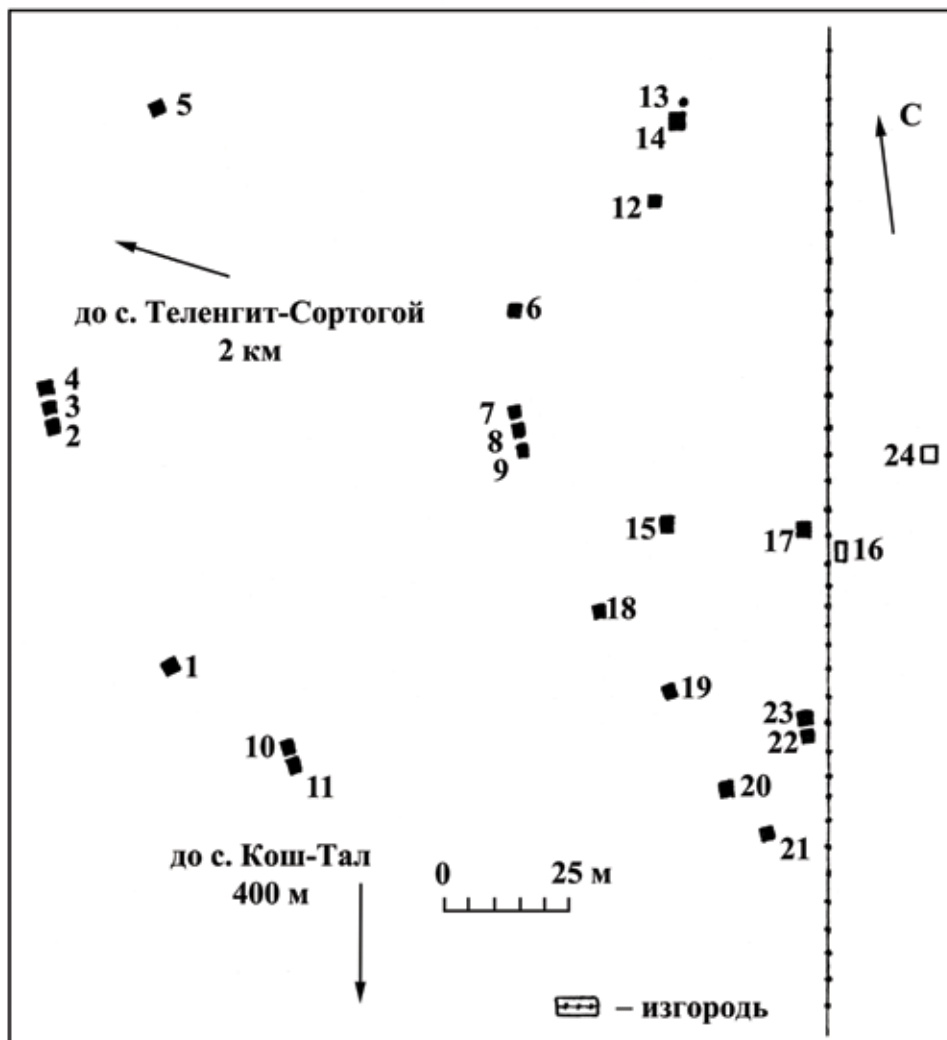

Рис 2. План археологического комплекса Котыр-Тас-І.

Конструкции после выборки внутреннего заполнения и зачистки (3)

В западной стенке стояли две плиты, в северной – две (и еще одна параллельно и вплотную к северо-восточному углу), в восточной – две (и еще одна параллельно и вплотную к юго-восточному углу), в южной – три. В северной и южной стенках имелись пустоты, хотя прокопанный в материке желобок обнаружен. Сюда, видимо, были вставлены мелкие сланцевые плитки, впоследствии полностью расслоившиеся.

Форма ограды оказалась подтрапецевидной, с расширением к востоку. Причем восточная стенка была слегка вогнута вовнутрь. Внутренние размеры ограды – 4,1х3,3 м, высота плит ограждения над материком – 0,2–0,25 м (рис. 3.-2).

В центре сооружения находилась небольшая яма диаметром 0,48 м и глубиной 0,5 м, у дна которой прослежен древесный тлен от стоявшего там некогда вертикального столба (рис. 3.-2). В верхней части заполнения найдены мелкие угольки (рис. 3.-3).

В 0,1 м к юго-западу от столбовой находилась вторая ямка овальных очертаний, размерами 0,5х0,3 м, глубиной 0,25 м. В верхней части ее заполнения также встречены зола и угольки, которые обнаружены и между ямами, где находилось несколько железных пластин от панциря (рис. 4; фото 2 на вклейке).

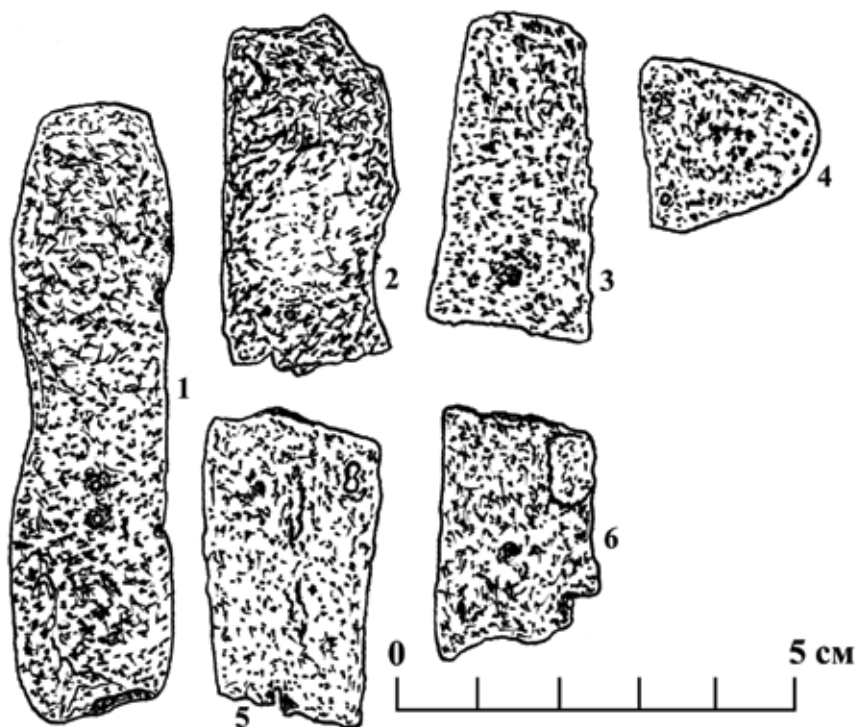

Рис. 4. Железные пластины из оградки №1

В 0,5 м к северо-востоку от центральной столбовой ямы лежали два конских зуба. У западной стенки ограды, с внешней стороны, обнаружены следы небольшого кострища (рис. 3.-3).

Ограда №2 (рис. 5, 6) располагалась в 50 м к северо–северо-западу от предыдущей (рис. 2). Она вместе с объектами №3 и 4 составляла компактную цепочку, ориентированную по линии Ю–С. Поэтому для исследования всех трех оградок был заложен единый раскоп размерами 14х5 м (рис. 5).

После зачистки ограды №2 обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого стали видны верхние окончания плит ограждения, а также восточной пристройки. Все сооружение имело подквадратную форму размерами 3,5х3,5 м, высотой 0,18–0,2 м (рис. 5).

После выборки камней заполнения зачищена подчетырехугольная в плане ограда из стоявших на ребре тонких плит, вставленных, в свою очередь, в пробитый в материке желобок (рис. 6). В отдельных местах мелкие сланцевые плитки полностью расслоились, образуя в конструкции пустоты. Внутренние размеры ограды, ориентированной стенками почти по сторонам света, составили 3х2,9 м.

В центре рассматриваемого сооружения обнаружена столбовая яма диаметром 0,36 м и глубиной 0,65 м с остатками древесного тлена в заполнении (рис. 5 и 6). В 0,3 м к северу от нее находилась еще одна яма размерами 0,71х0,28 м и глубиной 0,3 м, перекрытая сверху горизонтально уложенной сланцевой плитой. В яме ничего не найдено, но у верхних бортов ее лежало несколько железных панцирных пластин (рис. 7 и фото на вклейке).

У столбовой ямы, а также у северной стенки ограды и в ее юго-западном углу обнаружены конские зубы. По всей внутренней площади сооружения находились разбросанные мелкие фрагменты костей животных. Судя по определениям археозоолога А.В. Гальченко, из ограды №2 происходят 17 изолированных зубов и нижняя челюсть жеребца в возрасте до 3 лет, а также несколько неопределимых костных остатков, которые, скорее всего, могли принадлежать крупным копытным (лошадь?). Кроме этого, зафиксированы поясничные позвонки и фрагменты крестца от одной овцы.

К восточной стенке ограды с внешней стороны, ближе к северо-восточному углу, была сделана пристройка из установленных на ребро сланцевых плиток (рис. 5 и 6). В ней ничего не найдено.

Ограда №3 (рис. 5, 6) находилась в 1 м к северу от предыдущего объекта, т.е. в центре цепочки (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого были видны верхние окончания плит ограждения (рис. 5). Все сооружение имело подквадратную форму. Размеры его – 3,6х3,2 м, высота – 0,2–0,23 м.

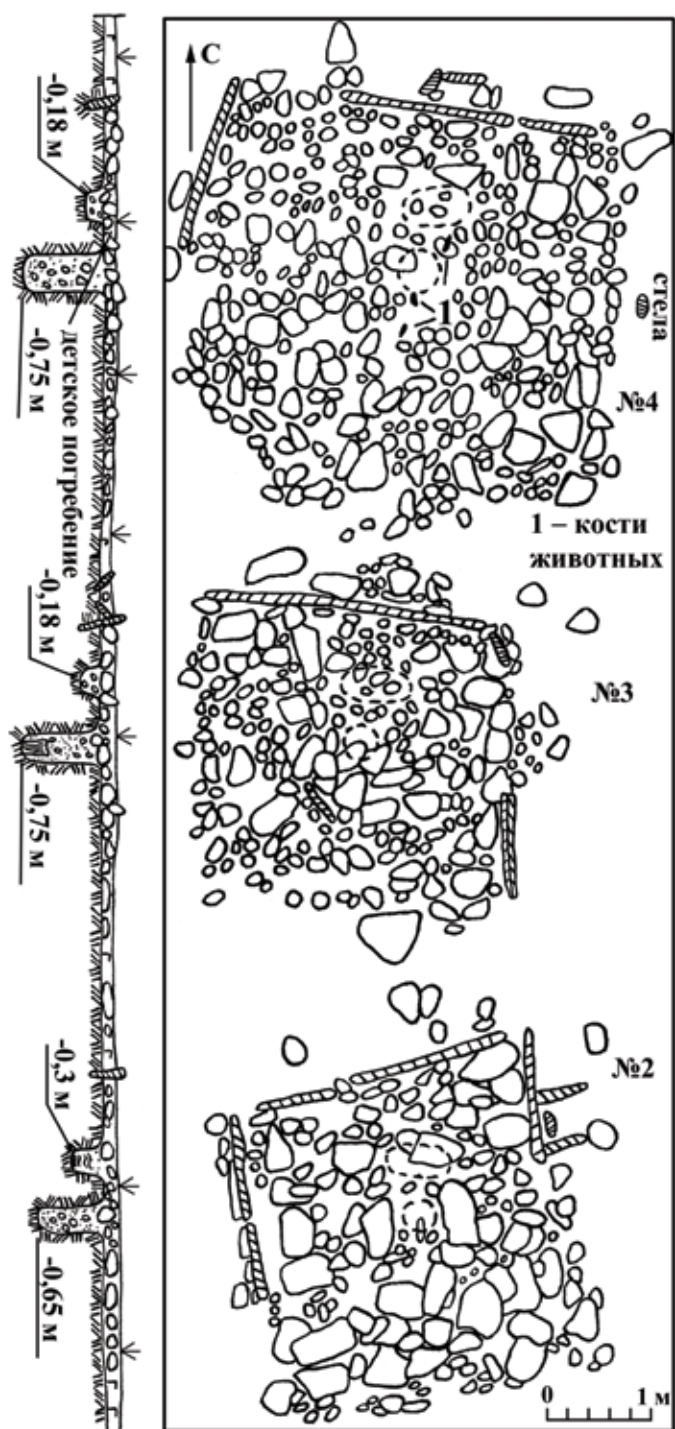

Рис. 5. Рядом стоящие оградки №2–4. Общий план сооружений в раскопе и разрез

После выборки камней заполнения зачищена подчетыреугольная в плане ограда из поставленных на ребро тонких сланцевых плит, помещенных в прокопанный в материке желобок (рис. 6). Во многих местах мелкие сланцевые плитки полностью расслоились, образуя в конструкции пустоты. Внутренние размеры оградки – 2,86х2,7 м. Стенки сооружения были ориентированы почти по сторонам света.

В центре оградки обнаружена столбовая яма диаметром 0,38 м и глубиной 0,75 м (рис. 5, 6). У дна сохранилась нижняя часть деревянного столба, стоявшего вертикально (рис. 5). Наружная его поверхность оказалась обугленной.

В 0,2 м к северу от центральной ямы находилась еще одна, размерами 0,64х0,34 м, глубиной 0,18 м, перекрытая сверху горизонтально уложенной сланцевой плиткой. У восточного верхнего борта найден фрагмент кости. Еще несколько костей животных лежало у северной и южной стенок оградки. Все остеологические материалы изучены специалистом. Получены следующие определения: лошадь – 7/1*, фрагменты нижних и верхних челюстей и изолированные зубы; крупный рогатый скот – 1/1, фрагмент восходящей ветви нижней челюсти; овца – 1/1, фрагмент лопатки; ближе к крупным копытным – три неопределимых костных остатка (н.к.о.).

Ограда №4 (рис. 5, 6; фото 4 на вклейке) располагалась в 0,5 м к северу от предыдущего объекта и замыкала собой с севера раскопанную цепочку. После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого были видны верхние окончания плит ограждения, а также северной пристройки (рис. 5). Основное сооружение имело подквадратную форму, размеры 4,6х4,5 м и высоту 0,17–0,2 м (рис. 5). Стенками оно ориентировано по сторонам света.

В центре оградки поверх камней заполнения лежали фрагменты костей одной лошади в возрасте от трех до четырех лет, а также часть нижней челюсти козы.

У середины восточного края оградки находился небольшой плитообразный камень. Он был вертикально вкопан и возвышался над поверхностью на 0,2 м. Одной из широких плоскостей стела обращена на восток.

* В числителе указано количество костей, а в знаменателе – число особей.

Рис. 6. Оградки №2–4. Зафиксированные конструкции и находки

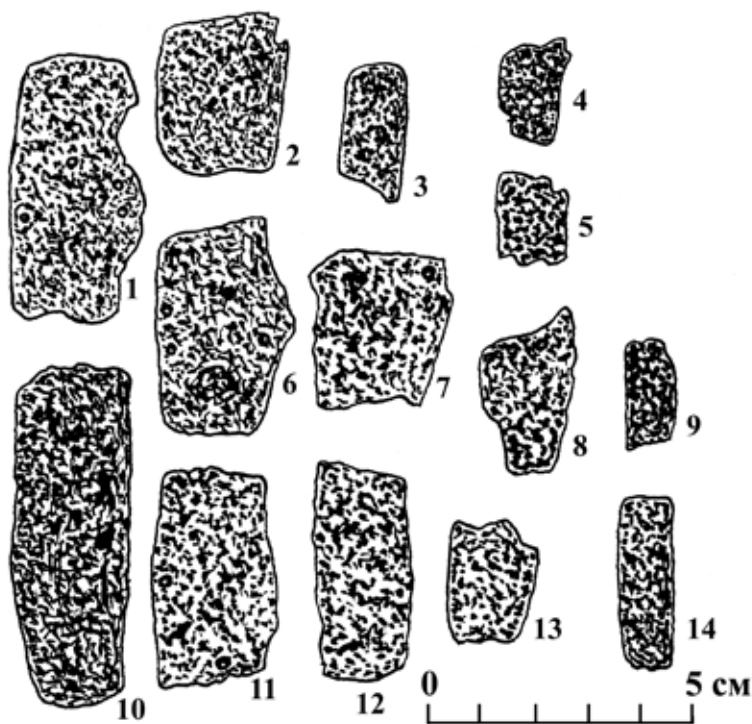

Рис. 7. Железные пластины из оградки №2

После выборки камней заполнения зафиксирована подчетыреугольная в плане ограда из стоявших на ребре тонких сланцевых плит, устроенных в прокопанные в материке узкие желобки. Во многих местах мелкие сланцевые плитки полностью расслоились, образуя в зафиксированной конструкции пустоты (рис. 6). Внутренние размеры оградки составили 3,6х3,5 м. В центре исследованного объекта обнаружена столбовая яма диаметром 0,38 м и глубиной 0,75 м, у дна которой сохранился древесный тлен. У северного борта ямы с частичным заходом на засыпку лежали кости двух детей. Судя по их расположению, младенцы были ориентированы головой на восток. У южного борта найден фрагмент челюсти травоядного животного.

В 0,18 м к северу от столбовой ямы находилась еще одна яма размерами 0,58х0,44 м, глубиной 0,18 м, перекрытая сверху горизонтально уложенной сланцевой плиткой, под которой на глубине 0,08 м аналогично располагалась другая плитка. На дне второй ямки лежали небольшая кучка крупных углей, кости крестца овцы и три золотые пластинки с рельефным орнаментом (рис. 8 и фото 5 на вклейке).

Рис. 8. Золотые рельефные пластинки из оградки №4

К середине северной стенки оградки с внешней стороны была сделана пристройка из трех установленных на ребро сланцевых плиток с внутренними размерами 0,3х0,26 м. В ней ничего не найдено.

При исследовании оградки №4 были обнаружены три кости от двух молодых коз, а также 16 фрагментов черепа, нижних и верхних челюстей жеребенка в возрасте около двух недель. Остальные неопределимые костные остатки, скорее всего, принадлежали крупным копытным животным.

Оградка №5 (рис. 9, 10) находилась в 55 м к северо-северо-востоку от предыдущей цепочки и представляла собой одиночный объект (рис. 2).

После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения (рис. 9.-1). Все сооружение имело подквадратную форму со скругленной южной стороной. Размеры его – 4,7х4,6 м, высота – 0,2–0,25 м (рис. 9.-2).

После выборки камней заполнения зачищена подчетыреугольная в плане ограда с овальной южной стенкой (рис. 10). Северная стенка сооружена из поставленных на ребро тонких сланцевых плит, вставленных в прокопанный в материке узкий желобок. Также оформлен северо-западный угол. Все остальные стенки сооружены мелким камнем, уложенным плашмя. Также оформлена и внешняя пристройка, примыкавшая к восточной стенке.

Внутренние размеры оградки были 4,3х3,7 м, а пристройки – 1,06х0,5 м. В центре сооружения обнаружена столбовая яма диаметром 0,7 м, глубиной 0,7 м. У дна ее сохранилась нижняя часть деревянного столба с обугленной поверхностью.

В 0,2 м к юго-юго-западу от столбовой находилась еще одна яма размерами 0,38х0,26 м, глубиной 0,5 м, перекрытая сверху тонкой сланцевой плитой. Под этим перекрытием на середине глубины ямы друг на друге ле-

жали еще две сланцевые плитки. На дне обнаружены крестец овцы и кусок дерева с прилипшим к нему фрагментом шелковой ткани.

В разных местах ограды обнаружены разбросанные конские зубы, обломки костей лошади (12/1) и козы (2/1), а также одна неопределимая кость, которую можно отнести, скорее всего, к мелким копытным животным.

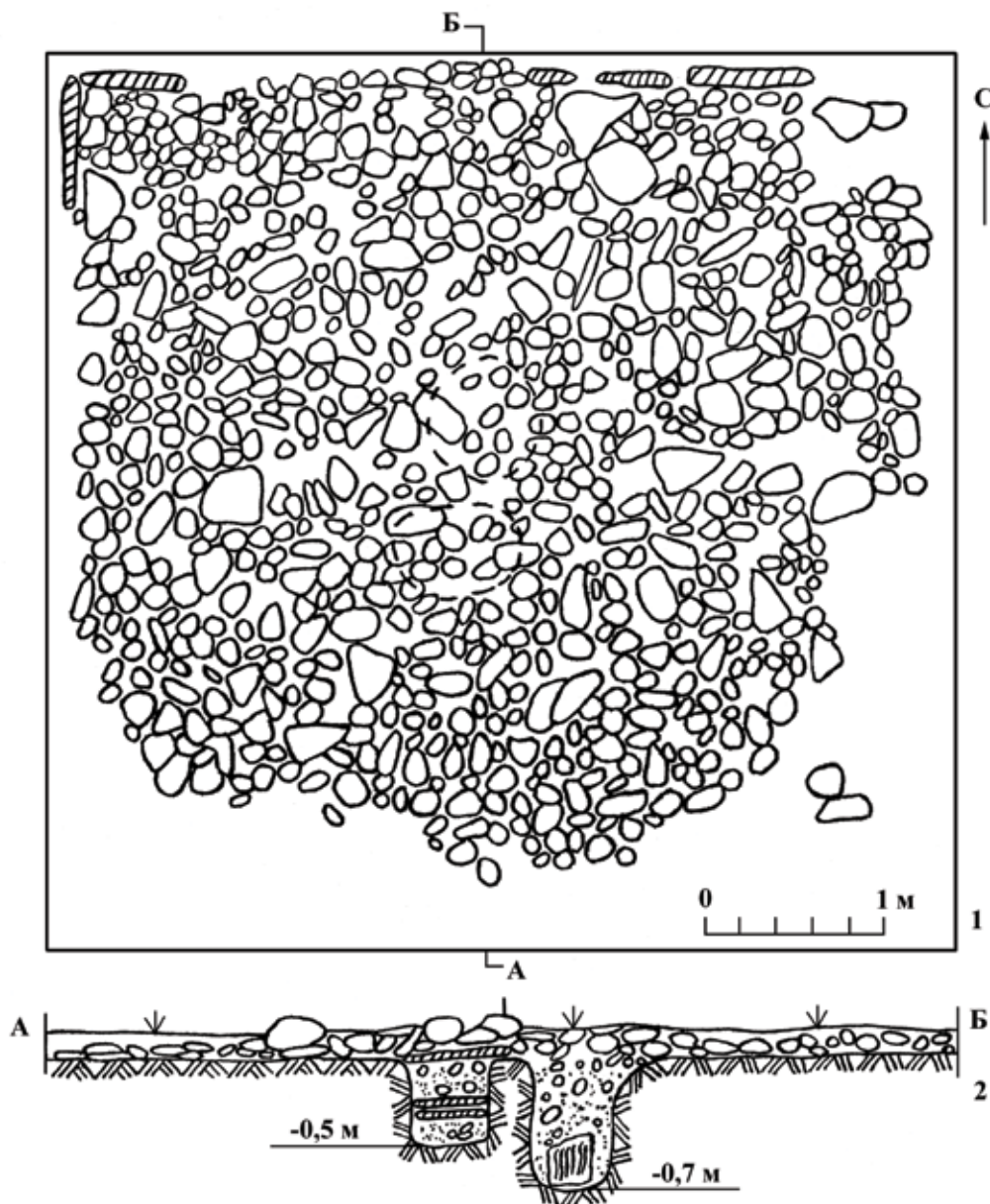

Рис. 9. Одиночная оградка №5. Общий план сооружения в раскопе (1) и разрез (2)

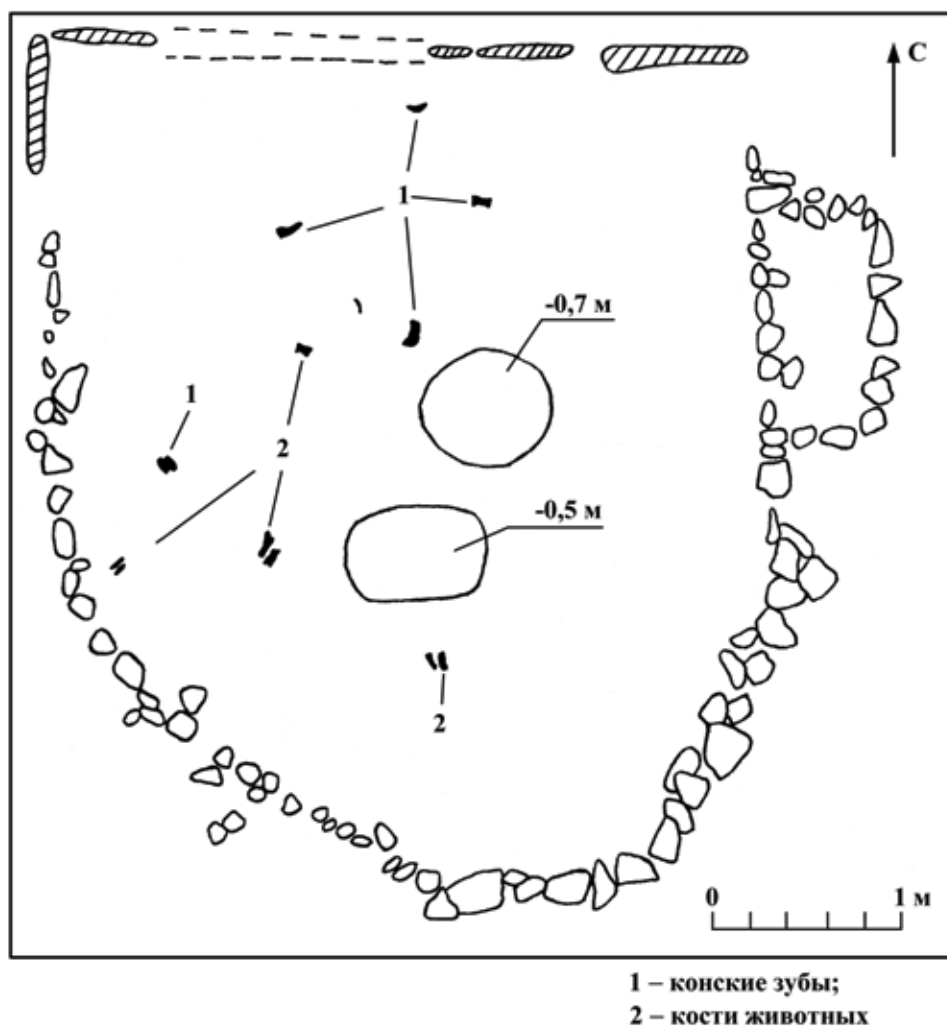

Рис. 10. Оградка №5. Зафиксированные конструкции находки

Оградка №6 (рис. 11, 12) располагалась на расстоянии 80 м к юго-востоку от предыдущего сооружения и представляла собой одиночный объект (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения. Конструкция оказалась полуразрушенной и имела аморфные в плане очертания (рис. 11.-1). С запада к ней примыкала сделанная из камней кольцевая пристройка диаметром 0,7 м с небольшим разрывом в западной стенке. Внутри этого кольца обнаружены остатки кострища в виде прокаленной земли, золы и углей (рис. 11.-1; 12).

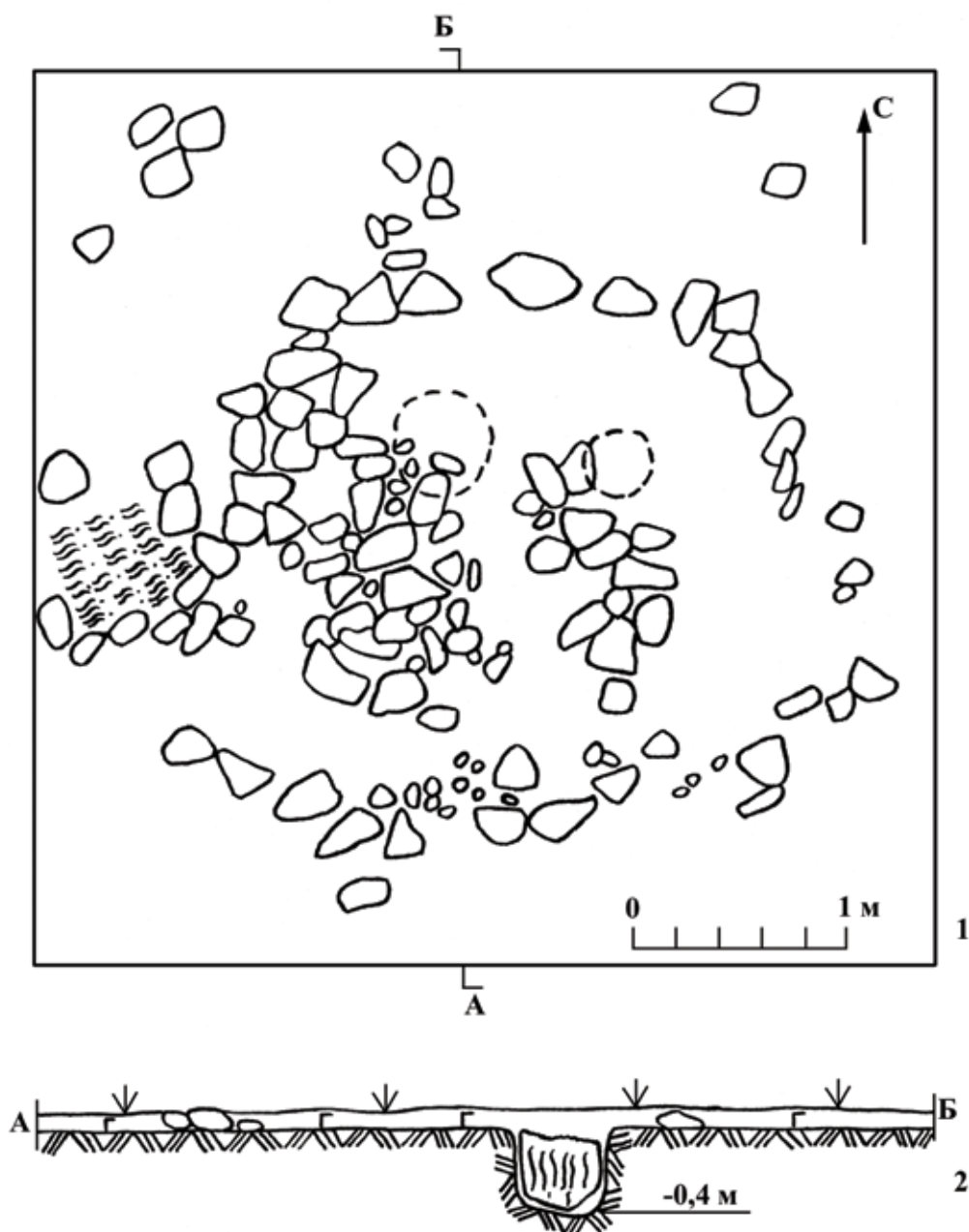

Рис. 11. Одиночная оградка №6. Общий план сооружения в раскопе (1) и разрез (2)

После выборки закладки выявлена ограда аморфных очертаний из уложенных плашмя камней (рис. 12). Ее внутренние размеры составили

2,5х2,4 м. Внутри ограды в несколько смещенном от центра к северу положении находилась столбовая яма диаметром 0,52 м и глубиной 0,4 м с остатками некогда стоявшего вертикально столба. На нижней торцевой части видны следы рубки на конус. Внешняя поверхность обуглена.

В 0,36 м к востоко-юго-востоку от столбовой находилась боковая яма диаметром 0,34 м и глубиной 0,3 м (рис. 12). В ней ничего не найдено.

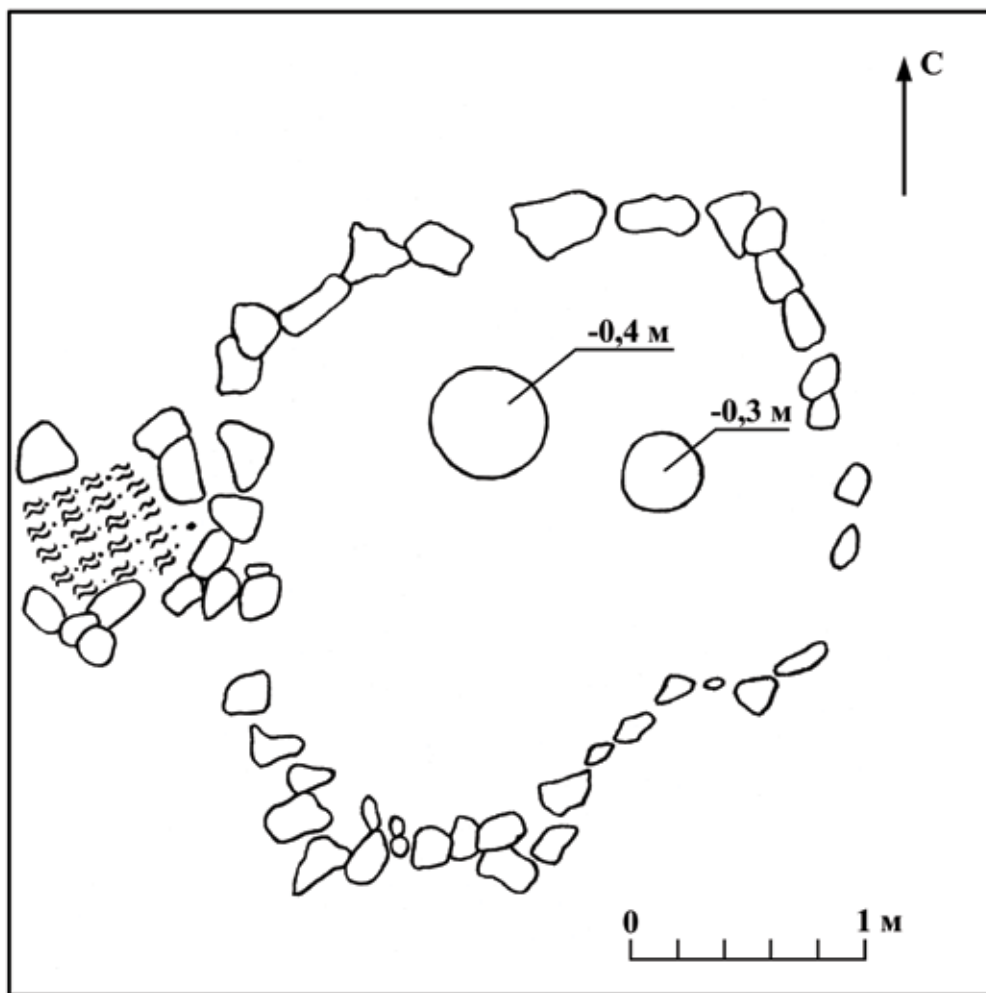

Рис. 12. Оградка №6. Зафиксированные конструкции после снятия заполнения и зачистки

Оградка №7 (рис. 13, 14) располагалась в 15 м к югу от предыдущего сооружения. Вместе с объектами №8 и 9 они составляли компактную

цепочку (рис. 2), вытянутую по линии Ю–С. Для раскопок всех трех оградок был заложен общий раскоп (рис. 13).

После зачистки оградки №7 обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого были видны верхние окончания плит ограждения (рис. 13). Все сооружение имело подквадратную форму, размеры 3,6х3,6 м, высоту 0,18 м. В центре насыпи найден фрагмент нижней челюсти лошади, а у северо-западного угла – несколько угольков.

После выборки камней заполнения зачищена подчетырехугольная в плане ограда из поставленных на ребро тонких сланцевых плит, устроенных в прокопанный в материке узкий желобок. Во многих местах мелкие сланцевые плитки полностью расслоились, образуя в конструкции пустоты. Внутренние размеры оградки составили 3,2х3 м, ориентация – стенками по сторонам света (рис. 14).

В центре ее обнаружена столбовая яма диаметром 0,46 м и глубиной 0,65 м, у дна которой сохранилась нижняя часть стоявшего здесь некогда вертикально деревянного столба. Поверхность зафиксированной древесины была обуглена.

В 0,16 м к юго-юго-западу от столбовой находилась еще одна яма размерами 0,6х0,24 м, глубиной 0,1 м. В ней ничего не найдено.

Между ямами (рис. 14) на уровне древнего горизонта лежали фигурное стремя из бронзы (рис. 15 и фото 6 на вклейке) и фрагмент кости животного.

Оградка №8 (рис. 13, 14) располагалась в центре цепочки и отстояла от предыдущей на 1 м к югу (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого были видны верхние окончания плит ограждения. Все сооружение имело подчетырехугольную форму. Размеры его 3,6х3,2 м, высота 0,19 м.

У южного края обнаружено несколько угольков. К западной стенке с внешней стороны была сделана небольшая пристройка.

После выборки камней заполнения зачищена подчетырехугольная в плане ограда из поставленных на ребро тонких сланцевых плит, вставленных, в свою очередь, в прокопанный в материке по периметру ограды узкий желобок. Во многих местах мелкие сланцевые плитки полностью расслоились, образуя пустоты. Внутренние размеры ограды 3,2х2,8 м, ориентация – по сторонам света. В центре объекта обнаружена столбовая яма диаметром 0,54 м и глубиной 0,6 м, у дна которой сохранилась обугленная снаружи нижняя часть стоявшего здесь некогда деревянного столба. Вверху заполнения лежали фрагменты костей животных. Среди них зафиксирован фрагмент нижней челюсти лошади.

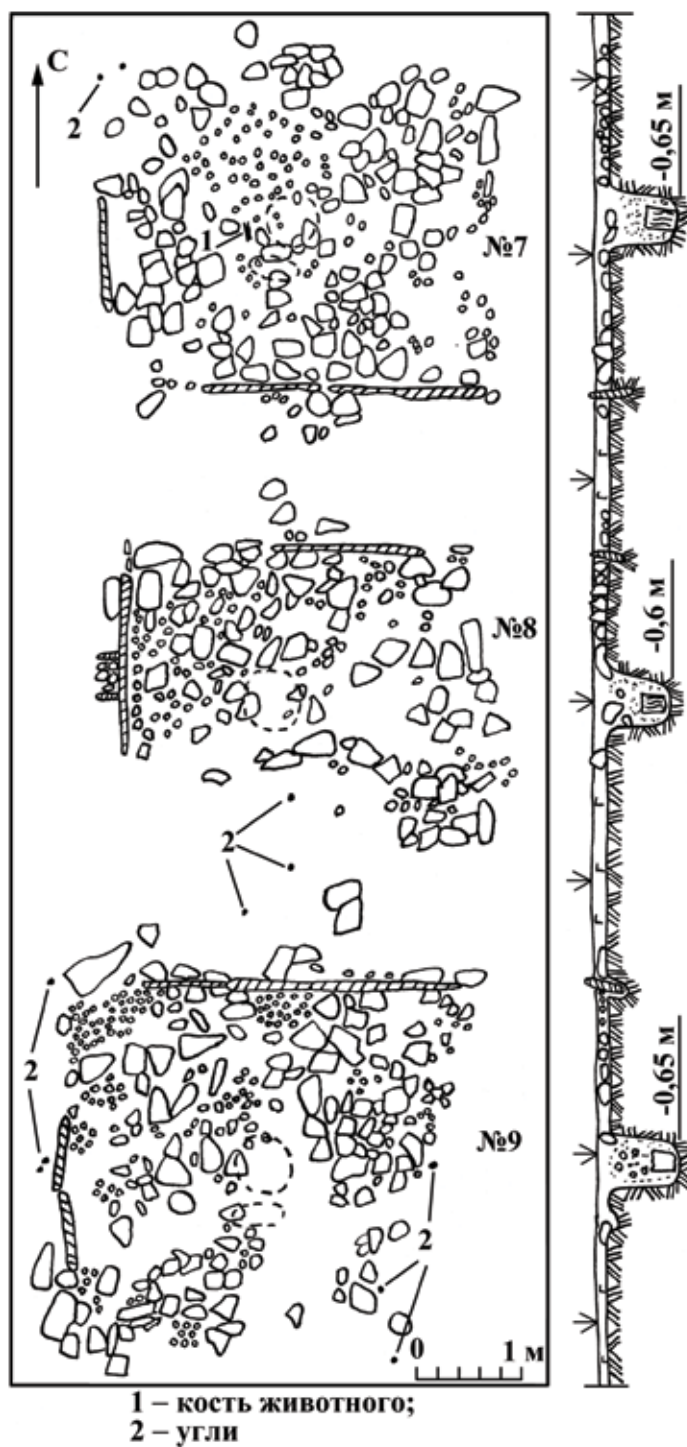

Рис. 13. Рядом стоящие оградки №7–9. Общий план сооружений в раскопе и разрез

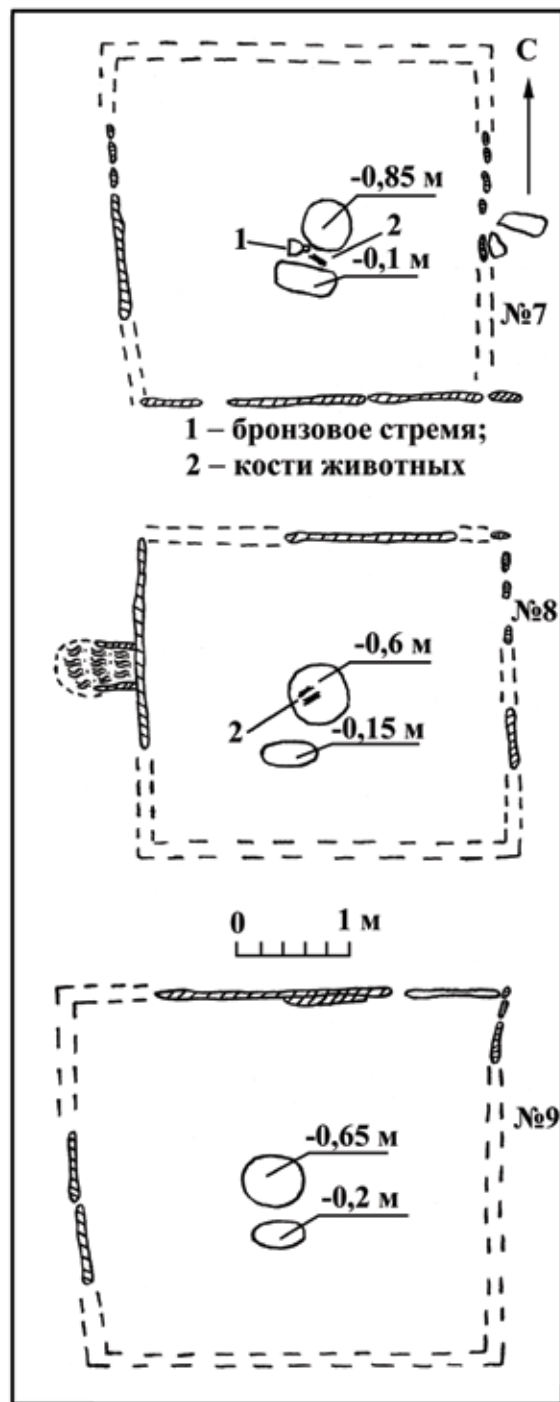

Рис. 14. Оградки №7–9. Зафиксированные конструкции и находки

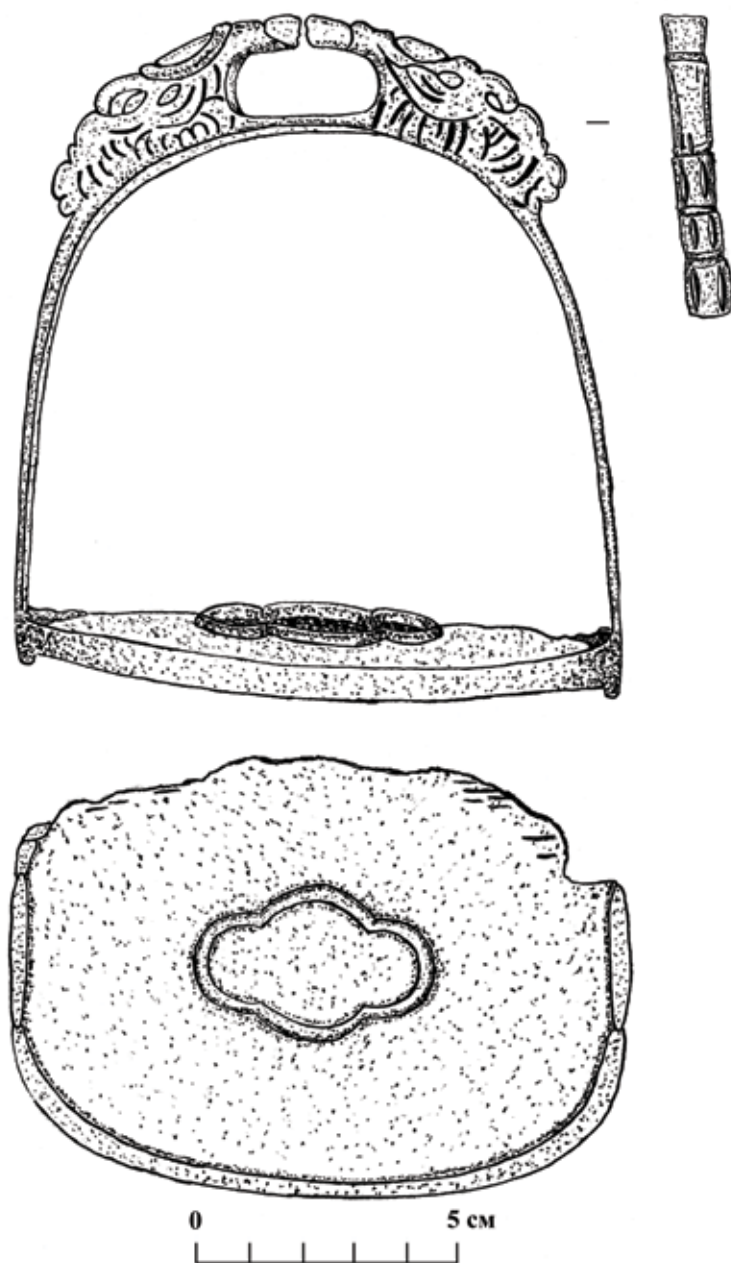

Рис. 15. Бронзовое стремя из оградки №7

В 0,14 м к юго-юго-западу от столбовой находилась еще одна боковая яма размерами 0,46х0,22 м, глубиной 0,15 м. В ней ничего не найдено.

В пристройке, сооруженной с внешней стороны западной стенки из установленных на ребро двух сланцевых плиток, обнаружены остатки кострища (прокаленная земля, зола, угли).

Ограда №9 (рис. 13, 14) замыкала с юга цепочку и отстояла от предыдущего сооружения на 0,8 м (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого были видны верхние окончания плит ограждения. Все сооружение имело подквадратную форму, размеры 3,6х3,6 м и высоту 0,16 м. У восточной и западной стенок обнаружены отдельные угольки.

После выборки камней заполнения зачищена подчетырехугольная в плане ограда из поставленных на ребро тонких сланцевых плит, вставленных, в свою очередь, в прокопанный в материке по периметру ограды узкий желобок. Во многих местах мелкие сланцевые плитки расслоились, образуя пустоты. Внутренние размеры ограды 3,6х3,2 м, ориентация – стенками по сторонам света (рис. 14). В центре объекта обнаружена столбовая яма диаметром 0,5 м и глубиной 0,65 м, у дна которой сохранилась обугленная снаружи нижняя часть стоявшего здесь некогда вертикального деревянного столба.

В 0,12 м к югу от столбовой находилась еще одна боковая яма размерами 0,44х0,2 м, глубиной 0,2 м. В ней ничего не найдено.

Ограда №10 (рис. 16, 17) располагалась в 70 м к юго-западу от предыдущей и составляла с объектом №11 компактную цепочку, вытянутую по линии Ю–С (рис. 2).

После зачистки ограды №10 обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого были видны верхние окончания плит ограждения. Все сооружение имело подчетырехугольную форму, размеры 4,2х3,5 м и высоту 0,18 м (рис. 16).

После выборки камней заполнения зачищена подчетырехугольная в плане ограда из поставленных на ребро тонких сланцевых плит, устроенных в прокопанный в материке по периметру ограды узкий желобок. Во многих местах мелкие сланцевые плитки расслоились, образуя пустоты. Внутренние размеры ограды 3,5х2,8 м, ориентация – по сторонам света. В центре ее обнаружена столбовая яма (диаметром 0,46 м и глубиной 0,4 м) с древесным тлеющим в заполнении. С западной стороны на уровне древнего горизонта вплотную к яме примыкало кострище (прокаленная земля, зола и угли).

Ограда №11 (рис. 16, 17) плотно располагалась к югу от предыдущей, замыкая собой цепочку (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения. Южная часть сооружения разрушена в процессе вспашки. Первоначальные его размеры составляли 3,8х3,4 м (высота 0,18 м).

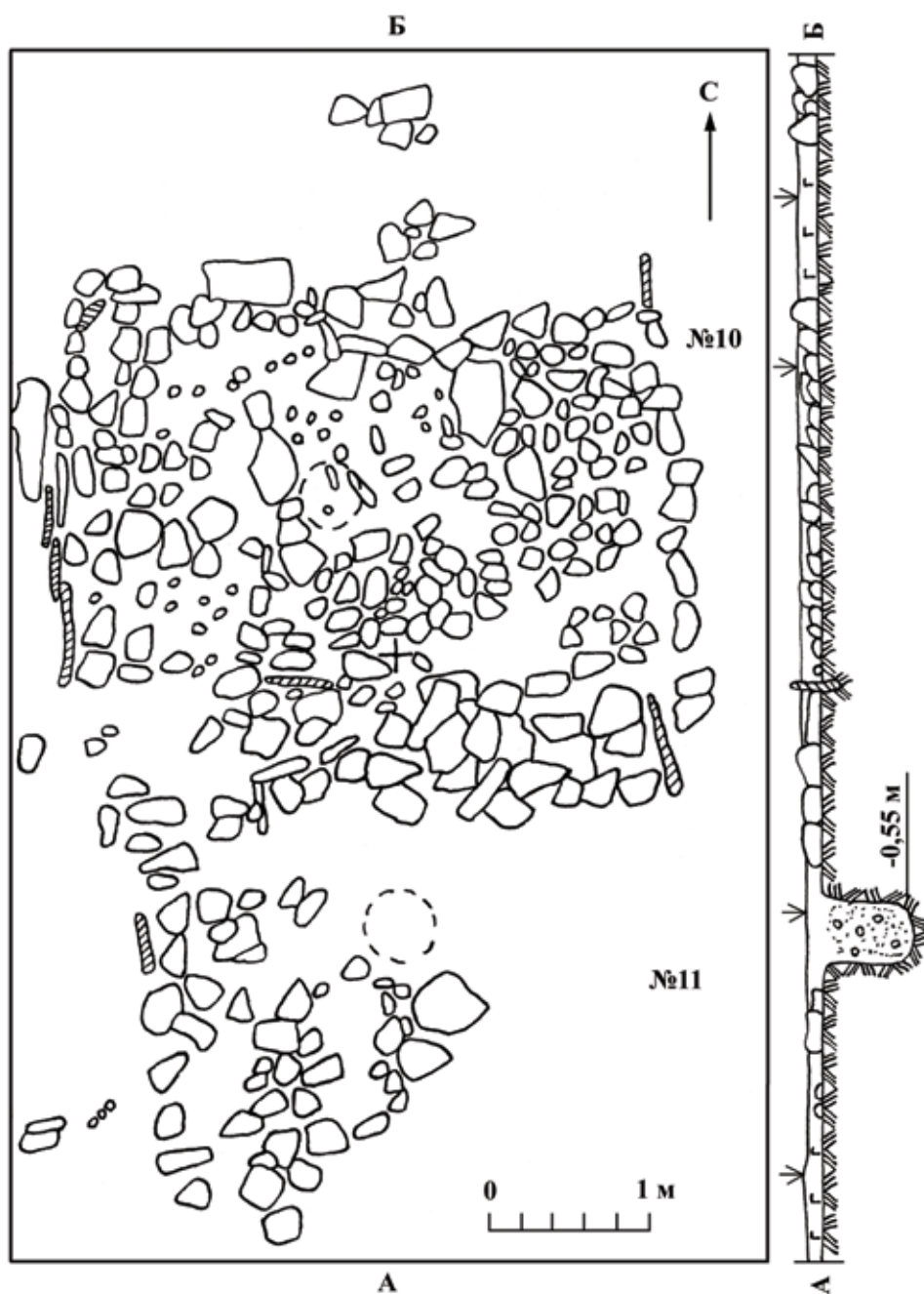

Рис. 16. Рядом стоящие оградки №10 и 11.
Общий план сооружений в раскопе и разрез

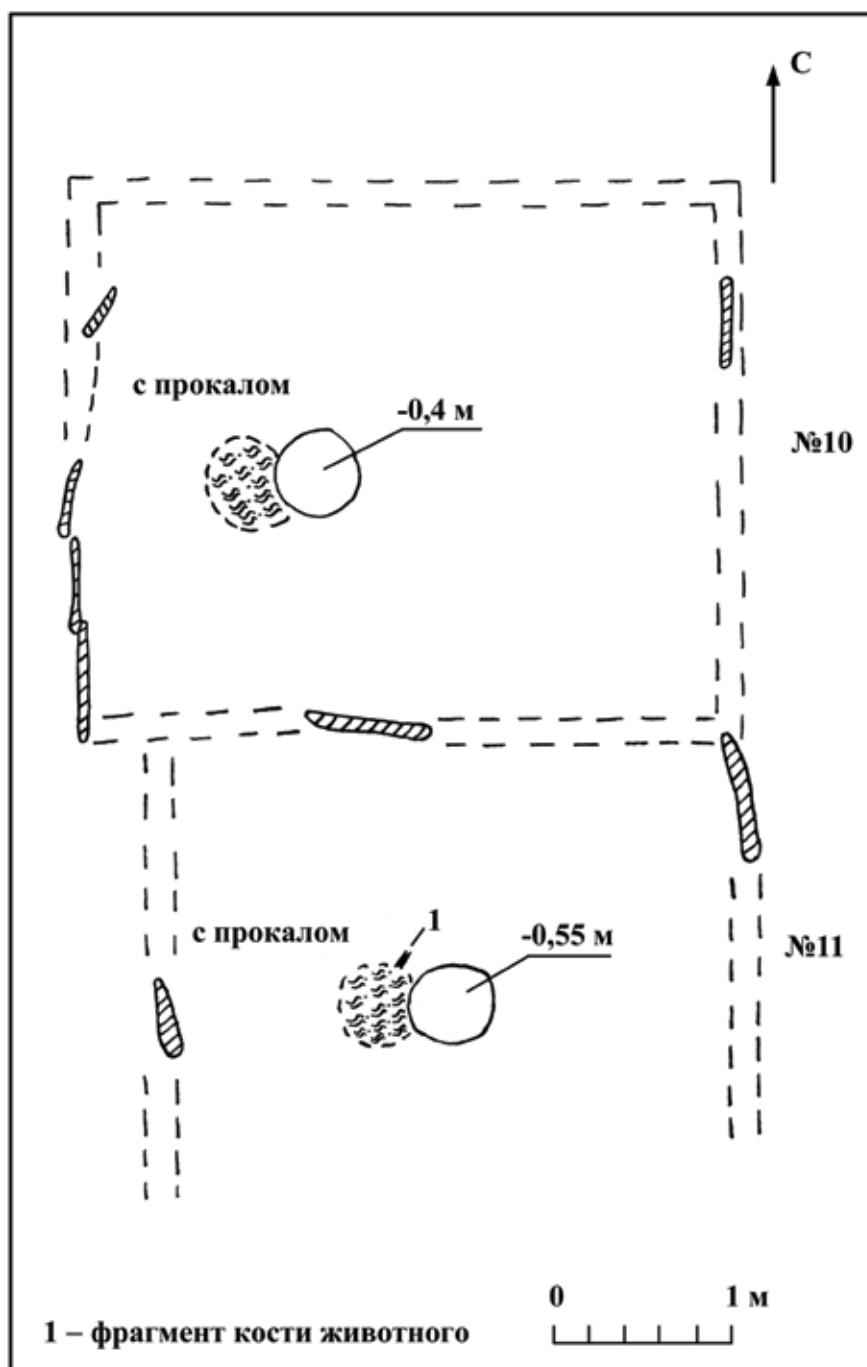

Рис. 17. Оградки №10 и 11. Зафиксированные остатки конструкций

После выборки камней заполнения зачищены остатки подчетырехугольной в плане ограды из поставленных на ребро тонких сланцевых плит, вставленных, в свою очередь, в прокопанный в материке по периметру ограды узкий желобок. Многие мелкие плитки расслоились, образуя пустоты. Южная часть ограды разрушена. В центре объекта обнаружена столбовая яма (диаметром 0,46 м и глубиной 0,55 м) с древесным тленом в заполнении.

С западной стороны, на уровне древнего горизонта, вплотную к яме примыкало кострище (прокаленная земля, зола и угли). У северного края кострища лежал фрагмент кости животного.

Оградка №12 находилась в 225 м к северо-востоку от предыдущего объекта (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни закладки. Памятник полуразрушен в процессе распашки поля. По разрозненным камням можно судить, что некогда сооружение имело подчетырехугольную форму. От самой ограды осталась лишь одна сланцевая плита в восточной стенке, установленная на ребро в выкопанный в материке желобок.

Под камнями закладки обнаружена столбовая яма диаметром 0,26 м и глубиной 0,5 м. У дна сохранилась обугленная с поверхности нижняя часть стоявшего там некогда вертикально деревянного столба.

Оградка №13 (рис. 18, 19) находилась в 18 м к северо-востоку от предыдущей, т.е. в северо-восточной части памятника (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни закладки. Объект оказался небольшим, размерами 0,9х0,9 м, высотой 0,11 м (рис. 18).

Под камнями закладки обнаружены две стоявшие на ребре сланцевые плитки, вкопанные в материк и образовавшие западную и восточную стенки оградки. Северная и южная, видимо, были выложены из мелких камней и не прослеживались. Внутренние размеры оградки составляли 0,46х0,4 м, ориентация – с западо-юго-запада на востоко-северо-восток (рис. 19).

Оградка №14 (рис. 18, 19) располагалась в 1,7 м к югу от предыдущей (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни закладки. Все сооружение имело аморфную форму размерами 5х4 м.

После выборки камней заполнения зачищены остатки подчетырехугольной в плане ограды из поставленных на ребро тонких и мелких сланцевых плиток, многие из которых полностью расслоились. Они были вставлены в вырытый в материке по периметру ограды узкий желобок (рис. 19).

В центре объекта обнаружена столбовая яма диаметром 0,4 м и глубиной 0,5 м, у дна которой сохранились обугленные снаружи остатки стоявшего здесь некогда вертикально деревянного столба.

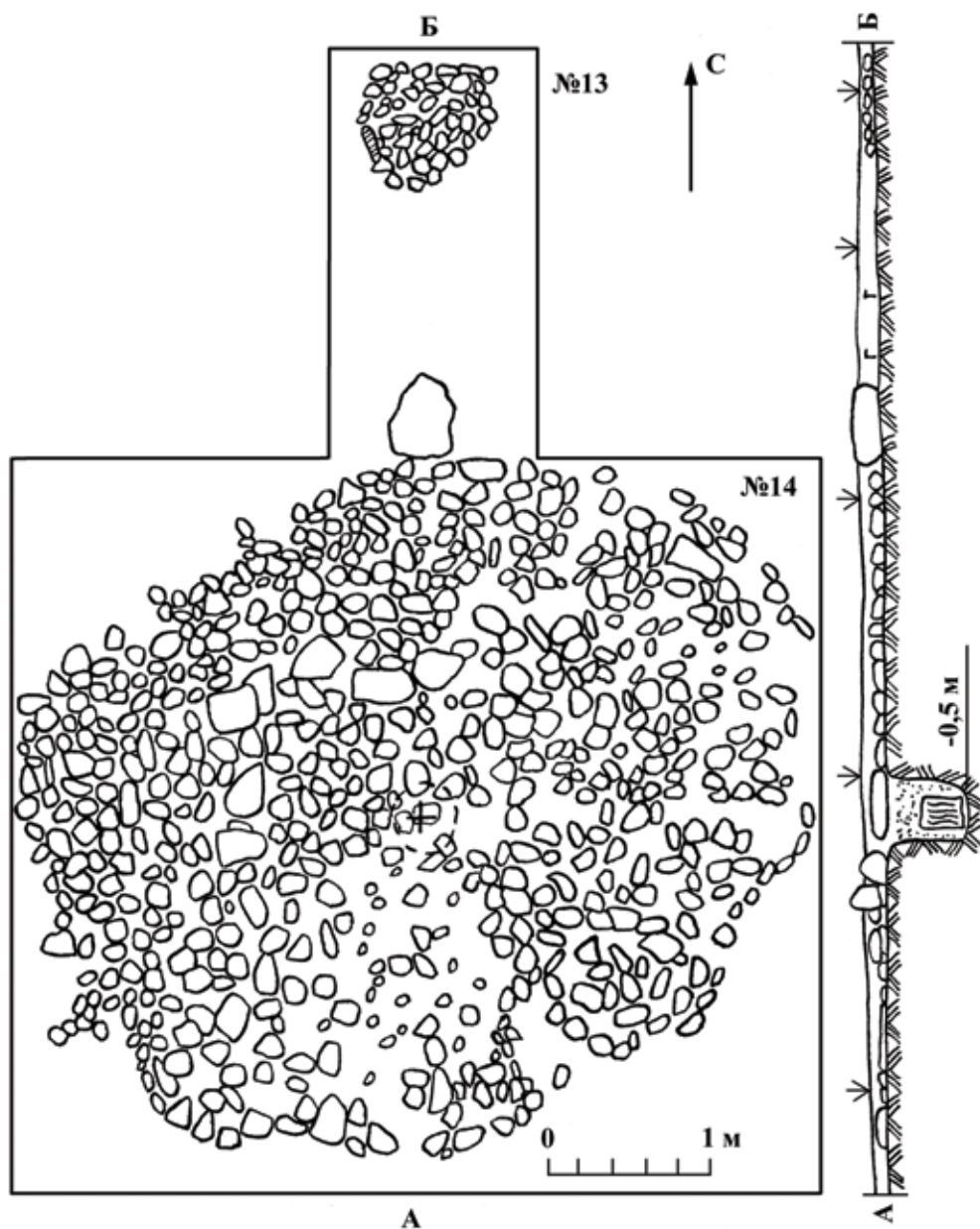

Рис. 18. Объекты №13 и 14. План сооружений и разрез

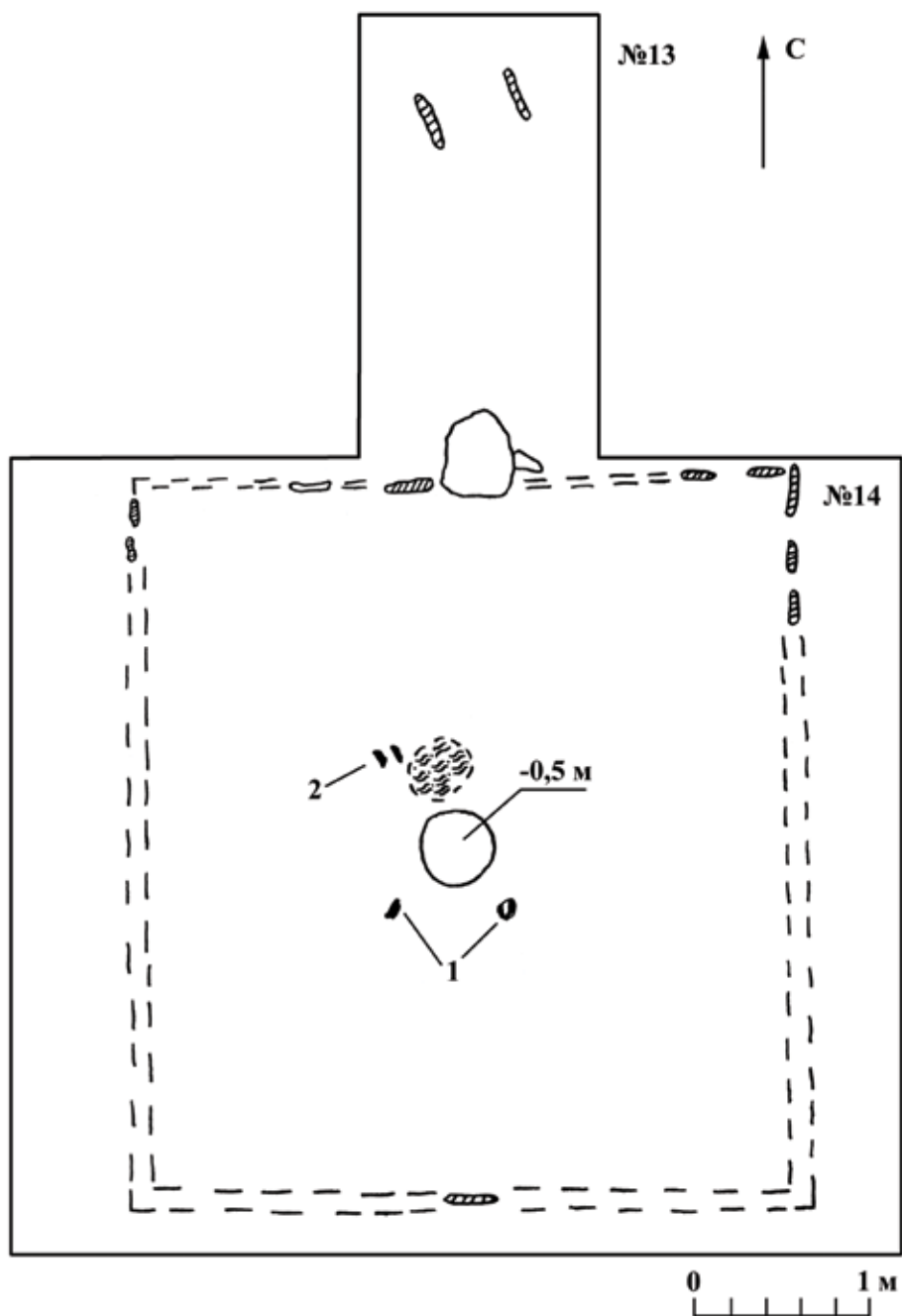

Рис. 19. Объекты №13 и 14. Зафиксированные остатки конструкций и находки
(1 – кости животных; 2 – конские зубы)

В 0,08 м к северу от ямы находились отатки кострища (прокаленная земля, зола и угли), рядом с которым лежали две кости животных (одна – ближе к крупным копытным, другая – часть крестца овцы). К югу от ямы в 0,15–0,18 м зафиксированы конские зубы (рис. 19).

Ограда №15 (рис. 20, 21) располагалась в 75 м к югу от предыдущего сооружения (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни закладки. Все сооружение имело подчетырехугольную форму, размерами вместе с северной пристройкой 4х2,8 м, высотой до 0,3 м.

После выборки камней заполнения зачищена подчетырехугольная в плане ограда, которая была сооружена из крупных удлиненной формы камней, уложенных плашмя. Только в южной стенке имелась поставленная на ребро и вкопанная в материк тонкая сланцевая плита. Внутренние размеры ограды 2,7х1,7 м. В центре ее обнаружена столбовая яма диаметром 0,3 м и глубиной 0,3 м. К северной стенке сооружения с внешней стороны, ближе к северо-восточному углу, была сделана подчетырехугольная пристройка из крупных камней с внутренними размерами 0,66х0,65 м. В ней располагалась яма размерами 0,5х0,3 м, глубиной 0,15 м, в которой ничего не найдено.

Ограда №16 находилась рядом с объектом №17 за изгородью (рис. 2) и осталась не раскопанной.

Ограда №17 (рис. 22, 23) была одиночной. Она располагалась в 26 м к востоку от объекта №15 (рис. 2). После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения, часть которого на пространстве между северной пристройкой и центром сооружения разрушена в процессе вспашки.

После выборки уцелевших камней заполнения зачищена ограда подтрапециевидной формы с расширением в восточную сторону.

Сооружена она была следующим образом. По всему периметру в материке был выкопан узкий желобок. Восточная стенка выложена мелкими сланцевыми плитками, полностью затем расслоившимися. Несколько таких же плиток располагалось на ребре в структуре южной и западной стенок. Основная же их часть состояла из забутовки материкового желобка мелким камнем. В желобок северной стенки было уложено бревно.

Средние внутренние размеры ограды 2,04х2,3 м. В центре объекта обнаружена столбовая яма диаметром 0,4 м и глубиной 0,22 м с обугленными остатками нижней части стоявшего вертикально деревянного столба.

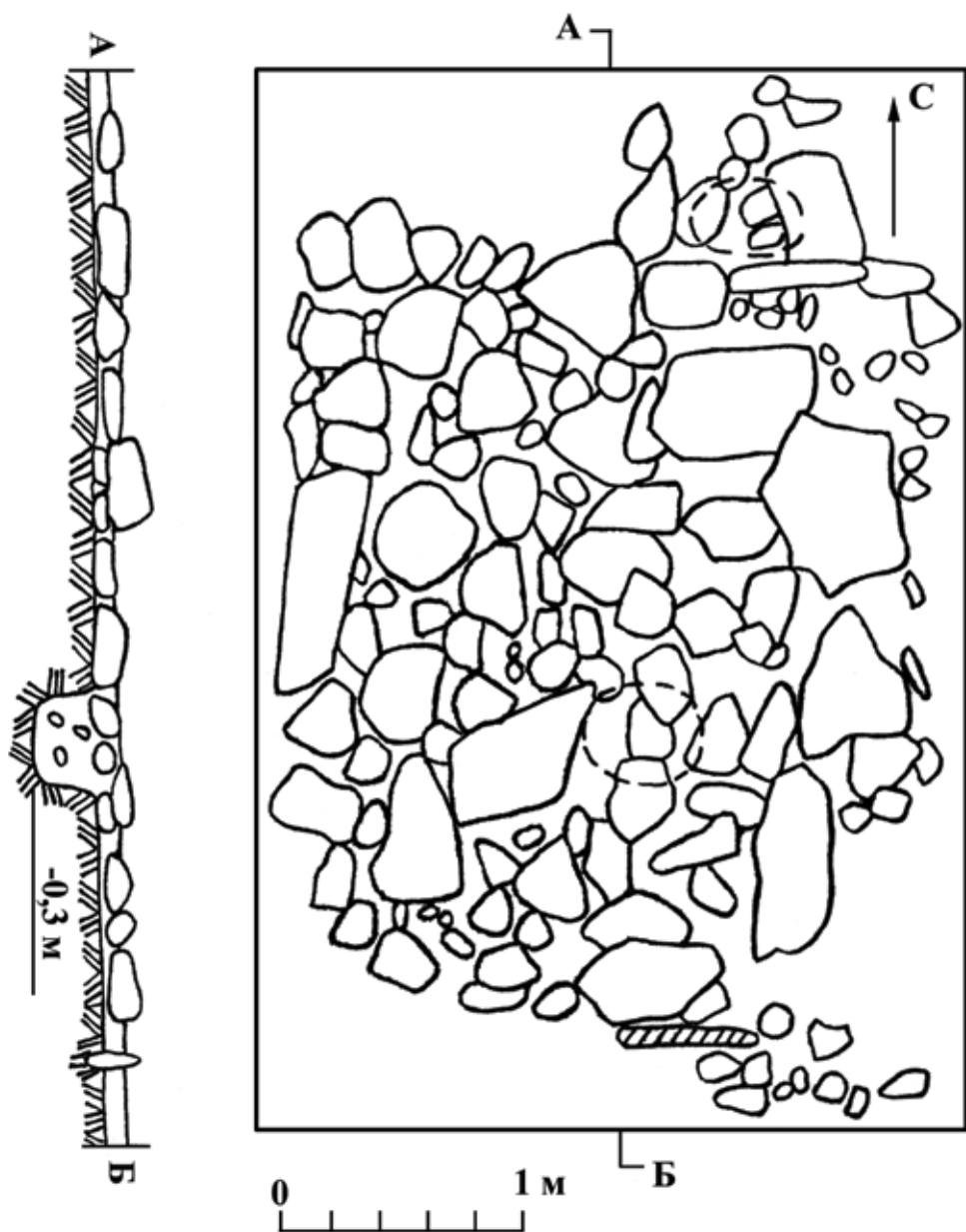

Рис. 20. Одиночная оградка №15. План сооружения в раскопе и разрез

В 0,08 м к северу от столбовой находилась еще одна боковая ямка так- же диаметром 0,4 м, глубиной 0,06 м. В ней обнаружены остатки кострища (прокаленная земля, зола и угли).

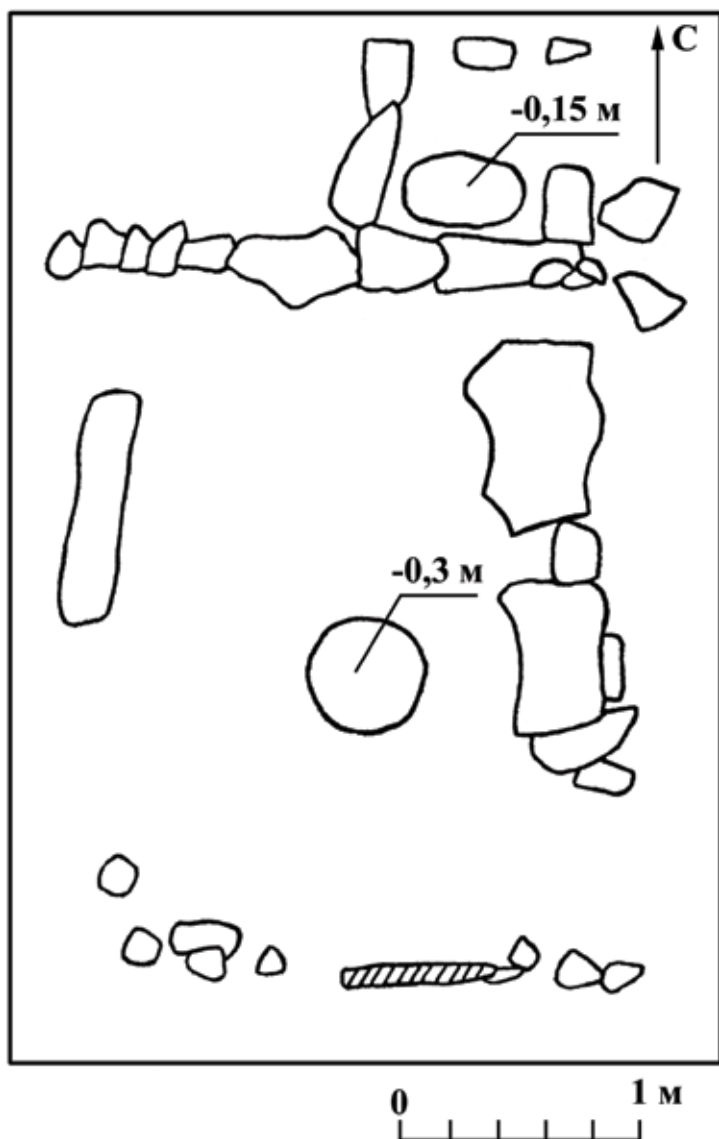

Рис. 21. Ограда №15. Зафиксированные остатки конструкций
после снятия заполнения и зачистки

К северной (бревенчатой) стенке ограды была сделана подчетырехугольная пристройка (из трех поставленных на ребро плит) с внутренними размерами 0,62х0,5 м. В ней обнаружены остатки кострища (прокаленная земля, зола и угли). В центре поверх кострища лежал фрагмент железного черешкового ножа (утрачен).

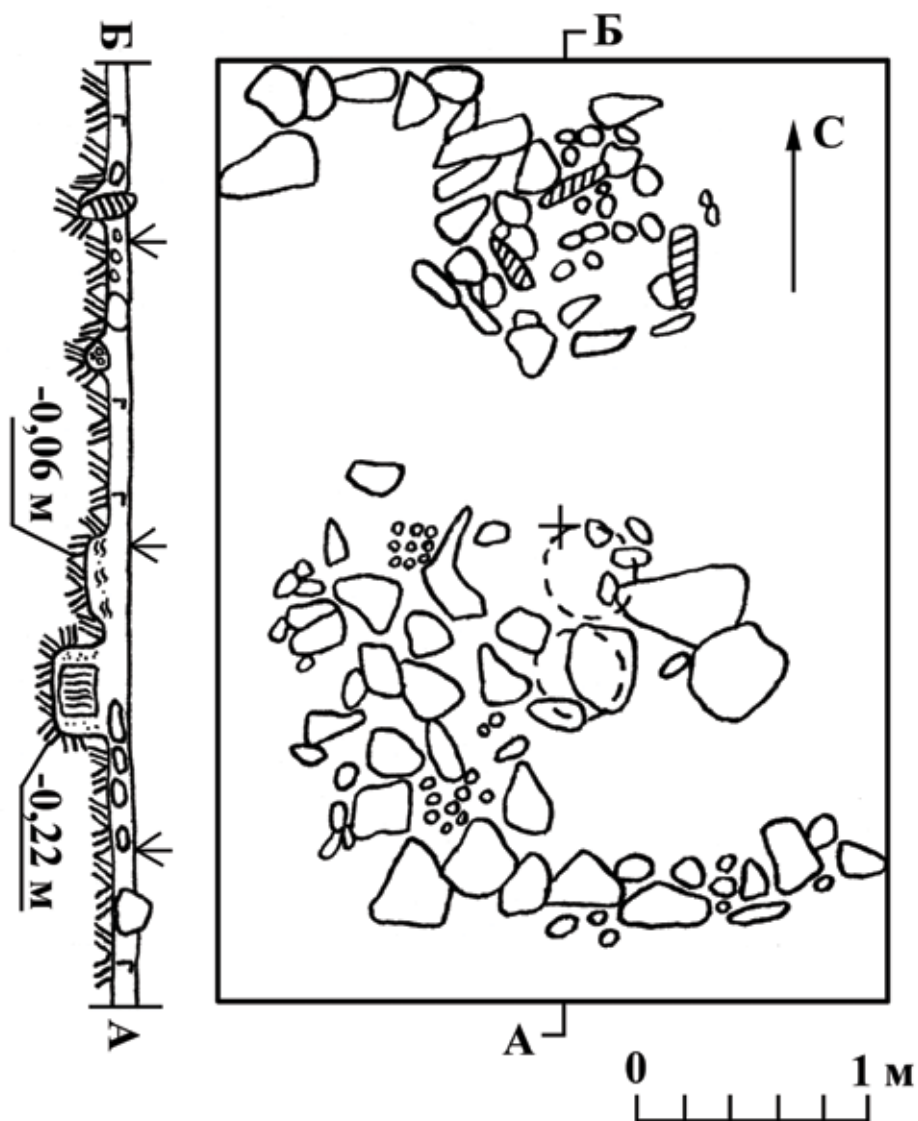

Рис. 22. Одиночная оградка №17. План сооружения в раскопе и разрез

Оградка №18 находилась в 40 м к западо-юго-западу от предыдущего сооружения и представляла собой одиночный объект (рис. 2). Она почти полностью была разрушена в процессе распахки и других сельскохозяйственных работ.

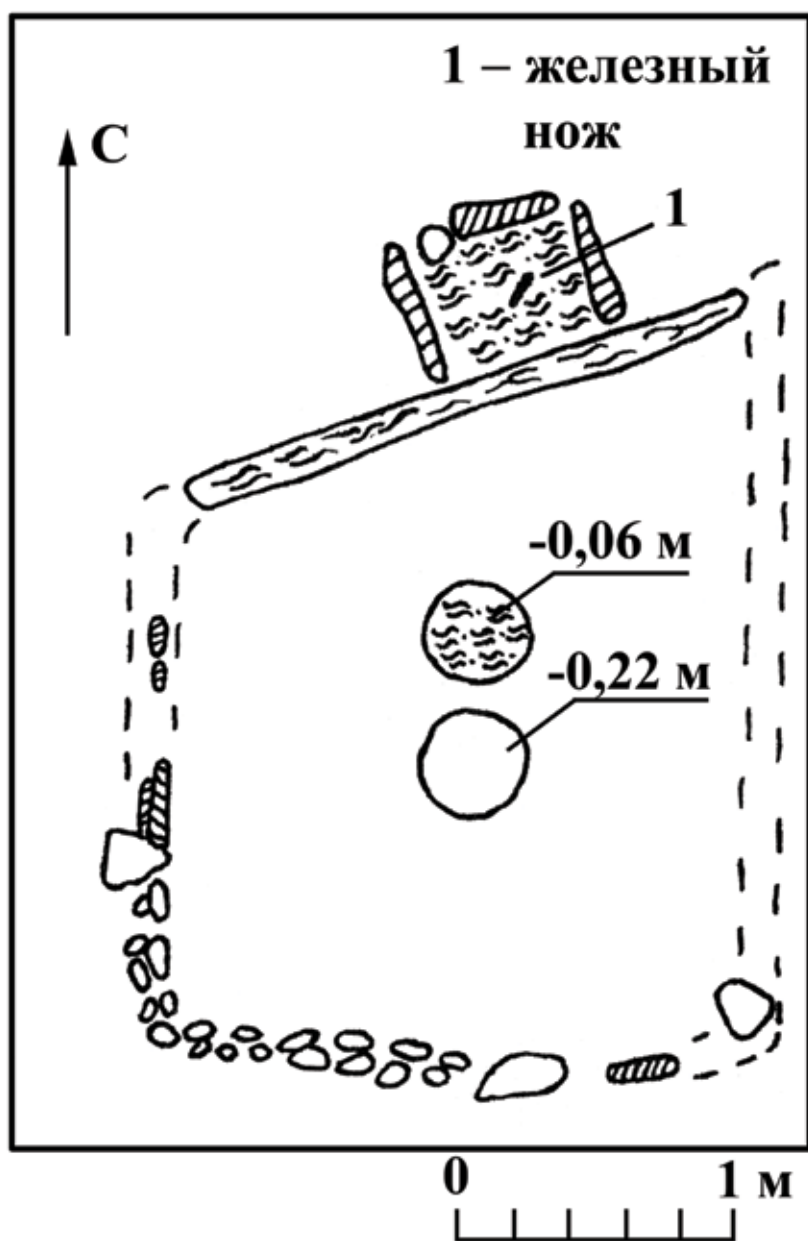

Рис. 23. Ограда №17. Зафиксированные остатки конструкций и находки

После зачистки выявлено несколько камней заполнения. От восточной стенки осталась поставленная на ребро и вкопанная в материк одна сланцевая плитка.

У восточной стенки с наружной стороны стоял вертикальный камень-стела, возвышавшийся над поверхностью на 0,3 м и вкопанный в материк на 0,24 м.

Ограда №19 зафиксирована в 17 м к юго-востоку от предыдущего сооружения и представляла собой одиночный объект (рис. 2), который почти полностью был разрушен в процессе сельскохозяйственных работ. После зачистки выявлены редкие камни заполнения. От западной стенки сохранились две установленные на ребро плиты. Такая же плитка стояла на месте южной стенки ближе к юго-западному углу.

В центре под камнями закладки обнаружена столбовая яма диаметром 0,32 м и глубиной 0,25 м. В 0,24 м к югу от нее располагалась вторая боковая ямка диаметром 0,28 м и глубиной 0,1 м. В ней ничего не найдено.

Ограда №20 находилась в 20 м к юго-востоку от предыдущего сооружения и представляла собой одиночный объект (рис. 2). Она почти полностью разрушена в процессе сельскохозяйственных работ. После зачистки зафиксировано несколько камней заполнения.

В центре объекта выявлена столбовая яма диаметром 0,4 м и глубиной 0,6 м с остатками обугленного снаружи деревянного столба, стоявшего здесь некогда в вертикальном положении.

В 0,06 м к северу обнаружена вторая боковая яма размерами 0,4х0,25 м, глубиной 0,2 м. В ней ничего не обнаружено.

Ограда №21 (рис. 24) располагалась в 9 м к юго-востоку от предыдущего сооружения и представляла собой одиночный объект (рис. 2). Она оказалась наполовину разрушена в процессе сельскохозяйственных работ.

После зачистки выявлены сохранившиеся рваные скальные камни заполнения. От самой ограды остались вкопанные в материк и стоявшие на ребре четыре тонкие сланцевые плиты северо-западного угла. Первоначально все сооружение имело подчетыреугольную форму.

В центре объекта под камнями закладки обнаружена столбовая яма диаметром 0,7 м и глубиной 0,65 м с остатками обугленной с поверхности нижней части деревянного столба, некогда там стоявшего.

В 0,24 м к юго-западу от столбовой находилась вторая боковая яма размерами 0,74х0,5 м, глубиной 0,22 м. На дне ее лежали фрагменты черепа, нижней челюсти и изолированные зубы лошади. Кроме этого, зафиксирован поясничный позвонок овцы и одна кость, принадлежавшая, скорее всего, крупному копытному.

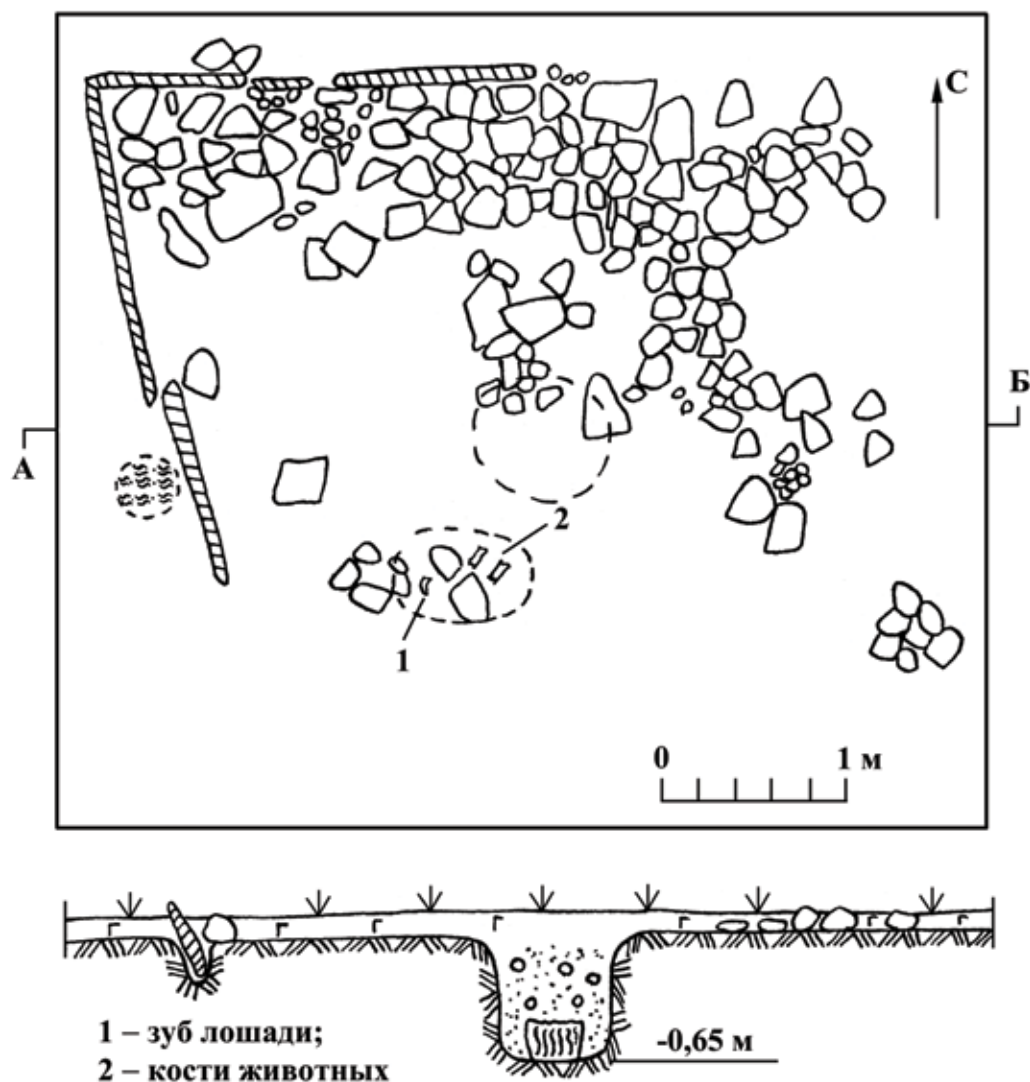

Рис. 24. Одиночная оградка №21. Общий план сооружения в раскопе и разрез

Оградка №22 находилась в 18 м к северо-северо-западу от предыдущего сооружения и вместе с оградой №23 составляла компактную цепочку, вытянутую по линии Ю–С (рис. 2).

После зачистки обнажились рваные скальные камни заполнения, по краям которого были видны верхние окончания тонких сланцевых плит ограждения, поставленных на ребро и устроенных в прокопанный в материке

по периметру ограды узкий желобок. Большинство небольших сланцевых плиток полностью расслоились. Среди камней обнаружена одна кость, принадлежавшая, скорее всего, мелкому парнокопытному животному.

Все сооружение имело подчетыреугольную форму. Общие его размеры 3,8х3,2 м, высота 0,14 м. Внутренние размеры ограды – 3,2х2,7 м, ориентация – стенками по сторонам света.

В центре объекта под камнями заполнения обнаружена столбовая яма диаметром 0,56 м и глубиной 0,5 м с сохранившимися остатками обугленной снаружи нижней части стоявшего там деревянного столба.

У восточного борта ямы на уровне древнего горизонта лежали фрагменты нижней и верхней челюстей лошади. В 0,06 м к северу от столбовой находилась вторая боковая яма размерами 0,32х0,18 м, глубиной 0,13 м. В ней ничего не найдено.

Ограда №23 примыкала с севера к предыдущему сооружению, завершая собой цепочку (рис. 2). Она была почти полностью разрушена в процессе сельскохозяйственных работ. После зачистки выявлены разрозненные камни заполнения. Под ними в центре находилась столбовая яма диаметром 0,4 и глубиной 0,5 м с остатками обугленной с поверхности нижней части стоявшего там некогда деревянного столба. У восточного борта на уровне древнего горизонта лежал фрагмент нижней челюсти лошади.

В 0,36 м к югу от столбовой находилась вторая боковая яма диаметром 0,24 м и глубиной 0,5 м. В ней ничего не найдено.

Ограда №24 располагалась к северо-востоку от предыдущего сооружения за изгородью (рис. 2) и не была раскопана.

Таким образом, на памятнике Котыр-Тас-I исследовано 22 объекта. Несмотря на то, что большинство оградок пострадало от природного и антропогенного воздействия, получены важные материалы для дальнейшего изучения тюркских ритуальных комплексов.

ГЛАВА III

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКА КОТЫР-ТАС-I И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЮРКСКИХ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Оградки, исследованные на памятнике Котыр-Тас-I, по планировке характеризуются как одиночные и рядом стоящие. На территории Алтая одиночные сооружения составляют самую многочисленную группу (около 150 раскопанных объектов), на втором месте находятся рядом стоящие – около 110, а затем смежные – более 40*.

Конструкция тюркских оградок Котыр-Таса сходна с большинством таких же ритуальных объектов, изученных к настоящему времени на Алтае и сопредельных территориях. Они сооружены из поставленных на ребро и частично вкопанных в материк каменных плит, ориентированы почти все стенками или углами по сторонам света (с незначительными отклонениями). В центре раскопанных объектов (за исключением оградок №13 и 18, находившихся в полуразрушенном состоянии) зафиксированы ямки, в которых находились остатки деревянных столбов со следами обугливания. Кроме этого, к северу, югу (юго-западу), а в одном случае к юго-юго-востоку от «центральной» столбовой ямки в оградках №1–9, 17, 19–23 обнаружено еще по одной ямке небольших размеров, перекрытых иногда сверху сланцевыми плитками, уложенными плашмя. В их заполнении или на дне найдены в основном угли, зола, кости животных (оградки №1, 3–5, 17, 21). Еще в одной ямке (оградка №4) вместе с углями и костями овцы лежали золотые рельефные пластины.

Деревянные столбы, стоявшие в ямках в центре и/или по периметру оградок, – это элементы реализованной практики, характерные для тюркской культуры и зафиксированные при исследовании большого количества ритуальных сооружений. Помимо Котыр-Таса-I, на Алтае раскопано более 80 оградок с отмеченным показателем. Внешняя поверхность деревянных столбов как тех, которые находятся в центре оградки, так и за ее пределами обычно

*Приводимые данные базируются на сведениях, которые были собраны авторами на момент подготовки монографии из опубликованных и архивных материалов.

обуглена. По периметру всей конструкции обнаруживаются угли и кости животных. У некоторых оградок остатки деревянных столбов были обнаружены только за пределами сооружения. Так, в оградке из Ян-Гобо столбовые ямки (всего их шесть) с остатками лиственничных столбов находились вдоль восточной стенки объекта (Кубарев В.Д., 1984, с. 54–55, табл. XXXIX). В оградке №69 памятника Кара-Коба-I остатки деревянного столбика выявлены снаружи у юго-восточной стенки (Могильников В.А., 1992, с. 183, рис. 10.-4).

Оградки, у которых в центре и/или по периметру найдены деревянные столбы, датируются преимущественно 2-й половиной VI–X вв. Для раннего, кызыл-ташского, этапа тюркской культуры этот конструктивный элемент характерен в меньшей степени. Исключением пока является только один объект – оградка №13 памятника Кудыргэ. Под кладкой в центре сооружения находилась яма, в которой обнаружена вертикально установленная нижняя часть ствола дерева (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 161–163).

У семи оградок из Котыр-Таса-I снаружи выявлены небольшие «пристройки» и ящички, вплотную примыкавшие к восточной, северной или западной сторонам и имевшие с оградкой общую стенку. «Пристройки» составлены из отдельных камней (оградки №5–6, 15), а ящички – из установленных на ребро каменных плит (оградки №2, 4, 8, 17). Внутри «пристройки» у оградки №6 и ящичка, примыкавшего к объектам №8 и 17, выявлены кострища в виде прокаленной земли и углей. В ящичке, примыкавшем к северной стенке оградки №17, обнаружен фрагмент железного ножа. Аналогичная ситуация выявлена на памятнике Кудыргэ: в ящичках, пристроенных к северным стенкам оградок VIII и XII, также лежали железные ножи (Гаврилова А.А., 1965, с. 15–16). Кроме этого, ящичек был пристроен и к восточной стенке оградки XII и в нем также найден железный нож. В ходе исследования оградок №103 и XIII на том же памятнике за их северными стенками найдены ящички, но без находок внутри (Илюшин А.М., 2000, с. 158–159, рис. III.-А: 1–3; Гаврилова А.А., 1965, с. 16). На некрополе Пазырык подобные ящички примыкали одновременно к южной (один ящичек) и северной (два смежных ящичка) стенкам оградки №38. В одном из северных ящичков найдены кости овцы (Илюшин А.М., Сулейменов С.Г., 1997, с. 93–94, рис. 1). У одной из оградок на Малталу ящичек обнаружен у юго-восточного угла. В нем внутри никаких предметов не было (Кубарев В.Д., 1984, с. 169, табл. XLI.-2). При раскопках оградки №1 на Юстыде такой ящичек находился между оградкой и изваянием. В нем лежали угли и керамика (Кубарев В.Д., 1979б, с. 138, рис. 3).

На археологическом комплексе Кара-Коба-I сложенный из поставленных на ребро сланцевых плит ящичек зафиксирован за восточной стенкой оградки №122 (Могильников В.А., 1992, с. 186, рис. 15). На том же памятнике ящичек из плит (внутри находилась кость от черепа лошади) располагался у северо-восточного угла оградки №39 (Могильников В.А., 1992, с. 176–177, рис. 1). У оградки №3 на Дьер-Тебе с востока также зафиксирован ящичек, внутри которого лежала кость от черепа лошади (Кубарев В.Д., 1978, с. 90, рис. 6). Исходя из имеющихся данных, можно констатировать, что каменные или деревянные ящички, пристроенные снаружи к разным сторонам оградок, помимо Котыр-Таса-I, обнаружены еще на 10 исследованных памятниках. Подобные сооружения по конструктивным деталям практически не отличаются от тех, которые найдены внутри оградок. В основном это подквадратные или подпрямоугольные конструкции без дна и перекрытия, сделанные из поставленных на ребро плит. При раскопках «внеоградных» ящичков обнаружены только кости животных и в нескольких случаях железные ножи. На остальных объектах находки отсутствовали.

Из датированных комплексов оградки с ящичками, устроенными как внутри, так и снаружи, выявлены на разных этапах развития тюркской культуры. Но большинство из них приходится на 2-ю половину V – 1-ю половину VI вв. (оградки памятника Кудыргэ) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161).

Своеобразие исследованных оградок Котыр-Таса-I заключается еще и в наличии «пристроек». Они были составлены из отдельных камней и имели округлые очертания. Трудно сказать, выполняли ли они те же функции, что и ящички, сделанные из плит, либо являлись отражением другой традиции. «Пристройки» полуовальной формы раскопаны еще на двух памятниках Алтая: с южной стороны оградки №1 комплекса Айрыдаш-II и с южной стороны оградки №23 на памятнике Курата-II (Ларин О.В., 1990, с. 192–193, рис. 1; Суразаков А.С., 1990б, с. 68, рис. 17). В последнем случае «пристройка» представляла собой сооружение из уложенных по периметру отдельных камней. Внутри она была заполнена более мелкими камнями.

Следующим конструктивным элементом, зафиксированным на памятнике Котыр-Тас-I, являются вертикально стоявшие стелы, которые обнаружены с восточной стороны оградок №1, 4 и 18. Установка стел отмечена на всех этапах существования тюркской культуры. Скорее всего, в функциональном и смысловом плане они были идентичны изваяниям (Худяков Ю.С., 1998, с. 45; Кубарев В.Д., 2001, с. 39).

Из вещественных находок, зафиксированных при раскопках оградок Котыр-Таса-I, интерес представляют железные панцирные пластины и бронзовое стремя.

Условия обнаружения панцирных пластин при исследованиях оградок №1 и 2 схожи: они лежали возле «дополнительных» ямок, устроенных рядом с ямкой для установки деревянного столба. Железные пластины от панцирей и шлемов – достаточно редкая находка не только для оградок, но и для тюркских погребений (Горбунов В.В., 2003, с. 32, табл. I). На Алтае раскопано всего несколько оградок, в которых они обнаружены: Кудыргэ, оградка XIII (семь панцирных пластин в ящичке в центре оградки), Кызыл-Таш, оградка №2 (остатки железных панцирных пластин в ямке в западной части), Кызыл-Шин, оградки №1 (панцирная пластина под камнями заполнения), №2 (две панцирные пластины в деревянном ящичке) и №9 (панцирная пластина в ямке в центре) (Гаврилова А.А., 1965, табл. V.-1; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3.-5–12; 1997, рис. 3.-2; Кубарев Г.В., 2007, с. 53, рис. 2.-5). В оградке №1 памятника Мендур-Соккон-I в каменном ящичке найдены остатки железных пластин от шлема (Соенов В.И., Эбель А.В., 1997). В оградке №1 комплекса Кишнег-Артудар найдена железная пластина, но рисунок и описание изделия в соответствующей статье отсутствуют, поэтому нет возможности более определенно говорить о характере находки (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 468).

Три из вышеназванных объектов (Кызыл-Таш, Мендур-Соккон-I и Кудыргэ) датируются 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. (кызыл-ташский этап), остальные – 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв. (кудыргинский этап) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161).

Кроме панцирных пластин в одной из оградок (№4) Котыр-Таса-I обнаружено стремя. Находки стремян в оградках Алтая также весьма немногочисленны. Одно стремя обнаружено под камнями в оградке №1 памятника Кызыл-Таш (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 1.-3). Два стремени зафиксированы в восточной части оградок А-2 и Б на археологическом комплексе в урочище Кур-Кечу (Васютин А.С., 1994, рис. 2.-1–2; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983, рис. 2, 3.-7–8). В оградке I Арагола стремя найдено в ямке (Гаврилова А.А., 1965, с. 100.-табл. 3). Одно стремя выявлено в центре оградки №6 Биченег (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 466). На памятнике Кара-Коба-I стремени найдены в четырех из 11 объектов с конскими захоронениями. Еще в одной оградке этого комплекса (№69-А) стремя

располагалось сразу под насыпью (Могильников В.А., 1994, рис. 7, 13.-2-3, 14.-2). Находка стремян происходит также из ящичка внутри оградки А-3 Кок-Паша, а также из памятника Усть-Карасу-I и из одной оградки на Чичке* (Васютин А.С., 1994, рис. 1.-11, 6, 12; Мамадаков Ю.Т., 1984, с. 216). Все перечисленные изделия являются железными, а в оградке №4 Котыр-Таса-I оно бронзовое, что существенно их отличает хронологически.

К настоящему времени раскопана представительная серия тюркских оградок (более 300). Привлечение радиоуглеродных дат, результатов изучения вещевого комплекса позволили продвинуться в выделении и характеристике отдельных этапов развития тюркской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, 2005; Кубарев Г.В., Орлова Л.А., 2006; Тишкин А.А., 2007б, с. 277–278). Наряду с этим, важным инструментом изучения тюркских ритуальных комплексов является планиграфический метод и анализ конструкции сооружений. В одних случаях тюркские оградки устроены там, где размещены другие, разновременные и разнокультурные объекты. В других случаях они составляют самостоятельные комплексы (как, например, на Котыр-Тасе-I). Как и тюркские погребения, оградки иногда «привязаны» к пазырыкским курганам, располагаясь к востоку от них (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 128, 133, рис. 1–2; Кубарев В.Д., 1992, табл. XXXIX; Савинов Д.Г., 1982, с. 102–103). В целом же в их расположении не наблюдается сколько-нибудь устойчивой планиграфической связи с курганами тюркской культуры, несмотря на то, что они могут размещаться с ними на одном могильном поле (Кубарев Г.В., 2005, табл. 47, 57, 120, 147). На памятнике Кудыргэ оградки находятся в непосредственной близости от тюркских курганов (Гаврилова А.А., 1965, табл. II; Амброс А.К., 1971, с. 121; Степи Евразии., 1981, с. 35; Васютин А.С., 1985, с. 74; Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, рис. 3–4). Однако время сооружения первых приходится на более ранний хронологический период (2-я половина V – 1-я половина VI вв., кызыл-ташский этап), в то время как погребения под курганами по характерному предметному комплексу датированы 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв. (кудыргинский этап) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003).

Оградки и курганы тюркской культуры сближаются по ряду характерных показателей. Изваяния, стелы и балбалы, как известно, найдены в комплексе с оградками. Однако вертикально установленные камни встре-

* Условия нахождения стремян из последних двух памятников пока не известны.

чены также рядом с тюркскими курганами, под которыми в основном раскопаны «полноценные» погребения разного времени: ранней группы (Кок-Паш, Кудыргэ) и VII–X вв. (Ак-Кообы, Узунтал-VIII, Кара-Коба-I, к. №47, Уландрык-III, к. №2) (Кубарев Г.В., 2005, с. 139, 375, табл. 87; Савинов Д.Г., 1994, с. 46; Могильников В.А., 1990, с. 150–151; Кубарев В.Д., 1987, табл. LVI). Кроме этого, вертикально установленные камни зафиксированы к западу от кургана №23 памятника Балык-Соок-I, под которым исследовано самостоятельное захоронение лошади. Данный объект датирован 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII вв. (Кубарев Г.В., 2005, с. 383, табл. 144).

Первоначальная конструкция одного из курганов с изваянием (Ак-Кообы) имела вид квадрата и напоминала конструкцию оградки (Кубарев Г.В., 2005, с. 375, табл. 87). Погребение в нем датировано 680–750 гг. (Кубарев Г.В., 2005, с. 139).

Изваяние, выполненное на «оленном» камне, зафиксировано с южной стороны другого тюркского кургана (памятник Узунтал-VIII, 2-я половина VIII – 1-я половина IX вв.) (Савинов Д.Г., 1994, с. 46).

Традиция устройства у курганов кочевников каменных столбиков наблюдается уже в памятниках бийкенской культуры Алтая (конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.), где они найдены к востоку, юго-востоку или западу от погребений (Шелепова Е.В., 2008а, с. 147; 2008в, с. 225). Каменные столбики и «обелиски», отличающиеся грубым оформлением, выявлены с востока, юго-востока, юга и запада от курганов булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э.) на следующих некрополях: Сары-Бел, Кок-Паш, Урочище Балчикова-3, Кальджин-6, Яломан-II. Погребения с таким показателем датируются преимущественно ранним, усть-эдиганским, этапом (II в. до н.э. – I в. н.э.), хотя найдены они и на памятниках позднего, верх-уймонского, этапа (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) (Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007, с. 86–87; Шелепова Е.В., 2008б, с. 231; 2008в, с. 227).

В тюркское время традиция установки изваяний и стел рядом с курганами в большей мере характерна для территорий, входивших в зону влияния Западного Тюркского каганата (Восточный Казахстан, Семиречье, Тянь-Шань) (Шер Я.А., 1966, с. 22; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 71, с. 74, 80, рис. 28–29, 33; Ермоленко Л.Н., 2004, с. 37–38).

Другим элементом, характерным как для некоторых курганов, так и для оградок, являются «поминальные» сооружения. Возле оградок они находятся с восточной стороны и представляют собой конструкции подквадратной или

округлой формы небольших размеров с углями, кальцинированными косточками и небольшим количеством мелких фрагментов керамики. Аналогичные объекты со следами кострищ, углями, кальцинированными костями животных выявлены с восточной стороны целого ряда тюркских курганов Алтая: Бар-Бургазы-II, к. №9; Бар-Бургазы-III, к. №7; Джолин-I, к. №9; Джолин-III, к. №1 и 2; Талдуаир-I, к. №6; Юстыд-I, к. №8; Юстыд-XII, к. №28; Курай-II, к. №1 и 6; Курай-IV, к. №1–3 (Кубарев Г.В., 2005, с. 16, табл. 25; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93). Среди них есть как «полноценные» погребения, так и кенотафы (см., например, курган №7 памятника Урочище Балчикова-3) (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 118, 129).

Похожие конструкции с востока курганов и оградок найдены в Туве и Северо-Западной Монголии (Длужневская Г.В., 2000, с. 178, 180, рис. I; Кубарев Г.В. и др., 2007, с. 299; Грач А.Д., 1966, с. 105, рис. 32; Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 1999, с. 169; Цэвэндорж Д., Кубарев Г.В., 2000, с. 199).

Имеющийся опыт создания классификаций тюркских оградок и изваяний Алтая и сопредельных территорий, казалось бы, снимает необходимость повторного обращения к данной теме. В одной из работ Д.Г. Савинов отметил, что «...на сегодняшний день возможности классификации и интерпретации древнетюркских ритуальных сооружений исчерпаны», имея в виду классификационную схему, выработанную В.Д. Кубаревым (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 236). Между тем В.Д. Кубарев указывает на то, что многие из его классификационных и реконструкционных построений нуждаются в серьезной корректировке и дополнительной аргументации (Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 1995, с. 154; 2002, с. 90). Прежде всего «...это касается интерпретации таких главных элементов тюркских мемориалов, как «памятный столб», дерево и балбалы, а также датирования отдельных памятников Монголии и Алтая» (Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 2002, с. 81). Классификация может показать особенности ритуальных комплексов разных хронологических этапов, датировать объекты, в которых не найден предметный комплекс, скорректировать датировку остальных памятников.

Проблема хронологии и классификации тюркских оградок затрагивалась неоднократно в работах многих исследователей. А.А. Гаврилова (1965, с. 99, 102) сделала вывод, что малые смежные оградки (типа исследованных на памятнике Кудыргэ) по характерному вещевому набору ранние и их можно датировать V–VI вв. Им могут соответствовать лицевые изваяния. Рядом стоящие

оградки яконурского типа находятся на могильниках с изваяниями, реалии на которых исследователи датируют более поздним периодом – VII–VIII вв.

Я.А. Шер (1966, с. 40) предложил датировать оградки по реалиям соответствующих им изваяний (приемы изображения оружия, посуды и др.), в то же время указав на необходимость изучения оградок, изваяний и балбалов как единого комплекса.

В основу классификации В.Д. Кубаревым (1979б, с. 148; 1984, с. 50–51; 2001, с. 34–35) были положены такие признаки, как конструкция оградок, их планировка (одиночные, рядом стоящие или смежные объекты), особенности нахождения вертикально установленных камней (если таковые имеются). В итоге выделены следующие типы и характеризующие их признаки:

Кудыргинский тип – коллективные смежные оградки.

Яконурский тип – рядом стоящие оградки с изваяниями или антропоморфными стелами.

Юстыдский тип – одиночные оградки с остатками древесного ствола в центре и находками сосудов.

Уландрыкский тип – оградки со стелой или большим камнем в центре.

Аютинский тип – оградки древнетюркской знати, окруженные валом или рвом.

Для кудыргинских оградок, как полагал В.Д. Кубарев (1979б, с. 148–149), показательно наличие внутри, в центральной части, ящичков (иногда с предметами вооружения) или ямок. В объектах данного типа редки следы огня и немногочисленны кости животных, практически отсутствуют изваяния и балбалы.

Для яконурских оградок характерны следующие показатели:

а) изваяния или стелы, ряды балбалов (к этому типу, по В.Д. Кубареву, относятся также оградки без изваяний и стел, поскольку многие из них разбиты, смещены с первоначального места установки, переиспользованы или вообще утрачены);

б) установка оградок в ряд (но это могут быть и одиночные объекты, имеющие все отмеченные для этого типа показатели);

в) наличие ямок, остатков дерева и углей в центре;

г) мощная внутренняя заброска (Кубарев В.Д., 1979б, с. 149–150).

Исследователь справедливо заметил, что в связи с большим разнообразием вариантов оградок яконурского типа не исключено выделение более узких хронологических рамок для некоторых из них (Кубарев В.Д., 1979б, с. 150).

Для юстыдского типа, который был выделен на основании раскопок всего трех сооружений в долине р. Юстыд, названы следующие особенности:

- а) ямы с деревянными столбами в центре и по периметру сооружений;
- б) каменные жертвенные ящики с углями, костями животных и обломками керамических сосудов, кострища с обгоревшими в них костями животных;
- в) каменные кольца, выложенные с восточной стороны у отдельных оградок;

г) установка изваяний, стел и балбалов (как у оградок яконурского типа) (Кубарев В.Д., 1979б, с. 153–154).

Оградки аютинского типа отличаются от «рядовых» сооружений не только такими конструктивными особенностями, как устройством вала и рва, но также наличием реалистично выполненных изваяний (Кубарев В.Д., 1979б, с. 153).

Оградки уландрыкского типа выделены на основе изучения всего двух объектов в урочище Уландрык.

Другая классификация из восьми типов оградок предложена А.С. Васютиным (1983б, с. 7). Кудыргинский тип представлен так же, как у В.Д. Кубарева; юстыдский определен как отдельно стоящие оградки со стелой с внешней стороны; оградки яконурского типа – с балбалами, которые дополнили и уландрыкский тип. Кроме того, обозначены еще четыре типа «культовых» памятников:

- а) кок-пашский тип – оградки со смежными стенками и балбалами;
- б) оградки без сопроводительных столбовых конструкций (тип не имеет названия);
- в) купчегенский тип – оградки со стелой в центре;
- г) кокоринский тип – оградки с остатками деревянных столбов-жердей в центре.

Хронология оградок А.С. Васютиным была неоправданно «омоложена», на что обратил внимание В.А. Могильников (1997, с. 219). Ранняя группа памятников, локализованная А.С. Васютиным (1983б, с. 9–10) в Центральном и Восточном Алтае, датирована VII–VIII вв., поздняя (Юго-Восточный Алтай) – IX–X вв.

К ранней группе А.С. Васютин отнес оградки памятника Кудыргэ. В последующем его позиция не претерпела существенных изменений. В отличие от А.А. Гавриловой, исследователь рассматривает некрополь Кудыргэ как комплекс одновременных памятников (несмотря на известные отличия в вещевом комплексе оградок и погребений, например, в форме костяных

концевых накладок на лук), оставленных тюрками, и датирует временем не ранее VII в. (Васютин А.С., 1985, с. 74, 77; 2001, с. 112; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 83).

А.М. Илюшин (2000, с. 162) вслед за А.С. Васютиным оградки кудыргинского комплекса также определил VII–VIII вв., а ранний период тюркской культуры отнес соответственно к началу VII в. В то же время исследователь справедливо отметил, что памятники раннего этапа тюркской культуры в вещевом комплексе продолжают развитие традиций, появившихся еще в «предтюркский» период (Илюшин А.М., 1992, с. 218).

Нетрудно заметить, что типы оградок, выделенные В.Д. Кубаревым и А.С. Васютиным, взаимовстречаемы и не отражают реальной хронологической ситуации. Многие оградки сочетают в своей планировке и конструкции одновременно признаки нескольких типов. Такое противоречие уже замечено С.В. Неверовым и В.В. Горбуновым (1995, с. 170). Типологически рассматриваемые сооружения обнаруживают гораздо большее разнообразие (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006).

Исследования последних лет позволяют в определенной мере согласиться с А.А. Гавриловой и В.А. Могильниковым о более ранней дате начала сооружения тюркских оградок. Хронологическая схема В.А. Могильникова (1996, с. 28) выглядит следующим образом. Наиболее ранними являются оградка А-I памятника Кок-Паш и малые оградки из Кудыргэ; они датируются 2-й половиной V–VI вв. Эти памятники отражают «...процесс переселения тугю на Алтай после 460 г., смешение их с местными теле и формирование общности алтае-телеских тюрков», а в Центральном Алтае до VI–VII вв. существовал обычай устройства округлых оградок (в том числе с конскими захоронениями) (Могильников В.А., 1996, с. 28). В VII–VIII вв. общее количество оградок увеличивается, что связано с притоком населения на Алтай в результате похода Чабыш-кагана (Чеби-хана) (630–650 гг.), когда часть его войска осела в долинах Центрального Алтая (Могильников В.А., 1994, с. 143; 1995, с. 145; 1997, с. 218). В IX–X вв. число оградок уменьшается, что объясняется ослаблением тюрков после 744 г. (разгром уйгурами), а также с кыргызским завоеванием.

В период подчинения Алтая Уйгурскому и Кыргызскому каганатам «поминальная» обрядность тюрков значительно трансформируется. В VIII–X вв. не известно памятников знати, у многих оградок отсутствуют балбалы; в то же время более объемными становятся скульптуры (Борисенко А.Ю., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С., 2000, с. 15).

Другая типолого-хронологическая схема развития оградок предложена Д.Г. Савиновым (1984, с. 70). Основываясь на типологии В.Д. Кубарева, исследователь определил хронологию тюркских оградок Алтая следующим образом: кудыргинский – V–VI вв., аютинский – VII–VIII вв., юстыдский – VIII–IX вв., яконурский – IX–X вв. Однако он отметил, что эта схема не означает последовательной смены типов, скорее «...можно предполагать преобладание той или иной традиции устройства поминальных сооружений на определенных этапах развития алтае-телеских тюрков» (Савинов Д.Г., 1984, с. 70).

В других работах Д.Г. Савинов отмечает, что смежные оградки кудыргинского типа продолжали сооружаться и после V–VI вв.; юстыдский и аютинский типы существовали в основном в период II Восточнотюркского каганата, а сооружения яконурского и уландрыкского типов взаимовстречаемы и одновременны (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 121, 124; 2005, с. 237).

В.Е. Войтов (1996, с. 70) отнес ранние тюркские оградки (на примере объекта №3 из Дьер-Тебе) к VI–VII вв. Их отличает многоплиточность настила и небольшие размеры.

Датировки, имеющиеся на сегодняшний день, позволяют скорректировать отмеченные подходы относительно тюркских оградок. Самую многочисленную группу (более 70) датированных объектов составляют оградки раннего, кызыл-ташского, этапа (2-я половина V – 1-я половина VI вв.). Их изучение позволяет наметить «истoki» тюркского ритуального строительства, приблизиться к разрешению проблемы назначения оградок с изваяниями и балбалами. Для комплексов обозначенного периода характерны следующие показатели (Шелепова Е.В., 2008б, с. 232):

1. Преобладает смежное устройство оград, хотя есть одиночные и рядом стоящие объекты.

2. Форма оградок округлая и подквадратная.

3. Захоронения лошадей в округлых и подквадратных оградках.

4. Разнообразие вариантов сакральной ориентации стел и балбалов (преобладание западного, северо-западного направления).

5. Практически полное отсутствие скульптурно выполненных изваяний. В то же время некоторые стелы имеют следы обработки, с помощью которой камню пытались придать антропоморфные очертания (к примеру, Г-образная форма изваяний и балбалов на комплексе Яломан-II) (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007, с. 119–120).

6. Традиция сооружения комплексов «знати» с валом и рвом только зарождается. К концу указанного периода могут быть отнесены комплексы из Актру и Макажана. Особенности оформления поясов на изваяниях (набраны гладкими бляшками квадратной формы без прорезей, отсутствуют подвесные ремешки) из названных памятников (Кубарев В.Д., 1984, табл. XIX.-114, табл. XXX.-185, табл. XXX.-185) позволяют датировать их 2-й половиной V в. и до середины VIII в.* В то же время мечи с прямоугольным перекрестием на изваяниях уточняют датировку комплексов, ограничив ее верхней датой 2-й половиной VII в.** Таким образом, памятники из Актру и Макажана близки к большинству «храмовых» комплексов Алтая, которые датированы 2-й половиной VI – 1-й половиной VIII вв. В Монголии наиболее ранний храмовый комплекс датирован 581 г. (Войтов В.Е., 1996, с. 23, 30).

7. Конструктивное разнообразие оградок раннего этапа: ящички, устроенные внутри и/или снаружи оградок, только подквадратной формы; их отсутствие в округлых сооружениях.

Памятников, датированных последующими этапами развития тюркской культуры, насчитывается совсем немного, по сравнению с ранней группой сооружений. Особенности планировки и конструктивного оформления претерпевают следующие изменения: получают распространение скульптурные изваяния, не известно оградок округлой формы и конских захоронений.

В целом продатировано около 200 оградок. По большей части это объекты с определенными типами вещественных находок. В то же время реалии соответствующих изваяний позволяют датировать памятники, в которых они отсутствуют***. Приведем некоторые примеры такой возможности.

По поясу из гладких бляшек квадратной формы без прорезей и подвесных ремешков, изображенному на изваянии возле раскопанной оградки из Согонулу (Кубарев В.Д., 1984, табл. XL.-1), весь комплекс, вероятнее всего, относится ко 2-й половине V – середине VIII вв. Пояс из таких блях изображен и на изваянии из Туру-Алты (Кубарев В.Д., 1984, табл. XLII.-233).

* Вероятно, многие из известных сейчас изваяний на Алтае относятся к данному периоду тюркской культуры и, возможно, могут датироваться со 2-й половины V в. Пояса, набранные квадратными бляхами без прорезей и подвесных ремешков, изображены на многих скульптурах Алтая (Кубарев В.Д., 1984, табл. V.-34, табл. VI.-48, табл. XXXVI.-214 и др.).

** Здесь и далее нами использованы датировки, полученные В.В. Горбуновым (2006, с. 65) по результатам изучения тюркского вооружения.

*** При этом следует учитывать, что некоторые изваяния могли иметь к оградке, возле которой установлены, опосредованное отношение (т.е. использованы «вторично»).

На скульптуре показан также меч, датирующийся в широких пределах 2-й половиной VII – 1-й половиной X вв., а также сосуд, типологически относимый к экземплярам VII–VIII вв. (Кубарев В.Д., 1984, с. 33–34). Пояс из квадратных блях без прорезей изображен на изваянии у оградки II из Дьер-Тебе (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXVIII.-222).

Пояса, набранные квадратными бляхами с прорезями для подвесных ремешков, появляются в тюркской культуре не ранее VII в. (с возникновением II Тюркского каганата), и доживают до X в. (Добжанский В.Н., 1990, с. 37; Кубарев Г.В., 2005, с. 49). Такие пояса показаны на изваяниях из Кыпчыла и Малталу (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIII.-198–199; табл. XLI.-229; табл. XXXII.-194). В то же время меч без перекрестия на Кыпчильском изваянии ограничивает хронологические рамки возведения комплекса VII – 1-й половиной VIII в. Особенности оформления меча на изваянии из оградки №1 памятника Талдура (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 130–131, рис. 11) датируют весь комплекс 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII вв.

Бляхи с фестончатыми краями или порталной формы датируются не ранее 2-й половины VII–VIII вв. (Добжанский В.Н., 1990, с. 38). Пояс, набранный такими бляхами, изображен на изваянии «Кезер» (Кубарев В.Д., 1984, с. 38, табл. XX.-121).

Пояс, набранный бляшками подквадратной и сегментовидной (полуovalной) формы с прорезями и с пряжкой с мысовидным концом, показан на изваянии из Сатакулара (Кубарев В.Д., 1984, табл. XI.-76) и может быть датирован в границах не ранее середины VII–X вв. (Добжанский В.Н., 1990, с. 38–40; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 40).

Пояс с округлыми бляхами, изображенный на изваянии из Терс-Акана (Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXV.-211), распространяется в тюркской и согдийской среде с начала VII в. (Добжанский В.Н., 1990, с. 34–35; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 32) и позволяет датировать весь комплекс не ранее начала VII в.

На изваянии из Малталу показан слегка изогнутый меч с прямоугольным перекрестием. Такие мечи появляются не ранее середины VII в. и доживают до 1-й половины X вв. На скульптуре изображен и пояс, набранный полукруглыми бляхами с прорезью, которые бытовали в середине VII–VIII вв. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 40).

Изваяние комплекса с валом и рвом из Малталу (Кубарев В.Д., 1984, табл. XLI.-230) датируется по наборному поясу из полукруглых блях и мечу с прямоугольным перекрестием 2-й половиной VII – 1-й половиной X вв.

Гораздо сложнее определить комплексы со стелами, а также с изваяниями, на которых проработана только верхняя, лицевая, часть. Более или менее узкой датировке не подлежат и пояса, показанные на изваяниях сплошной полосой.

Тюркские оградки с изваяниями и балбалами интерпретируются большинством исследователей как «поминальные» памятники. Последовательными сторонниками этой точки зрения в настоящее время являются Ю.С. Худяков, Д.С. Савинов и др. Эту концепцию развивает в своих работах В.Д. Кубарев. Однако в некоторых своих статьях исследователь замечает, что однозначно утверждать о «поминальном» назначении всех оградок нельзя; требуется привлечение более массового материала (Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 1995, с. 154; Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 2002, с. 90).

Среди основных доводов, которые, по мнению исследователей, опровергают версию о погребальном назначении оградок, является отсутствие в оградках следов человеческих захоронений. Ни одного археологического памятника, который бы соответствовал описанию похорон у тюрков (сжигание покойного) не обнаружено (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 197–198).

В Чжоу шу и Суй шу говорится о строительстве после похорон в (на) могиле помещения, с нарисованным портретом умершего и сценами боев, в которых он принимал участие при жизни, об установке столба (деревянного) и камней, соответствовавших количеству людей, убитых умершим при жизни (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230; Лю Маоцай, 2002, с. 21, 23). «Помещение» из этого описания соотносится с оградками, «нарисованный облик» с изваяниями, «столб» – с деревом в центре сооружения, «камни» – с балбалами. Все это в целом считается «поминальным» комплексом.

Одним из частных свидетельств связи оградок с «поминальным» обрядом В.Д. Кубарев считает выгравированные на изваяниях из Кудыргэ и с р. Хара-Яма сцены коленопреклоненных всадников (Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 1995, с. 152–153).

Реконструкции «поминального» обряда строятся на следующих положениях.

Как полагал Л.Р. Кызласов (1960, с. 62), сжигание жертвенной пищи производилось не в самой оградке, а поблизости от нее; остатки в виде части золы и углей переносились в оградку, туда же иногда бросались и предметы вооружения. После этого оградка засыпалась камнями и закладывалась плитами (Кызласов Л.Р., 1960, с. 62).

В.Д. Кубарев считает, что некоторые оградки изначально представляли собой объемные деревянные конструкции (Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., 2002, с. 86). В них производились многократные поминальные обряды (Кубарев В.Д., 1984, с. 62–81). Первые поминки заключались в строительстве оградки, которая являлась своеобразной моделью жилища кочевника. В центре ограждающей конструкции устанавливалось дерево с развесистой кроной. Деревянные столбы помещались также по углам. Они поддерживали всю каркасно-столбовую постройку. На северной или восточной стороне производились обряды угощения души умершего: разводился костер с принесением в жертву домашних животных – лошади и овцы. Затем угли переносились к дереву в центре. Голова и шкура жертвенного животного вывешивались на верхушку дерева, оградка закладывалась камнями. Свидетельством вторых поминок, по мнению исследователя, являются ящички с помещенной в них пищей для души умершего, пристроенные к внешним сторонам ограждения. Заключительный этап поминок заключался в сжигании всей деревянной конструкции (Кубарев В.Д., 1984, с. 55).

Схема реконструкции, разработанная В.Д. Кубаревым (особенно в части ассоциации оградок с моделью жилища кочевника), одними исследователями была принята (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 68–69; Костюков В.П., 1994, с. 156; 2005, с. 115, 118, 131; и др.), у других вызвала определенные возражения (Ю.С. Худяков, В.Е. Войтов и др.).

В процессе исследования тюркских оградок на территории Тувы Ю.С. Худяков выявил, что «деревья» в оградке были установлены корнями вверх. Исследователь считает, что тризна или подношение производились как во время (это подтверждает расположение находок обычно на уровне древней погребенной почвы), так и после строительства оградки (находки сосудов снаружи), но до перекрытия ее насыпью (Худяков Ю.С., Ким С.А., 1999, с. 29, 63; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2001, с. 148). Сама оградка, с его точки зрения, выполняла функцию ограждающего пространства «для поминального подношения умершему»; здесь сжигалась мясная пища, а «пепел и обгоревшие кости помещались в центре оградки или рассыпались по поверхности, черепа животных развешивались на балбалах».

На основе изучения памятника Биченег, особенностью которого является многочисленный керамический комплекс, Ю.С. Худяков отметил многократность совершения поминального обряда (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2001, с. 148).

В.Е. Войтов (1996, с. 114–115), анализируя реконструкцию В.Д. Кубарева, указал на то, что вряд ли оградки, представлявшие деревянные постройки, сжигались, а затем забрасывались камнями. Это опровергает отсутствие в них большого количества обугленного дерева, значительной прокаленности почвы и плит. И действительно, на примере оградок Котыр-Таса-I нетрудно заметить, что кострища, от которых остались угли, кости животных и др., разводились не в оградке, а в другом месте.

А.С. Васютин (1983б, с. 11) рассматривал оградку как святилище, где «...приносились жертвы духу предка и происходили «встречи» с ним».

Ящички или ямки с золой, костями, керамикой, находимые в центре оградок, Я.А. Шер (1966, с. 20) считает своеобразными «жертвенными местами», «алтарями».

Сторонники интерпретации оградок как мест погребений (Вайнштейн С.И., 1966, с. 75; Альбаум Л.И., 1960, с. 95–100) использовали упомянутые сведения письменного источника, считая их описанием тюркского погребального обряда (Гумилев Л.Н., 1959, с. 108–109, 114).

А.Д. Грач (1955, с. 427–430) первоначально видел в оградках места ритуального сожжения. В работе «Древнетюркские изваяния Тувы» он называл оградки поминальными сооружениями (Грач А.Д., 1961, с. 54). При раскопках кольцевых сооружений, расположенных к востоку от примыкающих друг к другу оградок с установленными внутри стелами на памятниках Хачы-Хову и Бай-Тайга (Тува), в ямках им были обнаружены зола и кальцинированные кости человека. Комплекс из Бай-Тайги был отнесен А.Д. Грачом (1966, с. 105) к раннему этапу тюркской культуры*. Основываясь на материалах исследованного памятника и используя информацию письменного источника, где говорится о том, что до 1-й трети VII в. тюрки практиковали обряд трупосожжения, исследователь не исключал возможности «погребального» назначения ряда оградок (Грач А.Д., 1968, с. 208–212).

А.А. Гаврилова (1965, с. 18) на основании изучения объектов Кудыргинского комплекса посчитала, что пока нет достаточных аргументов для того, чтобы интерпретировать их как поминальные или погребальные объекты. В то же время она обратила внимание на факт обнаружения во многих

* Д.Г. Савинов датировал кольцевые выкладки с восточной стороны оградок со стелами из Бай-Тайги V–VI вв., считая их принадлежавшими родственной, но не идентичной тюркам группе населения, которая проживала в то время в Туве (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 199).

оградках углей и золы, что могло бы при условии наличия костей человека подтвердить их «погребальное» назначение. По ее мнению, в еще не исследованных оградках может быть зафиксирован обряд трупоположения, о переходе к которому в конце VII в. сказано в китайских хрониках (Гаврилова А.А., 1965, с. 21; Васютин А.С., 1985, с. 76–77).

Свой вариант реконструкции тюркского погребального обряда предложил один из авторов настоящей работы (Суразаков А.С., 1987, с. 41; 1988, с. 569–570). В оградках совершался обряд по типу воздушных захоронений, заключавшийся в подвешивании в мешочке к деревянному столбу в центре сооружения кремированного праха умершего. «К деревянным столбам в центре сооружений привязывались мешочки с остатками погребальных костров, которые, упав со временем поверх каменных насыпей, естественно, до нас не дошли» (Суразаков А.С., 1993, с. 51).

Компромиссную позицию, базировавшуюся на хронологических разграничениях, предложил В.А. Могильников (1992, с. 185–186). Он считал, что на раннем этапе «...часть оградок служила не только поминальными сооружениями, но и местами погребения», но большинство таких сооружений носило культовый характер. Кольцевые выкладки с конскими захоронениями на археологическом комплексе Кара-Коба-I В.А. Могильников (1992, с. 176; 1994, с. 111–112, 143; 1995, с. 145) отнес к V–VI вв. Исследователь полагал, что подобные сооружения хронологически и планиграфически предшествовали квадратным оградкам: две прямоугольные оградки были пристроены к комплексу из пяти смежных колец №86, а камни кольцевых конструкций частично использовались для строительства прямоугольных объектов. Датировка захоронений лошадей в кольцевых оградках В.А. Могильниковым (1997, с. 225) позже была пересмотрена и определена в рамках VI–VII вв. Часть кольцевых и подквадратных объектов памятника В.А. Могильников рассматривал в качестве кенотафов. В одной из кольцевых смежных оградок (№69-A-1) под насыпью обнаружены предметы снаряжения коня (железные однокольчатые удила и восьмерковидное стремя), а в другой (№69-A-2) находок не зафиксировано. Как предполагал исследователь, в целом изученный объект напоминал кенотаф, в котором «...в память об умершем были похоронены уздечка и седло» (Могильников В.А., 1994, с. 95).

По ряду показателей (захоронение в яме лошади, отделенное перегородкой от колоды с вещами, отсутствие останков человека) близка кенотафам и другая, но уже прямоугольная оградка (№109) комплекса Кара-Коба-I

(Могильников В.А., 1992, с. 184–185, рис. 13, 14). Одновременно эта оградка отличается от большинства объектов некрополя и по таким параметрам, как прямоугольная форма, установка стелы над захоронением лошади* и балбала за восточной стенкой, что сближает ее с сооружениями других хронологических этапов (VII–X вв.) (Шелепова Е.В., 2008б, с. 230–231).

Захоронение коня в оградке В.А. Могильников (1992, с. 185; 1997, с. 225–226) считал проявлением обряда снабжения погребенного инвентарем. Произведенные наблюдения позволили исследователю сделать вывод, что кольцевые и квадратные сооружения на памятнике Кара-Коба-I могли быть оставлены разными группами тюркоязычного населения (местного и пришлого, которое появляется на Алтае во 2-й половине V в.) и на раннем этапе оградки могли являться как поминальниками, так и погребениями (Могильников В.А., 1992, с. 186).

По найденным в некоторых объектах комплекса предметам вооружения, снаряжения верхового коня, они в настоящее время датируются ранним, кызыл-ташским, этапом тюркской культуры (Горбунов В.В., 2003, табл. I; 2006, с. 65).

Близка кенотафам, по мнению В.А. Могильникова (1992, с. 192), и оградка из Ян-Гобо**. В центре сооружения, отличавшегося значительными размерами (13,5х13,5 м), выявлена яма размерами 2,45х1,7 м и глубиной 1,1 м, в которой находилось деревянное гробовище (1,7х0,63х0,7 м), пустое внутри, в «головах» перекрытое плитой (Кубарев В.Д., 1984, с. 54–55).

Ю.И. Трифонов (1973, с. 355–356, 364) считал тюркские оградки поминально-погребальными сооружениями. Как и Л.Р. Кызласов (1969, с. 26), он относил их появление, наряду с курганами, с обрядом погребения человека с конем, к VI в.

Среди аргументов рассмотрения оградок как мест погребений называется их обособленное нахождение, отдельными группами, вне связи с одновременными или инокультурными памятниками (Кызласов Л.Р., 1966, с. 26; Трифонов Ю.И., 1973, с. 356; Суразаков А.С., 1988, с. 569).

Уже отмечалось, что для интерпретации и реконструкции погребального или поминального обряда исследователями привлекаются известные сведения письменных источников. Остановимся на них подробнее.

Китайские хроники, повествующие об обычае похорон у тюрков, составлены во 2-й половине VI – 1-й половине VII вв. и синхронизируются с пе-

* Оградки со стелой, как считает В.А. Могильников (1992, с. 185), являлись надмогильным сооружением для захоронения лошади.

** По удилам, найденным в заполнении, оградка датирована кудыргинским этапом тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII вв.) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161).

риодом I Тюркского каганата (Войтов В.Е., 1996, с. 80; Ермоленко Л.Н., 2004, с. 48). В них речь идет о сожжении умершего вместе с его вещами (Чжоу-шу) или лошадьё (Суй-шу) и последующем закапывании пепла в могильной яме (Бичурин Б.Я., 1950, с. 230; Лю Маоцай, 2002, с. 21), т.е. следует полагать, что сожжение производилось не в день погребения, а сразу или спустя некоторое время после смерти.

В Чжоу шу указано, что для похорон избирался соответствующий день, когда родственники снова приносили жертвы, объезжали верхом вокруг могилы и царапали свои лица. Затем, после похорон они нагромождали («наслаивали») камни, ставили памятный (Чжо шу) деревянный (Суй шу) столб и камни, которые соответствовали числу людей, убитых умершим при жизни (Шер Я.А., 1966, с. 35; Лю Маоцай, 2002, с. 21, 23). Как сказано в Суй шу, после зарывания пепла в могилу и установки столба, в могиле строилось помещение, в котором нарисован портрет умершего и сцены боев, в которых он принимал участие при жизни (Лю Маоцай, 2002, с. 23). Затем на столб вывешивались все головы жертвенных баранов и лошадей (Чжоу шу) (Лю Маоцай, 2002, с. 21). Лошади и крупный рогатый скот приносились в жертву родственниками умершего и до похорон, сразу после смерти.

Указания на то, что тюрки практиковали обряд сожжения, имеются в других разделах источника. В Суй шу под 582 г. сказано, что во время неудачного похода на юг, потерпев поражение, тюрки сожгли трупы на поле боя и затем ушли (Лю Маоцай, 2002, с. 41). Но памятники в честь воинов, не вернувшихся из походов, вероятно, все-таки устраивались, о чем свидетельствуют енисейские надписи (Кормушин И.В., 1997, с. 95).

При Хели-кагане зафиксирована смена обряда сожжения на трупоположение (1-я треть VII в.), что было расценено китайским императором как нарушение предписаний предков (Лю Маоцай, 2002, с. 68). Однако, как говорится в Цзю Тан шу, после смерти Хели в 634 г. его тело сожгли в соответствии с традиционным обрядом (Лю Маоцай, 2002, с. 71).

Именно так описывается тюркский погребальный обряд в источнике. Конкретных свидетельств об осуществлении поминок там не содержится. Однако одним из обрядовых действий являлось приношение жертв, с момента смерти до погребения. Для этого производился забой крупного рогатого скота и лошадей. Вероятно, следы таких обрядов следует видеть в костях животных, зафиксированных в оградках: в заполнении, под плитами, а также на уровне древнего горизонта. Из сказанного в источнике нельзя

заключить, что существовало какое-либо разграничение в пространстве и времени погребального и поминального обрядов.

Не удивительно, что использование в качестве аналогий сведений источников во многом внесло путаницу при реконструкции тюркского погребально-поминального обряда. Л.Н. Ермоленко (2004, с. 48–49) справедливо отметила, что на основании толкования отрывка из хроники «Суй шу» была произведена произвольная аналогия между «помещением», «портретом» умершего, «камнями» и конкретными археологическими объектами: оградкой, изваянием и балбалами.

К тому же неоднократно отмечалось, что некоторые хроники (к примеру Суй шу) носили явно компилятивный характер и дошли до нас в более поздней по сравнению со временем создания редакции (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 198; Ермоленко Л.Н., 2004, с. 49).

Обращение к археологическим материалам позволяет несколько прояснить вопрос о назначении комплексов с оградками, изваяниями и балбалами. При этом оказывается, что по-своему правы последователи как первой, так и второй точек зрения. Рациональное зерно содержится и в упомянутых вариантах реконструкций.

Представленные и кратко охарактеризованные материалы, полученные при исследовании погребально-поминальных комплексов тюркской культуры, позволяют наметить основные направления научно-исследовательской деятельности. Прежде всего, необходима разработка типологии оградок на основе классификации всех объектов и учета полученных датировок, которые основаны на изучении предметного комплекса и изображенных реалиях на изваяниях, радиоуглеродного и дендрохронологического анализа. Следующим шагом станет картирование разных типов выявленных оградок. Важным наблюдением может стать то обстоятельство, что в сросткинских комплексах Лесостепного Алтая, сформировавшихся под доминированием тюркских традиций, отсутствуют отдельные поминальные оградки. В то же время в погребальных конструкциях фиксируются деревянные внутрикуранные оградки, рвы, столбики и другие структурные элементы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные оградки памятника Котыр-Тас-I, несомненно, относятся к тюркской культуре Алтая и демонстрируют отдельно сформированный комплекс. Исходя из современного уровня интерпретации такого вида археологических объектов можно заключить, что он имел погребально-поминальный характер. Установление хронологии производилось нами на основании анализа обнаруженных предметов.

Условия находок панцирных пластин в оградках №1 и 2 схожи: они лежали возле «дополнительных» ямок, устроенных рядом с ямой для установки лиственничного столба. Все зафиксированные пластины, согласно классификации В.В. Горбунова (2003, с. 34), относятся к группе железных, разряду ламеллярных, разделу вертикальных.

Система расположения отверстий на пластинах из оградки №1 (рис. 25.-1–5)* позволяет отнести их к отделу IV – с боковыми и срединными (верхними и нижними) отверстиями, типу 6 – овально-прямоугольные, вогнутые, средних пропорций, варианту а – с 12 отверстиями. Эти детали панциря находят ближайшие аналогии в памятнике одинцовской культуры Лесостепного Алтая – Ближние Елбаны-XIV, могила №37 (Горбунов В.В., 2003, рис. 20.-1). Их датировка ограничивается IV–VIII вв., а на уровне варианта – 2-й половиной IV – V вв. н.э. (Горбунов В.В., 2003, с. 45, рис. 33).

Пластины из оградки №2 имеют свои особенности. Один фрагмент (рис. 25.-11), согласно той же классификации В.В. Горбунова (2003, с. 34–35), относится к отделу VI – с боковыми и срединными (верхними и центральными) и окантовочными (нижними) отверстиями, типу 12 – овально-прямоугольные, средних пропорций, варианту а – с девятью отверстиями. Срединные отверстия у пластин расположены по верхнему краю и в центре. Для крепления канта имеются специальные отверстия только по нижнему краю. Время существования такого типа находок для памятников тюркской

* Реконструкция панцирных пластин выполнена В.В. Горбуновым (авторы выражают ему благодарность за проделанную работу и консультации).

культуры определяется в довольно широких пределах – 2-я половина V – 1-я половина IX вв. н.э. (Горбунов В.В., 2003, с. 48).

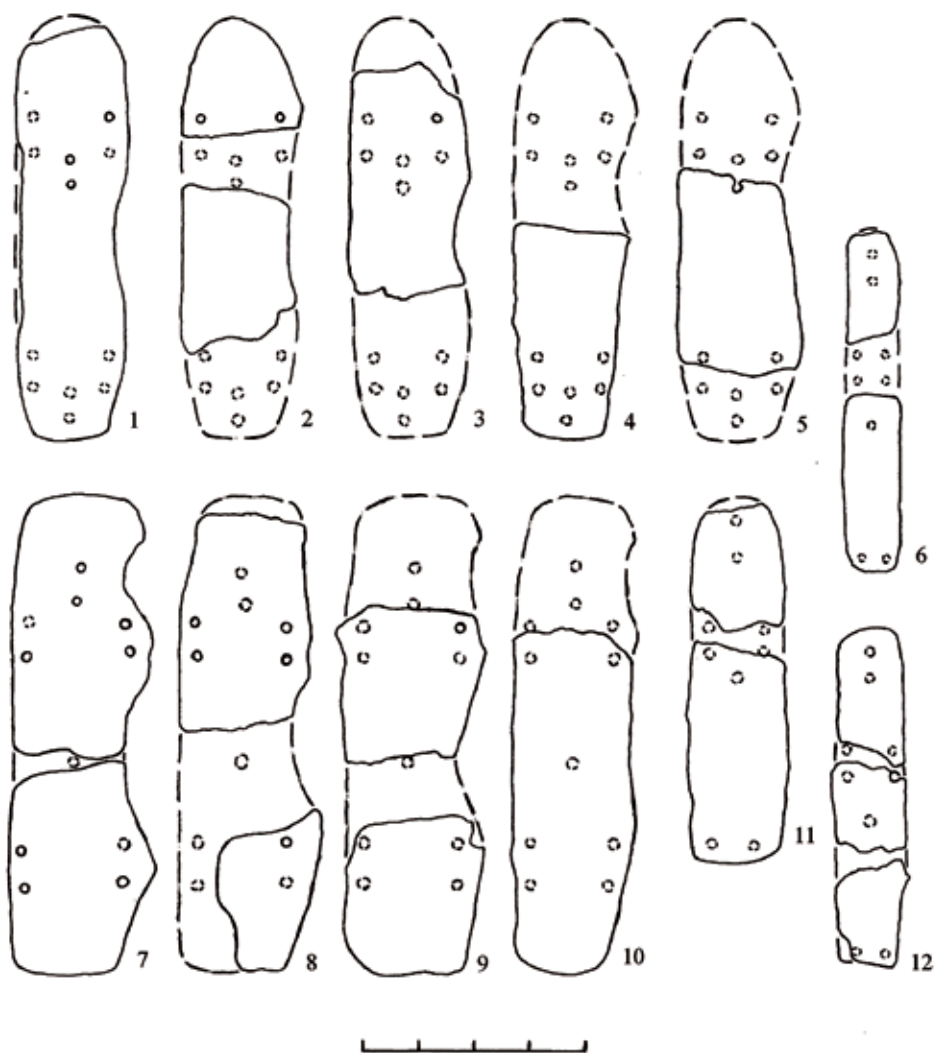

Рис. 25. Реконструированные панцирные пластины
(по материалам находок из оградок №1 и 2 памятника Котыр-Тас-I)

Другие две пластины (рис. 25.-6, 12) – овально-прямоугольные и узких пропорций. Подобные узкие изделия происходят из тюркских памятников Канданда-3 (2-я половина VII – 1-я половина VIII вв.) и Балык-Соок-I (VIII – 1-я половина IX вв. н.э.) (Горбунов В.В., 2003, рис. 20.-4, рис. 24.-4-6).

Остальные образцы панцирных пластин из оградки №2 (рис. 25.-7–10) относятся к отделу VI, типу 14 – овально-прямоугольные с волнисто-вырезной стороной. Ближайшие аналогии этим пластинам обнаруживаются в памятнике одинцовской культуры Татарские Могилки, который датируется 2-й половиной IV–V вв. (Горбунов В.В., 2003, рис. 18.-1–3). В целом же указанный тип пластин был распространен в широких хронологических пределах – IV–XIV вв. (Горбунов В.В., 2003, с. 49).

Кроме деталей панциря, на памятнике Котыр-Тас-I в оградке №7 обнаружено стремя (рис. 15 и фото 6 на вклейке). Оно характеризуется рядом особенностей. Это изделие арочной формы с широкой спрямленной подножкой, в центре которой имеется вырезной фигурный орнамент. Отверстие для путлища сделано в центре верхней части дужки, которая украшена изображениями двух «драконов».

Стремена с отверстием для путлища в самой дужке появляются в материальной культуре населения Южной Сибири в XI–XII вв. (Савинов Д.Г., 1972б, с. 259, 262, табл. I.-38). Однако наибольшее распространение подобная форма получает в XII–XIII вв. и позже (Кызласов Л.Р., 1969, табл. IV.-54, 55, 65; Неверов С.В., 1998, с. 150, рис. 9.-1–2; Савинов Д.Г., 2005, с. 131, 135, рис. 1.-2–4). На Алтае, в Туве и Монголии рассматриваемый тип стремени отражает распространение культуры монгольского времени (Гаврилова А.А., 1965, с. 106, рис. 1.-9, рис. 13.-2; Грач В.А., 1982, с. 164, рис. 7.-11, 12; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 151).

Исходя из особенностей изготовления и оформления рассматриваемое стремя из памятника Котыр-Тас-I, вероятнее всего, относится ко времени этнографической современности – XVIII – начало XX вв. В это время у монголов, тувинцев, алтайцев, бурятов были распространены бронзовые и стальные стремена (Вайнштейн С.И., 1972, с. 142). Бронзовые стремена декорировались целостными, выразительными изображениями голов хищных животных, среди которых особое место занимали головы драконов (Коренько В.А., 2002, рис. VIII.-1). Орнамент на подножке стремени из оградки №7 памятника Котыр-Тас-I находит точные аналогии образцам стремян XIX в. из Центральной Азии (Коренько В.А., 2002, рис. XV). Еще одним показателем «поздней» датировки этого изделия является наличие у него широкой прямой подножки. Обозначенные показатели свидетельствуют о попадании стремени в комплекс тюркской оградки значительно позднее времени сооружения и функционирования комплекса. Чем были обусловлены эти обстоятельства, сказать пока трудно. По мнению В.Д. Кубарева

(2001а, с. 44, прим.), стремя могло остаться от разрушенного впускного погребения или было пожертвовано в качестве подношения «духам предков».

Следующая находка из памятника Котыр-Тас-I – это золотые, с рельефным орнаментом пластины из оградки №4 (рис. 8, фото 5 на вклейке). В средней и нижней части самой крупной пластины имеются отверстия, которые, вероятно, служили для пришивания к одежде, поясу и т.п. У самой маленькой пластины также есть специально сделанное отверстие, расположенное в средней части. У третьего изделия отверстия не просматриваются. У всех пластин имеются выпуклины, причем у самой крупной пластины они располагаются симметрично по краям изделия.

Орнамент на золотые пластины был сделан, вероятно, тиснением (?). Такой способ изготовления предметов торевтики был известен в тюркской культуре, но распространен в меньшей степени, нежели техника литья (Кубарев Г.В., 2005, с. 54). В вещевых комплексах тюркской культуры находки изделий из этого благородного металла встречаются редко (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2007). В тюркских памятниках Тувы (могильники Монгун-Тайга, Бай-Даг) найдены золотые фигурные бляхи, которые предназначались для украшения конской узды (Кызласов Л.Р., 1969, с. 78, табл. II.-51–53). Из тувинских погребений происходят также четырехлепестковые бляшки из плющеного золота; встречены золотые поясные бляшки. В богатых тюркских могилах найдены золотые округлые и сердцевидные бляхи (Кызласов Л.Р., 1969, с. 20, 78, 105).

В материалах раскопок тюркских оградок на Алтае известна одна находка золотых пластин. Это золотые бляшки, найденные в одной из оградок в логу Чадыр (Кубарев В.Д., 1979б, рис. 1). Три изделия имеют полусферовидную форму и отверстия для пришивания. Еще одна бляшка имела круглую форму и четыре симметричных отверстия по краю. Сделана она из толстого золотого листа (Кубарев В.Д., 1979б, с. 137). Оградка может быть датирована кудыргинским этапом – 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005).

Таким образом, среди обнаруженных в оградках Котыр-Таса-I предметов более или менее определенную датировку комплекса могут дать панцирные пластины. Зафиксированные типы таких изделий позволяют предположить, что объекты могли сооружаться в пределах VII–VIII вв. н.э., скорее всего, в 1-й половине VII – 1-й половине VIII вв., т.е. в конце кударгинского или на катандинском этапе тюркской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д. Разведки в Горном Алтае // АО 1979 г. М., 1980. С. 184–185.

Абдулганеев М.Т. Отчет об археологических исследованиях Бойтыгемского отряда Катунской археологической экспедиции в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области летом 1989 г. Барнаул, 1990. 101 л. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №101).

Абдулганеев М.Т. Отчет о раскопках могильника Бойтыгем-2 в Онгудайском районе Горно-Алтайской республики в сентябре 1991 г. Барнаул, 1992. 67 л. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №111).

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // ИИАК. Петроград, 1916. Вып. 62. 94 с.

Альбаум Л.И. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов» // КСИА. М., 1960. Вып. 80. С. 95–100.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. №3. С. 106–132.

Ануфриев Д.Е., Кравченко Е.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. О создании инженерно-топографических планов археологических памятников (по результатам полевых работ в долине р. Актру в 2003 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. II. С. 174–177.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 384 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Борисенко А., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Основные проблемы изучения культуры древних тюрков в Центральной Азии // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 7–26.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Памятники культуры древних тюрок в исследованиях В.В. Радлова // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Омск. ун-т, 2000. С. 134–146.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Керамика из древнетюркского поминальника Биченег // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. №7. С. 145–154.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Бородовский А.П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. XII. С. 176–179.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. 1966. №3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972. 313 с.

Васютин А.С. Разведка в бассейне р. Кокоря // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 195.

Васютин А.С. Поиски ритуальных сооружений в Горном Алтае // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 171.

Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 г. М.: Наука, 1983а. С. 192.

Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая (VII–X вв. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983б. 16 с.

Васютин А.С. Новые находки из древнетюркских оградок Горного Алтая // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 193.

Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кем. ун-т, 1985. С. 73–79.

Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стрелами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово: Кем. ун-т, 1994. С. 55–68.

Васютин А.С. Канун и начало древнетюркской эпохи на Горном Алтае: к основным итогам исследования // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск: ТГУ, 2001. С. 111–112.

Васютин А.С., Елин В.Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемер. ун-т, 1983. С. 118–122.

Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 107–114.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Исследования в Восточном Алтае // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 170.

Верещагин В.И. От Барнаула до Монголии: (путевые заметки) // Алтайский сборник. Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1908. Т. IX. С. 1–64.

Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия (предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 году). Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. II. С. 1–42.

Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 114–136.

Войтов В.Е. Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // MONGOLICA: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, 1986. С. 118–136.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Войтов В.Е., Волков В.В., Кореневский С.Н., Новгородова Э.А. Археологические исследования в Монголии // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 586–588.

Волков В.В. Экспедиция в Монголии // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 485–486.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А., Войтов В.Е. Работы на Чулууте и Хара-Хорине // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 595–597.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 227–229.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. 156 с. (Труды САИПИ. Вып. 3).

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 199–202.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 62–68.

Грач А.Д. Каменные изваяния Западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сборник МАЭ. 1955. Т. XVI. С. 401–431.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Вост. лит., 1961. 94 с. + прил. (96 рис. и 3 табл.).

Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 81–107.

Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 207–213.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156–168.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. 1. С. 17–21.

Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков-тугю // СА. 1959. №1. С. 105–114.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом

комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 315–319.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // ТС-1974 г. М., 1978. С. 230–237.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 178–188.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. 164 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 16. С. 119–134.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. №24. С. 72–120.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 148 с.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. (верховья Катунь) // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. I. С. 71–106.

Илюшин А.М. Исследования в долине р. Чулышман // АО 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 204.

Илюшин А.М. К вопросу об изучении ритуальных памятников кочевников скифо-сибирского мира // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: Б.и., 1987. Ч. II. С. 112–113.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 157–188.

Илюшин А.М. Новые материалы к проблеме соотношения памятников предтюркского и раннетюркского времени Восточного Алтая // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 212–227.

Илюшин А.М., Бандура А.П. Комплекс археологических памятников долины р. Чулышман // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 74–75.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 93–103.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П. Работы по сохранению историко-культурного наследия в рамках создания археологического парка «Перекресток миров» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 26–30.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 273–277.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Кляшторный С.Г. Советско-монгольская экспедиция // АО 1982 г. М.: Наука, 1983. С. 511–512.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 37–61.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: ФАРН, 1994. 165 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Колесников А.А. Мария Швецова. Контур личности // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. XX. С. 255–262.

Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Вост. лит., 2002. 328 с.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.

Костюков В.П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 138–156.

Костюков В.П. Из новых исследований средневековых оградок на Южном Урале // Вестник ЧГПУ. 2005. №3. Сер. 1: Исторические науки. С. 99–140.

Котвич Вл. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914. 44 с.

Кубарев В.Д. Первые работы в долине р. Юстыд // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 209–211.

Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 86–98.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979а. 120 с.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979б. С. 135–161.

Кубарев В.Д. Олений камень с р. Чуи // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука, 1979в. С. 163–170.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980а. С. 69–91.

Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 г. М.: Наука, 1980б. С. 212–213.

Кубарев В.Д. Работы на Алтае // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 187–188.

Кубарев В.Д. О работах на Алтае // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 205.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Работы Восточноалтайского отряда // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 182–183.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.

Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г.) // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 61–75.

Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 237–239.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. №1. С. 149–163.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и у оз. Даян (Монгольский Алтай) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 169–173.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 76–95.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В. Исследование древнетюркских оградок в местностях Кыйу и Кызыл-Шин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 368–374.

Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.

Кубарев Г.В., Гилсу Со, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхударев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и

сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 298–303.

Кубарев Г.В., Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование древнетюркских памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 139–141.

Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д. Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 357–360.

Кубарев Г.В., Разводовски А., Кубарев В.Д. О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 373–376.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 392–396.

Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник МГУ. Сер. IX: Ист. науки. М., 1960. №1. С. 51–76.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. 1964. №2. С. 27–39.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 211 с.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш-II // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 192–197.

Лю Маоцай: Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / Ин-т востоковедения РАН. М., 2002. 126 с. (Бюллетень Общества востоковедов. Прил. 1).

Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. М.: Наука, 1981. 176 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

Мамадаков Ю.Т. Отчет об археологических исследованиях Онгудайского отряда Алтайской археологической экспедиции в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области в 1980 г. Барнаул, 1981. 50 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №25).

Мамадаков Ю.Т. Работы в Горном Алтае // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 216–217.

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. 100 с.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С. 84–90.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культовые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Могильников В.А. К проблеме происхождения древних тюрок Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1995. С. 142–145.

Могильников В.А. Об истоках генезиса древнетюркской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Б.и., 1996. С. 24–30.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая с связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 145–155.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

Мурзаев Э.М. Географические исследования в МНР. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 210 с.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катуни // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. VI. С. 167–170.

Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 156–177.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 381 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск: Б.и., 1995. Ч. II. С. 207–232.

Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. Древнетюркские каменные изваяния в долине р. Торгалыг // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987а. С. 188–197.

Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. Оленные камни Южной Тувы // Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Наука, 1987б. С. 108–112.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии // Древности. М., 1885. Т. X. С. 50–57.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества): В 3-х вып. СПб., 1881. Вып. II. 280 с.

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии: В 3-х вып. СПб., 1892, 1893, 1896 гг.

Радлов В.В. Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. 70 с. + табл.

Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). М.: Наука, 1989. 718 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л.: Изд-е Гос. Русского музея, 1927. Т. III. Вып. II. С. 37–51.

Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // АО 1971 г. М.: Наука, 1972а. С. 286–187.

Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии. М., 1972б. С. 255–266.

Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // ТС-1977 г. М., 1981. С. 233–248.

Савинов Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени из Южного Алтая // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987а. С. 80–89.

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1987б. 594 с. (ВНТИЦ. Копия отчета о НИР: В 3-х ч. 1990).

Савинов Д.Г. Проблема оленных камней (в историографическом аспекте) // История археологических исследований Сибири. Омск: Омск. ун-т, 1990. С. 106–133.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. «Идея» ряда в древних и средневековых памятниках Центральной Азии и Южной Сибири // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Омск. ун-т, 1997. С. 126–128.

Савинов Д.Г. Миниатюрные стремени в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Соенов В.И. Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 113–135.

Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н. Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон-I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 90.

Сорокин С.С. Древние каменные изваяния Южного Алтая // СА. 1968. №1. С. 260–262.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 23–39.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с.

Суразаков А.С. Исследования у с. Куюс в Горном Алтае // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 214.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Суразаков А.С. Раскопки у сел Куюс и Кокоря в Горном Алтае // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 232–233.

Суразаков А.С. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южносибирских и центральноазиатских племен // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. I. С. 39–41.

Суразаков А.С. О древнетюркских каменных оградках // Тюркология-88. Фрунзе: Илим, 1988. С. 569–570.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990а. С. 197–200.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-II // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990б. С. 56–96.

Суразаков А.С. Исследования в местности Котыр-Тас // Altaica. Новосибирск, 1993. №2. С. 50–51.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.

Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.): Автореф. ... дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 1971. 27 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине Средней Катунь // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 151–153.

Тихонов С.С. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (1877–1917 гг.) // История археологических исследований Сибири. Омск: Омск. ун-т, 1990. С. 64–77.

Тишкин А.А. И.-Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири: (краткий биобиблиографический очерк) // Актуальные вопросы истории

Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 66–72.

Тишкин А.А. О пребывании И.-Р. Аспелина на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 124–130

Тишкин А.А. Отчет о проведении археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай и в Первомайском районе Алтайского края летом и осенью 2003 г. Барнаул, 2005. 476 л. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №220).

Тишкин А.А. Алтай в период раннего средневековья (историко-культурная панорама и результаты археологических исследований) // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007а. Т. I. С. 3–8.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007б. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. Ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.+вкл.

Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // ТС-1972 г. М., 1973. С. 350–374.

Уманский А.П. Раскопки Ледебур в Горном Алтае // Ученые записки ГАННИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1964. Вып. 6. С. 35–52.

Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 168–184.

Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. С. 215–219.

Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю. Древнетюркский поминальник в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 417–423.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 456–470.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Продолжение раскопок поминальника Биченег // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 479–483.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 510–515.

Худяков Ю.С., Бородовский А.П. Раскопки на Средней Катуні // Altaica. 1993. №3. С. 17–20.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрок в Южной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 23–54.

Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обозрение. 1994–1996. Новосибирск, 2000. С. 199–200.

Швецова М.В. Алтайские калмыки // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск: Типография Окружного штаба, 1898. Кн. XXIII. С. 1–34+ табл.

Шелепова Е.В. Изучение Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым каменных изваяний Горного Алтая и Северо-Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск, 2003а. С. 184.

Шелепова Е.В. Исследования Н.М. Ядринцева в области археологии // Материалы ХLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология. Новосибирск, 2003б. С. 46–48.

Шелепова Е.В. История изучения археологических памятников Северо-Западной Монголии в XIX – начале XX вв. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003в. С. 85–87.

Шелепова Е.В. Вертикально установленные камни на погребальных комплексах скифской эпохи Алтая // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008а. С. 146–148.

Шелепова Е.В. Изучение раннего комплекса ритуальных сооружений тюркской культуры Алтая // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008б. С. 229–233.

Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности: систематика и анализ // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008в. С. 223–230.

Шелепова Е.В., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования И.Г. Гранэ на территории Монголии // Немецкие исследователи на Алтае: Сб. мат. конф. с междунар. участием, посвящ. 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. Горно-Алтайск, 2007. С. 194–198.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.: Изд-во АН СССР, 1966. 139 с.

Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в 1880 г. в Горный Алтай к Телецкому озеру и в вершины Катунь // Записки ЗСОИРГО. Омск: Типография окружного штаба, 1882. Кн. IV. С. 1–46.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей // ТИМАО. М., 1883. Т. 9. Вып. II и III. С. 181–205.

Ядринцев Н.М. Древние памятники и письма в Сибири. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1885. 21 с.

Ядринцев Н.М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // ИИРГО. СПб., 1890. Т. XXVI. Вып. 4. С. 257–271.

Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg. von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Hfors, 1931. 47 s. + 76 kuvas.

Grano I.G. Beiträge zur Kenntnis der Eiszeit in der Nordwestlichen Mongolei und einigen ihrer Sudsibirischen Grenzgebirge. Geomorphologische Studien aus den Jahren 1905, 1906, 1907 und 1909. Helsingfors, 1910. II, 230 s. mit 111, 24. Bl. III.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (г. Горно-Алтайск).

АН СССР – Академия наук Советского Союза.

АН МНР – Академия наук Монгольской народной республики.

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.

АО – Археологические открытия.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Б.и. – без издательства.

ВНТИЦ – Всесоюзный научно-технический информационный центр.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (потом – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований (ГАИГИ), ныне – Институт алтаистики им. С.С. Суразакова).

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГМВ – Государственный музей Востока.

ГРМ – Государственный Русский музей.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

З–В – запад-восток

ИА – Институт археологии.

ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии.

ИАиЭт – Институт археологии и этнографии.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИИРГО – Известия Императорского Русского географического общества.

ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НИР – научно-исследовательская работа.
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология.
САКЭ – Северо-Азиатская комплексная экспедиция.
СМИКЭ – Советско-монгольская историко-культурная экспедиция.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
СЭ – Советская этнография.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.
ТС – Тюркологический сборник.
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет.
Ю-С – юг-север.

SUMMARY

A.S. Surazakov, A.A. Tishkin, E.V. Shelepova
KOTYR-TAS ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AT ALTAY

Nowadays there exist several points of view at the processes of forming of Turkic culture, Turkic ethnos and Turkic political system. They are mostly based upon source – books. Study of archaeological sites increases possibilities of objective reflection of early medieval Altay history. Such mass objects as fences, statues and balbals take particular place among them.

Scope of the gained data of Turkic times increases slowly from year to year and puts specifics in pointing and solving of various questions. Important data contains Kotyr-Tas-I site excavated in 1992 by expedition of Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature under A.S. Surazakhov guidance. Archaeological complex presented in the monograph is situated in Kosh-Agach region of the Altay Republic. It consisted of more than twenty Turkic square fences located separately or grouped into small chains of two or three objects. The chains were stretched in line S–N. Their construction is mostly identical with the exception of some particular features. Narrow square shallow trough was dug in rather solid for that place ground. Thin shale slabs different in size were put into the trough. In some places small stones replaced them. A log was put in one case. Square annexes were made sometimes at basic fences in different places. Vertical wooden poles with charred lower part were dug in the center of the construction. Shallow pits – «hiding-places» covered with horizontally put trough were built near them. Small coals, animal bones, golden plates, linen remains were found there. Signs of fire, animal bones fragments, separate metal objects were found inside the fences on the level of ancient horizon. Constructions were covered with two or three layers of stones after the ritual complex took place. Some animal bones were found over the layers.

Numerous small details were revealed during the study of Kotyr-Tas-I objects. In further researches they will help to make objective conclusions about

burial-funeral rite of medieval Turks. There are no synchronous funeral objects except fences in Kotyr-Tas-I complex.

The basic task of the monograph was to publish the results of the excavation of Turkic fences at Kotyr-Tas-I and consider the gained archaeological data. History of study was briefly considered, basic problems of interpretation of Turkic sites of Altay and near territories were elucidated.

The represented fences of Kotyr-Tas-I site date from Turkic culture of Altay and demonstrate separately formed complex. Proceed from modern interpretation level of such type of archaeological objects, we can conclude that it had burial-funeral character. Chronology was made on the basis of the found object analysis. Only iron cuirass plates found in fences of Kotyr-Tas-I can give more definite dating of the complex. The fixed types of such products give the possibility to assume that the objects could have been built in VII–VIII centuries A.D., most likely of VII – the first half of VIII centuries.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Краткая история изучения на Алтае тюркских ритуальных комплексов.....	7
Глава II. Результаты археологических исследований тюркских оградок на памятнике Котыр-Тас-I.....	35
Глава III. Анализ материалов памятника Котыр-Тас-I и проблемы интерпретации тюркских ритуальных комплексов.....	67
Заключение.....	87
Библиографический список	91
Список сокращений.....	107
Summary.....	109

Научное издание

Александр Сазонович Суразаков
Алексей Алексеевич Тишкин
Елена Владимировна Шелепова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КОТЫР-ТАС НА АЛТАЕ

Монография

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

*Для оформления обложки использованы фотоснимки,
сделанные А.А. Тишкиным при проведении исследований на Алтае:
верхняя часть изваяния (ограда №4 комплекса Яломан-VII);
Чуйская степь; ограды на памятниках Кур-Кечу-V, Яломан-II и VII*

Подписано в печать 01.12.2008. Формат 70х100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,4

Тираж 300 экз. Заказ №_____

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а